

Учреждение образования «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка»

Исторический факультет

Кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории

(рег. № ЗУ/Уч.М. 202-32-2024)

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой

В.А.Йоцюс 2024 г.

СОГЛАСОВАНО

Декан исторического факультета

С.П.Шупляк 2024 г.

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО УЧЕБНОЙ
ДИСЦИПЛИНЕ
«ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ»**

для специальностей

- 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины
- 1-02 01 02 История и мировая художественная культура
- 1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа

Составители:

И.Р.Чикалова, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», доктор исторических наук, профессор.

Рассмотрено и утверждено
на заседании Совета БГПУ 18.08.24, протокол № 1

Оглавление

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	3
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	4
Введение. Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время	4
Исторические взгляды гуманистов	6
Историческая мысль Англии середины XVII – начала XVIII в.	17
Исторические взгляды Просветителей XVIII в.	23
Историография эпохи романтизма (конец XVIII – начало XIX в.)	43
Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.	57
Возникновение и развитие марксистской историографии	70
«Русская историческая школа» Новой истории	77
Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии	83
Изучение истории Германии в российской дореволюционной историографии	85
Изучение истории Франции в российской дореволюционной историографии	98
ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	106
План семинарских занятий	106
РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ	109
Примерный перечень вопросов к зачету	109
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ	111
Учебная программа	111
Список литературы	154

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Предлагаемый электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) призван обеспечить более глубокое и осмысленное усвоение учебного материала по курсу «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время». Он подготовлен с учетом современных требований к изучению вопросов историографии Нового времени и разработан в соответствии с нормативными и методическими документами Министерства образования Республики Беларусь.

ЭУМК предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «1-02 01 01. История и обществоведческие дисциплины», 1-02 01 02 История и мировая художественная культура, 1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа.

Целью дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» является формирование у студентов знаний о методологических и мировоззренческих аспектах основных направлений в историографии, об особенностях и приоритетах национальных историографических школ в Новое время. Для реализации названной цели поставлены следующие задачи:

- изучить эволюцию методологических принципов исторического познания в эпоху Нового времени;
- изучить исторические взгляды представителей основных научных школ, сформировавшихся в эпоху Нового времени;
- изучить основные направления развития национальных историографий рассматриваемой эпохи.

Предлагаемый ЭУМК состоит из теоретического раздела (представлен краткий конспект лекций), практического раздела (содержит планы семинарских занятий), раздела контроля знаний (включены вопросы для подготовки к зачету) вспомогательного раздела (представлен примерный тематический план и содержание курса и список литературы по дисциплине).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Введение. Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время

История как наука, изучающая процесс развития человеческого общества, исследует деятельность людей, общественные отношения, их природу, эволюцию. Другими словами, историческая наука раскрывает социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь общества во всех ее многообразных проявлениях и аспектах.

Историческая наука, в свою очередь, имеет историю, которую надлежит исследовать, изучать. Этим и занимается специальная наука – историография. В это понятие вкладывают разное содержание.

1. Термин «историография» используют как синоним исторических произведений, исторической литературы вообще. Исходя из подобного понимания авторов исторических произведений в прошлом (а иногда и в наше время) именуют историографами. Леопольд Ранке и Н.М. Карамзин имели официальное звание «историографов» своих стран.

2. Термином «историография» обозначают совокупность исторической литературы по какому-либо вопросу, проблеме, периоду: историография Английской революции, историография Нового времени и т. п.

3. Термин «историография» отождествляют с совокупностью всех исторических дисциплин. Очевидно, в этом случае предмет историографии становится чрезмерно широким.

4. Историография – это научная дисциплина, изучающая процесс развития исторической мысли и накопления исторических знаний, зафиксированных в соответствующих памятниках, исследованиях и трудах. На этом определении мы и остановимся.

Историографическое исследование базируется на исторических источниках. К ним в историографическом плане относятся:

Труды историков-исследователей. При этом история исторической науки должна принимать в расчет не только «официальную», «академическую», «университетскую» науку, но и «непрофессиональные», непризнанные труды – именно в них подчас высказываются конструктивные идеи и научно достоверно освещаются события (хотя есть примеры и обратного свойства).

Материалы творческой лаборатории ученого: конспекты, выписки, варианты плана и текста и т.п., рецензии, дискуссии, поскольку в них находят отражение отношение научной общественности к тем или иным трудам и направлениям исследований, борьба мнений по определенным проблемам, эпистолярная и мемуарная литература, если ее авторы озабочены не фиксированием своей роли в истории, нередко преувеличенной, а доносят до адресата и читателя объективные свидетельства очевидца событий своей эпохи.

Перед историографической наукой стоят вполне определенные задачи:

Выявление проблематики исторических исследований, т.е. определение комплекса вопросов, которые в определенный период признавались актуальными и выдвигались для исследования.

Изучение теоретических и методологических принципов исторического познания, которые составляют основу и определяют своеобразие раскрытия исторического процесса различными научными школами и направлениями.

Выяснение социально-политической основы исторического познания. Необходимо знать, к какому классу, социальному слою, общественной группе или партии принадлежит автор того или иного труда, поскольку от этого зависит идеологическая направленность исторического труда.

Наконец, историография должна выяснить концепцию исследователя, дать анализ источниковой базы, показать методику подбора материала и написания самого труда.

Таким образом, комплекс вопросов, подлежащих выяснению в историографическом исследовании можно суммировать следующим образом.

Что оказывало воздействие на развитие исторической мысли?

Что изучалось?

С каких позиций велись исследования?

Кто изучал?

Как изученное становилось достоянием других?

Каково воздействие исторической мысли на общественную жизнь?

В основу историографического исследования может быть положен один из следующих (или в сочетании) принципов.

Биографический. Его главная задача показать основные вехи деятельности и творчества конкретного историка.

Проблемный. Применяется при рассмотрении итогов изучения какого-либо крупного вопроса.

Хронологический. Используется в тех случаях, когда предметом рассмотрения являются общие черты эволюции исторической науки, необходимо выделить главные стороны этого процесса в границах определенного этапа.

Все три указанных принципа найдут то или иное отражение в предлагаемом курсе.

Исторические взгляды гуманистов

Предпосылки возникновения гуманистической историографии. Эпоха раннего Нового времени ознаменована культурными феноменами, которые зародились в Европе, но оказали огромное, может быть, решающее влияние на всю последующую всемирную историю. Они принесли с собой изменения во взглядах на мир, в отношении к науке, искусству, вере, человеческой личности. В результате знания стали более доступными, перестали быть уделом избранных, распространились понятия о свободе совести и веротерпимости, открытие новых земель сопровождалось культурной экспансией и обменом, тенденция приветствовать новое укоренилась и в хозяйственной деятельности, и в литературе, и в социальной жизни. Впоследствии на этой основе утвердилась идея прогресса, который в эпоху Просвещения стали связывать с распространением знания.

Новое мировоззрение противостояло всему строю феодально-церковного миропонимания. Была сломлена духовная диктатура церкви. Вместо господствовавшей в эпоху средневековья теоцентрической картины мира была выдвинута новая – антропоцентрическая. Не бог, а человек был поставлен в центр мироздания. От латинского *humanitas* (человеческая природа, духовная культура) новое мировоззрение получило наименование – гуманизм.

В рамках общего идейного течения – гуманизма с начала XV в. развивается гуманистическая историография. Она явилась первым этапом в развитии исторической мысли и новой ступенью в накоплении исторических знаний, в развитии приемов изучения истории.

Важнейшим достижением гуманистов в области историографии был их отход от провиденциализма – теологических концепций, сводивших все события и явления к божьему промыслу. Историки-гуманисты возвратились к принципам античного прагматизма, согласно которым причины исторических событий заложены не в божьем промысле, а в человеческой природе, в свойствах характеров, жизненных устремлениях и политических целях людей. Другими словами, они придали истории светский характер, рассматривали ее как результат деятельности граждан.

Риторическая школа. Сама гуманистическая историография прошла достаточно сложный путь развития. Она зародилась в XV в. в Италии. Первой по времени возникновения и влиянию была «риторическая школа». Ее название связано со стремлением следовать традициям античной риторики. Для трудов представителей риторической школы характерна отточенная литературная форма, стремление включить в текст исторического повествования вымышленные речи выдающихся политических деятелей ради придания аргументации большей убедительности. Основателем риторической школы являлся флорентийский историк и (с 1427 г.) – канцлер Флоренции Леонардо Бруни (1370 или 1374–1444). В трудах по истории Флоренции он отбросил все легенды и церковные домыслы, сконцентрировал внимание на политических событиях. В трактате «О Флорентийском

государстве» Бруни усматривает причину перемен в истории государств в изменении соотношения сил противоборствующих народных масс и аристократии, но не как следствие божественного предначертания. Он подчеркивает: *«Мне кажется, что наше государство, как и остальные, претерпевало изменения в результате того, что оно склонялось в большей степени то к множеству народа, то к знати»*. В характеристике политической системы Флоренции также нет апелляции к волеизъявлению божественной силы. Лишь исторически сложившееся переплетение демократических и аристократических элементов с преобладанием последних определяет ее государственный строй. Бруни отмечает в связи с этим: *«Флорентийское государство не является до конца ни аристократическим, ни демократическим, но соединением того и другого. Это совершенно очевидно, поскольку, с одной стороны, некоторые знаменитые и могущественные семьи не имеют возможности ни силой, ни деньгами захватить власть в указанном городе, и это противостоит аристократическому правлению. С другой стороны, город не допускает к управлению государством ремесленников и выходцев из простого народа, и это, как мне представляется, находится в противоречии с демократическим устройством. Таким образом, город избегает крайностей и склоняется к средним слоям, но в большей степени к знатым и богатым, хотя и не чрезмерно могущественным»*.

Для развития исторической науки важнейшее значение имел новый подход историков «риторической школы» к проблеме периодизации. В этой связи следует отметить, что средневековые историки заимствовали периодизацию истории из Библии. Уже упоминавшийся Августин делил историю на шесть периодов, подобно тому как на шесть дней было разделено сотворение мира: 1. От Адама до потопа; 2. От потопа до Авраама; 3. От Авраама до царя Давида; 4. От царя Давида до вавилонского пленения; 5. От вавилонского пленения до Христа; 6. От рождения Христа до его грядущего второго пришествия и полного торжества града Божия. Наряду с Августиновым делением всемирной истории в Средние века была распространена периодизация по четырем монархиям, прочно вошедшая в исторические произведения западного и византийского средневековья. Она включала: Ассиро-Вавилонское царство, Мидо-Персидское царство, Греко-Македонское царство, Римскую империю. Властители как Западной, так и Восточной Европы использовали теорию преемственности четырех монархий для обоснования притязаний на роль наследников Римской державы (возникшая в 962 г. при Оттоне I Священная Римская империя германской нации; сформулированная в 1524 г. во времена княжения Василия III концепция «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать»).

Бруни и другие гуманисты порвали с этой традицией и предложили разделить историю человечества на «древнюю», «средневековую» и «новую» с учетом характера культуры в каждом из этих периодов.

Эрудитская школа. Представители «эрудитской», или критической, школы гуманистической историографии занимались кропотливым

собираением документов, памятников письменности и материальной культуры. Большие знатоки фактов и источников, историки этой школы не пытались делать сколько-нибудь глубоких обобщений и давать объяснение собранному ими фактическому материалу. Как правило, они ограничивались лишь последовательным его изложением. Тем не менее их исторические сочинения сыграли большую роль в развитии исторических знаний, особенно источниковедения. Представители эрудитской школы разработали технику восстановления первоначального текста документов, выявления искажений, вставок и ошибок. Они первыми стали отделять собственный текст автора сочинения от заимствований и цитат, введя систему отсылок. Историки этой школы внесли значительный вклад в разработку методов исторической критики.

В этом плане особое место в гуманистической историографии занимает неаполитанский историк Лоренцо Валла (1407–1457). Наибольшее значение для развития историографии имел его трактат «Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина». Эта работа посвящена критике дара («данации») римского императора Константина (324–337), якобы зафиксированного в специальном документе. В нем говорилось, что папа Сильвестр (314–336) исцелил от проказы Константина, который превратил недавно еще гонимое христианство в государственную религию. Благодарный за излечение, Константин якобы подтвердил права римского епископа как главы христианской церкви и передал ему верховную власть над городом Римом, Италией и западными провинциями империи, а сам удалился в Византию. Веками папы обосновывали этим мнимым пожалованием притязания на верховную власть над Западной Европой.

Валла в своем трактате обличает составителей фальшивки: *«Я знаю, что люди давно уже желают услышать, какое же обвинение предъявляю я римским папам. Я предъявляю им тяжкое обвинение, я обвиняю их либо в беспечном невежестве, либо в чудовищной алчности, которая является идолопоклонством, либо в суетном стремлении к власти, которому постоянно сопутствует жестокость. Ибо уже в течение нескольких веков они либо не понимали, что Константинов дар – это подлог, либо сами этот подлог создавали, либо, следуя по стопам своих предшественников, защищали истинность этого дара, о подложности которого они хорошо знали. И этим они бесчестили величие первосвященства, бесчестили память древних пап, бесчестили христианскую веру и все смешивали с убийством, с разрушением и преступлениями. Они утверждают, что город Рим – это их собственность, что им принадлежит Вся Италия, Галлии и Испании, германцы и британны, им вообще принадлежит весь Запад, ибо все это содержится в тексте дарственной грамоты. Итак, все это принадлежит тебе, верховный первосвященник? И ты намереваешься обрести это вновь? Ты хочешь отнять города у королей и князей Запада или заставить королей и князей, чтобы они платили тебе ежегодную дань?»*

А я, напротив, считаю, что будет справедливее позволить князьям лишить тебя всей власти, которой ты обладаешь. Ибо, как я покажу, о том

самом даре, которым верховные первосвященники обосновывают свои права, ничего не было известно ни Сильвестру, ни Константину».

Валла впервые применил научный метод исторической и филологической критики. Он составил психолого-политические портреты императора Константина и папы Сильвестра, из которых следовало, что сама возможность дара противоречила здравому смыслу. Валла обличает авторов документа о даре в незнании процедуры юридического вхождения во власть: *«Неужели не ясно, что владения никогда не были переданы? Отрицать это было бы делом безрассуднейшим. Разве Константин ввел Сильвестра на Капитолий как триумфатора перед рукоплещущей толпой квиритов (а они были язычниками)? Разве Константин усадил Сильвестра на золотое кресло в присутствии всего сената? Разве он приказал должностным лицам (каждому в соответствии с его званием) приветствовать нового царя и поклониться ему? А ведь все это обыкновенно совершается при воцарении нового государя».*

Если же Сильвестр действительно получил во власть целые страны, то кто, ставит вопрос Валла, лишил его этих владений. *«Назови имя того человека, который изгнал папу из его владений, укажи время, скажи, откуда он был изгнан в первый раз, во второй и в следующие разы... Удивительный случай! Римскую империю, созданную столькими трудами, столькими кровопролитиями, христианские священники и приобрели и потеряли так мирно, так спокойно, что не было никаких кровопролитий, никаких войн, никаких раздоров. И, что особенно удивительно, совершенно неизвестно, кто все это осуществлял, в какое время, каким образом, как долго».*

Валла изобличил составителей дарственной грамоты в незнании эпохи Константина, нагромождении нелепостей и несообразностей в изложении событий. Относительно одной из них Валла замечает: *«Разве это совместимо со здравым смыслом – говорить о Константинополе как об одном из патриарших престолов в то время, когда он не был еще ни патриаршим, ни престолом, когда он не был еще христианским городом, когда он не был еще так назван, когда он не был еще основан и не был даже намечен к основанию».*

Валла указывает на необходимость перекрестной проверки исторических фактов, но ее-то история передачи Сильвестру светской власти не выдерживает: живший в XIII в. итальянский доминиканец Яков Ворагинский в «Деяниях святых» обходит молчанием дар Константина, не упоминают о нем и другие источники. В поисках аргументов Валла обращается к нумизматике: *«имеются золотые монеты Константина, уже ставшего христианином, и почти всех более поздних императоров»*, но не найдены монеты верховных первосвященников, хотя *«в то время каждый правитель Рима должен был выпускать свою собственную монету»*. Валла напоминает о традиции использовать стойкие материалы для сохранения важных документов: *«У римлян, когда они были еще грубыми крестьянами, когда письменность их была еще слаборазвитой и редкой, законы двенадцати таблиц были все же записаны на медных плитах»*, а Константин

«приносит в дар целый мир и отмечает это только чернилами на бумаге». Детально проанализировав язык критикуемого документа, Валла выявил множество «варварских оборотов речи», не присущих времени Константина. Все это позволило ему сделать вывод о подложности «Константинова дара», который, как установили позднее, в действительности был составлен в середине IX в. (между 847 и 852 гг.), а не во времена императора Константина и папы Сильвестра.

Труд Валлы заставил Римскую курию отказаться от «Константинова дара» как обоснования притязаний понтификов на светскую власть. Вместе с тем он является выдающимся памятником исторической мысли, заложившим основы источниковедческой критики.

Политическая школа. В первой половине XVI в. во Флоренции возникла еще одна школа гуманистической историографии. Она получила название «политической», поскольку ее представители настойчиво стремились осмыслить историю прошлого, чтобы извлечь из нее определенный опыт, полезный для решения политических проблем современной им Италии. Основателем этой школы был один из крупнейших мыслителей эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469–1527).

Творчество Макиавелли породило пользующийся дурной славой термин «макиавеллизм» — синоним политического, гражданского и человеческого коварства, двуличия, лицемерия, жестокости, аморализма. Подобные оценки основываются на положениях, почерпнутых прежде всего из знаменитой и крупнейшей по значению работы Макиавелли «Государь».

Макиавелли, на первый взгляд, действительно дает основания для осуждения его политической доктрины и взглядов относительно отдельных сторон жизни. В «Государе» он утверждает: *«Государь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности»; «Великие дела творили как раз Государи, которые мало считались с обещаниями, хитростью умели кружить людям головы и в конце концов одолели тех, кто полагался на честность»; «Государь, желающий сохранить власть, часто вынужден не быть добродетельным»,* но в то же время нужно заботиться, чтобы *«казалось, что Государь – весь благочестие, верность, человечность, искренность, религия».*

Если рассматривать эти и подобные им утверждения вне общей концепции Макиавелли, может сложиться впечатление о полной аморальности принципов, которые он излагает и защищает. Если это так, то труд, проповедующий политический аморализм, не заслуживает внимания. Иным будет отношение к нему, если исходить из иного – исторической необходимости, которая диктует неординарные модели поведения. Еще Гегель отметил, что Макиавели надо оценивать с позиций историзма: *«"Государя" надо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли, и современной ему Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности».*

Так что же представляла собой Италия накануне появления «Государя»? Сам Макиавелли рисует ее образ *«без вождя, без законодательства, разбитой, ограбленной, разорванной, разваливающейся и испытывавшей все виды разорения»*. Поиски выхода приводят его к пониманию необходимости создания единого унитарного итальянского государства. Решение этой исключительно сложной задачи может обеспечить лишь новая власть, олицетворением которой у Макиавелли и является образ Государя. При этом Макиавелли не имеет в виду конкретно-историческую личность, а стремится показать, каким должен быть Государь, чтобы построить новое государство. Поэтому он наделяет его такими качествами, которые в своей совокупности не присущи никакому реально существовавшему властителю. Речь идет о теоретической модели политической власти в форме некоего сконструированного Макиавелли Государя.

Макиавелли излагает программу поведения и действий нового Государя во внутренней и внешней политике. Прежде всего он выдвигает принцип, согласно которому Государь должен приспосабливаться к требованиям времени, соотносить свой образ действий с его духом. *«Утверждаю также, что счастлив тот, кто сообразует свой образ действий со свойствами времени, и столь же несчастлив тот, чьи действия с временем в разладе»*. Из этого Макиавелли делает вывод о необходимости активных действий в соответствии с исторической необходимостью и своими многообразными функциями: *«Государь должен проявлять себя покровителем дарований и оказывать уважение выдающимся людям во всяком искусстве. Он должен, кроме того, побуждать своих сограждан спокойно заниматься своим делом: торговлей, земледелием и всяким другим человеческим промыслом, чтобы один не воздерживался от улучшения своих владений из страха, как бы их не отняли, а другой не боялся открыть торговлю, опасаясь налогов; он должен приготовить награды и тому, кто думает, так или иначе, о росте его города или государства. Наконец, Государь должен в подходящее время года занимать народ празднествами и зрелищами, и так как всякий город разделен на цехи, или трибы, правителю надо считаться с этими объединениями, бывать иногда на их собраниях, показывать пример приветливости и щедрости, однако всегда твердо охраняя величие своего сана»*.

Государь, по Макиавелли, должен завоевать расположение народа и не вызывать к себе ненависти, прежде всего, захватом имущества подданных: *«если не трогать имущество и честь людей, то они вообще довольны жизнью»*. Следует добиваться, чтобы в поступках Государя проявлялись *«величие, смелость, обдуманность, твердость; по частным же делам подданных Государю надо стремиться к тому, чтобы приговор его был нерушим, и утвердить о себе такое мнение, чтобы никто не подумал обмануть Государя или перехитрить его»*.

Макиавелли полагает, что немаловажным для Государя является выбор ближайших советников. Им доверяются самые важные и ответственные дела по управлению государством, они облечены огромной властью и обязаны

проводить в жизнь основные идеи и замыслы Государя, осуществлять на деле его внутреннюю и международную политику. Именно поэтому выбор этих людей будет первой ошибкой или первой удачей нового Государя. Еще один важный совет Государю – учитывать в политике интересы различных социальных слоев общества: *«Государь должен уважать знатных, но не возбуждать ненависти в народе»*. Изучение истории правления римских императоров позволило Макиавелли сделать еще одно принципиальное заключение: *«важнее удовлетворить народ, чем солдат, потому что народ сильнее солдат»*.

В «Государе» Макиавелли формулирует задачу укрепления государства, придания ему устойчивости. Обобщая опыт истории, он подчеркивает: *«Некоторые правители, чтобы спокойно владеть государством, обезоруживали своих подданных; другие старательно поддерживали в подвластных странах раздоры партий; третьи сеяли недовольство против себя же; некоторые старались привлечь на свою сторону людей, считавшихся в начале их правления ненадежными; иные возводили крепости, другие их разрушали и срывали»*. Макиавелли высказывает свое отношение к каждому из названных способов действий. Он против политики насаждения распри, ибо *«они выгодны только в мирное время, когда, пользуясь ими, можно легче властвовать над подданными, но как только наступает война, раскрывается ложь такого порядка»*. Что касается привлечения «ненадежных» людей, то *«об этом нельзя говорить вообще, потому что все меняется в зависимости от обстоятельств»*. Касаясь проблемы обороноспособности страны, Макиавелли весьма диалектичен: *«Я буду хвалить и того, кто строит крепости, и того, кто этого не делает»*. Оценка же избранного властителем выбора зависит от ситуации в государстве и политического положения в нем самого властителя: *«Государь, который больше боится народа, чем чужеземцев, должен строить крепости, а правитель, который больше боится чужеземцев, чем народа, должен этим пренебречь... лучшая крепость, какая возможна, это не быть ненавистным народу»*. Если имеет место последнее, следует *«вообще устроить так, чтобы все вооруженные силы государства состояли из твоих собственных солдат, служащих тебе в твоей исконной земле»*.

Нетрудно убедиться, что Макиавелли рекомендует Государю программу действий по созданию сильного и устойчивого государства. Не обходит он и вопроса о том, каким требованиям должен удовлетворять и какими качествами должен быть наделен Государь, чтобы добиться поставленной цели. Макиавелли понимает, что трудно найти человека и особенно Государя, который обладал бы всеми положительными качествами и ни одним отрицательным. Но еще труднее, даже если бы такой идеальный человек или Государь нашелся, проявить все эти хорошие качества, поскольку условия жизни этого не позволяют. Макиавелли замечает: *«Но так велико расстояние от того, как протекает жизнь в действительности, до того, как должно жить»*. Разумеется, речь идет об обществе, где царят несправедливость, насилие и вероломство, а добродетели и моральные

ценности потеряли человеческое содержание, стали формальными. Макиавелли не отрицает, что было бы делом, достойным величайшей хвалы, если бы нашлся Государь, который имел бы только положительные качества. Но так как нельзя ни обладать ими всеми, ни проявить их, потому что этого не допускают условия жизни, «пусть он не страшится дурной славы тех пороков, без которых ему трудно спасти государство».

Итак, важнейший постулат Макиавелли – не страшиться пороков, если они способствуют спасению государства. Отсюда понятно, почему он учит Государя «не быть добродетельным» – *«тот, кто хотел бы всегда исповедовать веру в добро, неминуемо погибает среди столь многих людей, чуждых добра»*. Рассматривая такие качества Государя, как жестокость и милосердие, Макиавелли поучает: *«Каждый властитель должен стремиться к тому, чтобы его считали милостивым, а не жестоким»*. Но в то же время *«Государь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности»*. Это вытекает из того, что в деятельности Государя должны преобладать государственные интересы над частными. Для достижения политических целей, полагает Макиавелли, все средства хороши и пригодны. *«Государь, и особенно Государь новый, не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии. Наконец, он должен быть всегда готов обернуться в любую сторону, смотря по тому, как велят ветры и колебания счастья, и ... не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»*.

Таково содержание трактата Макиавелли «Государь». Высказанные в нем идеи, дополненные положениями других трудов, среди которых «История Флоренции», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», складываются в целостную концепцию исторического развития, основанных на ней принципов государственной политики.

Государство Макиавелли рассматривает не как ниспосланную свыше застывшую, неподвижную структуру, что было характерно для средневекового мышления, а как непрерывно развивающийся и меняющийся организм. Формы государства Макиавелли рассматривает, во-первых, в зависимости от числа правящих лиц (единовластие, правление немногих, правление всего народа), и во-вторых, с точки зрения цели и качества функционирования указанных форм. В этом аспекте он выделяет формы правильные (монархия, аристократия, демократия), целью которых является общее благо и величие государства, и неправильные (тирания, олигархия, «распущенность»), служащие властителям для достижения собственной пользы ценой попрания законов и пренебрежения благом отечества.

Разнообразие конкретных политических форм Макиавелли выводит из соотношения борющихся в обществе сил, прежде всего, народа и аристократии. Макиавелли полагает, что развитие государственности проходит ряд фаз. Единоличная абсолютная власть «нового государя»

необходима, чтобы объединить, преобразовать и возвеличить раздробленную и обескровленную междоусобными распрями и иноземными завоевателями страну, как это было в Италии. Претворение в жизнь этой задачи исчерпывает необходимость монархической диктатуры. Она, по Макиавелли, необходима лишь в чрезвычайных обстоятельствах, а при обычном течении дел вредна. Абсолютная власть быстро развращает как правящих, так и управляемых. А при монархе слабом и злобном государству грозит гибель. Поэтому успешное развитие преобразованного государства, ставшее прочным и стабильным, Макиавелли связывал с нетоталитарными формами правления. Сохранение нового строя обеспечивает «смешанная» форма государства, сочетающая монархический, аристократический и демократический элементы власти, но в наибольшей мере — правление большинства. Именно республика гарантирует свободу и гражданское равенство.

Социально-политические и исторические воззрения Макиавелли продолжают вызывать живой интерес, поскольку поставленные им проблемы и проанализированные ситуации не только обогащают познание его эпохи, но во многом сохраняют актуальность, находят аналогии в политической действительности нового и новейшего времени.

Гуманистическая историография в странах Западной Европы. В XVI в. гуманистическая историография получает широкое распространение в странах Западной Европы. Во Франции наиболее видным ее представителем стал Жан Боден (1530–1596). В трактате «Метод легкого познания истории» он пришел к важному выводу о том, что история является самостоятельной наукой: *«из трех видов истории мы оставляем Божественную – теологам, естественную – философам, в то время как сами будем заниматься, усердно и неспешно, человеческими действиями, поступками и их правилами»*. Боден рассматривает историю *«как дисциплину, изучающую деятельность людей, ясно описанную в повествованиях о событиях давно минувших дней»*. Историческая наука позволяет установить закономерности, дающие возможность объяснить прошлое, оценить текущие события и предвидеть будущее. Внутренние объективные закономерности исторического процесса Боден усматривал в воздействии на общество географической среды (климата и ландшафта), которая определяет психический склад народов и их исторические судьбы. Боден отверг господствовавшее представление о развитии исторического процесса в рамках четырех монархий, последняя из которых – Римская – «перелилась» в Священную Римскую империю германской нации. По утверждению Бодена, *«Германская империя не является преемником римских форм управления»*. Боден отрицает существование эры «золотого века». По его оценке, именно в современной Европе *«после столь длительного упадка почти всего мира внезапно высветилось такое изобилие знаний, такое стремление к наукам, такое торжество талантов, какими не отличалась ни одна эпоха»*. Боден усматривает превосходство своего времени над прошедшими эпохами,

включая античность, в успехах промышленности, торговли, военного дела, развитии научных знаний, достижениях литературы и искусства.

В Германии XVI в. среди гуманистов-историков наиболее известен Себастьян Франк (1499–1542), создавший трактат «Хроника, летопись и историческая библия». В нем история человечества рассматривается как борьба между трудящимися и угнетателями. В ее основе находивший выражение в ересь и народных движениях протест угнетенных против несправедливости общественного устройства: возникновения частной собственности и ограбления бедных, защиты государством только богатых, отхода католической церкви от первоначальных заветов Христа. Использование Франком не традиционной для научной литературы латыни, а понятного простым людям немецкого языка придало его труду большую популярность.

На протяжении XVI в. в культуре Англии отчетливо прослеживается возрастающее влияние ренессансных веяний, связанных с распространением идей гуманизма. В стране активно действовала многочисленная и влиятельная группа писателей-гуманистов, образованных филологов, создавших на основе античного наследия собственные шедевры общественно-политической мысли и художественной литературы, которые оказали глубокое влияние на развитие духовной культуры.

Распространению идей гуманизма способствовало книгопечатание: в 1476 г. В. Кэкстон основал первую английскую типографию, в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Ольбансе и Лондоне. За последнюю четверть XV в. в английских типографиях было издано около 400 книг. Ранними центрами гуманизма в Англии стали университеты в Оксфорде и Кембридже. К группе оксфордских ученых примыкал Томас Мор и его друг Эразм Роттердамский, неоднократно посещавший Англию. Оксфордские гуманисты настойчиво содействовали изучению древнегреческого языка. Аристотель и Платон, Гомер и Софокл получали в их ярких лекциях совершенно новое, светское, гуманистическое толкование. Идеи итальянских неоплатоников, их попытки связать новую гуманистическую систему знаний с традициями христианской религии оказали влияние на английских гуманистов. Уже на раннем этапе английский гуманизм составлял неотъемлемую часть общеевропейского Ренессанса. Важную роль в борьбе английских гуманистов против схоластов сыграло издание Эразмом исправленного греческого текста Нового завета с переводом на латинский и тщательным филологическим и историческим комментарием. Этот труд положил начало историческому изучению Библии.

Заметный след в английской гуманистической историографии оставил Томас Мор (1478–1535). Его знаменитый трактат «Утопия» (*«Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона»*) представляет собой не только выдающийся памятник утопического социализма, но и критическое исследование

социально-экономического развития и политического строя Англии XV–XVI веков. Мор дал красочное описание бедствий сельского населения, изгонявшегося владельцами с земельных держаний в связи с переходом от пашенного земледелия к пастбищному скотоводству, осудил огораживания и экспроприацию крестьян, кровавое законодательство против «бродяг и нищих». Обращаясь к лендлордам, он пишет: *«Ваши овцы... обычно такие тихие, питающиеся так скудно, ныне, как говорят, стали они такими прожорливыми и неукротимыми, что пожирают даже людей, опустошают и разоряют поля, дома, города»*. Мор не только выражал сочувствие трудовому люду, но и противопоставил феодально-абсолютистским порядкам и нарождающемуся буржуазному строю коммунистический идеал «Утопии».

Подводя итоги обзору исторических взглядов гуманистов, следует отметить, что объяснение исторического процесса итальянские историки XIV–XVI веков и их единомышленники во Франции, Германии, Англии искали не в божественном промысле, а в деяниях людей, в человеческой природе. Идя по этому пути, некоторые из них (Бруни, Макиавелли) пришли к выводу, что движущей силой истории является социально-политическая борьба, в которой решающая роль принадлежит выдающимся людям. Продуктивной для своего времени была идея Бодена о наличии внутренних закономерностей развития истории, выражающихся в воздействии на общество географической среды. Шагом вперед было и представление о прогрессе, позволявшее видеть превосходство его эпохи над предшествующими.

Гуманистическая историография заменила средневековые теории «непрерывности» Римского государства, преемником которого объявляли себя многие владетели Европы, трехчленной периодизацией с выделением древней, средневековой и новой истории. Существенные сдвиги произошли и в разработке методов исторической критики (Валла). Гуманистическое направление требовало рационального объяснения событий и строгой доказательности изложения. Ввиду этого усилилось внимание к анализу сохранившихся свидетельств о прошлом, а в исторических трудах появился научный аппарат. Возникли вспомогательные исторические дисциплины: дипломатика, палеография, археография.

Историческая мысль Англии середины XVII – начала XVIII в.

Английская революция XVII в. оживила общественную мысль страны. При этом страна разделилась на два лагеря. В одном, объединившемся вокруг парламента, были «новое дворянство», торговая буржуазия, ремесленники, крестьяне. Другую сторону составляли феодальная аристократия, королевская власть.

Вместе с тем поднявшиеся на борьбу с феодальными порядками не были едины. В ходе революции стало очевидным, что между новым дворянством, буржуазией, ремесленниками, крестьянами существуют значительные противоречия. К тому времени, когда парламентская партия окончательно победила короля, в ней произошло отчетливое размежевание между умеренно-буржуазным и радикально-демократическим течениями. Это явилось следствием разочарования городской и сельской бедноты, которая в итоге революции не только ничего не приобрела, а наоборот, столкнулась с новыми тяготами. В то же время революция стимулировала духовную жизнь, вызвала подъем социально-политической мысли. Различные слои общества выдвинули свои программы политического и социального устройства. Не составила исключения в этом отношении и деревенская беднота.

Джерард Уинстенли. В годы революции наиболее ярким проявлением настроений пролетариатуемой бедноты было движение диггеров – копателей (сами они называли себя «истинными левеллерами», т. е. уравниателями). Их вождем и теоретиком был Джерард Уинстенли (1609–1652). Его учение дало движению идеологическое обоснование.

Свою концепцию исторического развития и программу преобразований Уинстенли изложил в ряде работ, в их числе книги «Знамя, поднятое истинными левеллерами» и «Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления».

Основу теории Уинстенли составляет идея вечной борьбы, происходящей в мире между противостоящими началами: богом и дьяволом, добром и злом, светом и тьмой, разумом и чувственностью. Эта борьба – основное содержание истории человечества. Она неизбежно закончится победой добра. Английская революция, с этой точки зрения, составляет важнейший этап в истории, имеющий значение для судеб всего мира. Она должна изменить основы человеческой жизни, отношения людей в обществе.

В основе воззрений Уинстенли лежит представление о том, что все люди на заре истории человечества не знали частной собственности и были наделены равными правами. *«В начале времен великий творец – разум создал землю, чтобы она была общей сокровищницей, чтобы хранила зверей, птиц, рыб и человека, господина, предназначенного править этими созданиями; ибо человек обладал властью, дарованной ему над зверями, птицами и рыбами; но вначале не было произнесено ни единого слова о том, что одна ветвь человечества будет править другою».* Но со временем люди, впад в ослепление и эгоизм, начали *«наслаждаться предметами творения больше,*

чем духом разума и справедливости», а это вызвало изменение отношения к окружающему миру. Землю, которая должна быть общим достоянием, стали насильственно захватывать, огораживать, продавать и покупать. Возникновение собственности вынудило учредить власть: эгоизм и алчность побудили «одного человека наставлять и управлять другими; и тем самым дух был убит, и человек был ввергнут в рабство и стал большим рабом себе подобных, чем полевые звери были рабами ему».

Частная собственность, следовательно, явилась основной причиной всех социальных бедствий. Уинстенли делает вывод, что частная собственность – проклятье, поскольку *«те, кто покупает и продает землю и является лендлордами, получили ее либо путем угнетения, либо убийства, либо воровства».* Для него это утверждение не есть плод одного лишь эмоционально-негативного отношения к собственникам земли, а отражение исторической реальности. Уинстенли полагает, что прирожденные права англичан, в том числе и на землю, были отняты нормандским завоеванием. В «Законе свободы» он отмечает: *«Нормандское владычество, покорив наших предков, отняло у них свободное распоряжение английской землею и превратило их в своих слуг».* Т. е. потомки приближенных и солдат Вильгельма Завоевателя стали владельцами земли и носителями феодальных порядков. Поэтому победа парламента над королем есть свержение ига нормандского завоевания. Вместе с королевской властью должны быть уничтожены несправедливые законы, вытекающие из завоевания. Республиканское правительство должно вернуть человеку его прирожденные права, прежде всего право на землю. *«От вас хотят, – говорит Уинстенли, – чтобы вы сделали следующее: обеспечили искоренение власти угнетателя вместе с ним самим и озаботились тем, чтобы свободное владение землею и пользование свободами было закреплено за простым людом Англии».*

Указанный момент заслуживает быть особо отмеченным. Идеальное общество Уинстенли – не мечта, представляющаяся несбыточной даже самому ее творцу, как это было у Томаса Мора с его «Утопией». В отличие от него Уинстенли проектирует строй, который может быть построен реально, здесь, на английской земле. Уинстенли не мечтатель, а практический реформатор, предлагающий создать «общество равных», поскольку происшедшая революция к нему не привела. Он призывает Кромвелю двинуть революцию дальше, закрепить республику, установить свободное пользование землей, ибо только при этом условии будет обеспечена свобода от нужды – главнейшая предпосылка гражданских свобод. Обращаясь к Кромвелю, Уинстенли призывал его объявить землю свободной для угнетенных общин и предостерегал, что простая смена лиц у кормила правления с сохранением старых королевских законов заложит основание еще большего рабства для потомков.

Уинстенли не идеализировал парламент. Он понимал, что интересы простого народа чужды ему. Поэтому Уинстенли пытался убедить правящие круги Англии в том, что диггеры не претендуют на огороженные земли дворянства, а притязают лишь на общинные земли. *«Одного я желаю, чтобы*

республиканская земля, являющаяся древней общинной землей и пустошами, а также земля, недавно вырванная армиями победы из рук угнетателей – парки, леса, места охоты и тому подобное были бы сделаны доступными для всех, кто пожелает вложить в них долю участия своим личным трудом, либо деньгами... А другим, кто не согласен, пусть будет позволено оставаться при их купле и продаже, т. е. при законе завоевателя, пока им будет угодно». Другими словами, Уинстенли хотел, чтобы правительство предоставило возможность беспрепятственно организовать коммуны на общинных землях, а дальше, как он полагал, коммунистические порядки разовьются сами собой.

Учение Уинстенли содержит качественно новую идею, отсутствующую у других утопистов. В отличие от них Уинстенли не ограничивается выводением нового, справедливого строя из абстрактных постулатов разума, а стремится представить этот строй как естественное следствие существующих экономических, социальных, политических процессов, как конечную цель революции, ее возможный и достижимый результат, который должен выразиться в революции в собственности.

Томас Гоббс. Потребность оценить роль и место Английской буржуазной революции XVII в. в истории человеческого общества, понять причины и содержание проходивших в ходе ее процессов породила многочисленные концепции, обогатившие историческую мысль того времени. Попытку проанализировать генезис и развитие современных ему форм человеческого общества и государства сделал выдающийся мыслитель Томас Гоббс (1588–1679).

Как видно из дат его жизни, детство и ранняя юность Гоббса совпали с последними годами жизни и царствования королевы Елизаветы, возмужание проходило в период завязавшейся борьбы между королевской властью (Яков I, Карл I) и парламентом, зрелый возраст Гоббса относится ко времени гражданской войны, установления республики и диктатуры Кромвеля, его старость протекала при реставрации Стюартов.

Блестяще образованный мыслитель, Гоббс создал многочисленные труды, среди которых выделяется книга «Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». В ней сформулированы главные положения теории происхождения и функций государства, в основе которой лежит представление о сущности самого человека, его месте и поведении в сообществе себе подобных. Гоббс полагал, что он выявил природу человека вообще, определил естественную и общую для всех времен и народов форму социального бытия. Он утверждал: *«Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо, хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или превосходит умом другого, однако если сосчитать все вместе, то окажется, что разница между человеком и человеком не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое другой человек не мог бы претендовать с таким же правом».* Из этого равенства способностей и прав вытекает «равенство

надежд на достижение своих целей», т. е. каждый из людей имеет одинаковое с другими «право на все». Однако каждому человеку присущи чувства наживы, страха, честолюбия. Людей окружают только враги. Отсюда фатальная неизбежность взаимоуничтожающей борьбы в целях наживы, обеспечения собственной безопасности или ради славы и чести, а то из-за несогласия во мнениях – «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной и именно в состоянии войны всех против всех».

На такой стадии развития, когда каждый является врагом каждого, *«люди живут без всякой другой гарантии безопасности кроме той, которую им дает их собственная физическая сила и их собственная изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как ни за кем не обеспечены плоды его труда, и потому нет земледелия, нет судоходства, нет морской торговли, нет удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, нет исчисления времени, нет ремесла, нет литературы, нет общества, а что хуже всего – это вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна». «Указанное состояние, – продолжает Гоббс, – характеризуется отсутствием собственности, отсутствием владения, отсутствием точного разграничения между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это».*

Подобный образ жизни Гоббс называет «естественным состоянием». Но в природе людей, полагал он, заложены не только силы, ввергающие их в «войну всех против всех», а и свойства, побуждающие находить выход из столь бедственного положения. Прежде всего это страх смерти и инстинкт самосохранения, затем разум, т. е. способность каждого здраво рассуждать о позитивных и негативных последствиях своих действий. Названные свойства побуждают людей выйти на определенных условиях из «естественного состояния». Эти условия суть естественные законы.

Главный, наиболее фундаментальный естественный закон гласит: *«следует искать мира и следовать ему».* От этого основного естественного закона производится другой, гласящий: *«в случае согласия на то других людей человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе».* Этот закон Гоббс выразил также в формуле: не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе. Из нее он вывел еще ряд т. н. неизменных и вечных законов: *«признание каждого человека равным другим», «люди должны выполнять заключенные ими соглашения», «в случае спора подчиняться решениям арбитра», «справедливость», «милосердие», «любезность», «умение прощать», «беспристрастие», «неприкосновенность».*

Однако сколь ни привлекательна и внушительна роль естественных законов, сами по себе они не обязательны для исполнения. Необходима сила, которая заставила бы людей жить в соответствии с ними. Такой силой является абсолютная власть государства.

Государство, по Гоббсу, учреждается отнюдь не божественным соизволением, но людьми путем договора, *«когда люди соглашаются добровольно между собой подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других»*. Гоббс, далее, отмечает: *«Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством»*. Гоббс отождествляет государство с человеком, потому что, по его мнению, наиболее превосходное произведение природы – человек, следовательно, и государство как институт должно его имитировать. В государстве *«верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, является искусственной душой; магистрат и другие представители судебной и исполнительной власти являются искусственными суставами; награда и наказание... представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу... безопасность народа – его занятие; советники, внушающие ему все то, что ему необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы представляют собой искусственный разум и волю; гражданский мир – здоровье; смута – болезнь; гражданский мир – здоровье; смута – болезнь; а гражданская война – смерть»*. Аналогия государства с человеческим организмом была продиктована желанием поставить изучение государства и права на рельсы объективного научного анализа. Это соответствовало представлениям XVII века о том, что все существующее в мироздании функционирует на основе принципов механицизма. Отсюда и государство – не что иное как механизм, сконструированный людьми. Именно начиная с Гоббса в политической теории утверждается понимание государства в качестве машины.

Итак, соглашение людей приводит к образованию государства. Его олицетворение Гоббс видит в Левиафане – мифическом библейском морском чудовище, обладавшем невероятным могуществом: *«нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным... он царь над всеми сынами гордости»*. Как и Левиафан, государство наделено неограниченной, абсолютной властью. Ее источником являются перенесенные на государство права людей в естественном состоянии. А так как они были безграничны, нет предела и у прав государства.

Поскольку в государстве единственным определяющим началом для отдельного человека становится воля государственной власти, то и подчинение этой власти должно быть безусловным. Всякое сопротивление государственной власти привело бы к возрождению «войны всех против всех». Более того, по Гоббсу, государственная власть не может быть уничтожена волей граждан. Ибо, хотя она и происходит из их свободного договора, но договаривающиеся связали свою волю не только в отношении

друг к другу, но и в отношении к самой верховной власти. Поэтому без ее согласия граждане не могут отступить от своего обязательства.

Несомненно, политическая нестабильность Англии, свидетелем которой был Гоббс, побудила его выдвинуть идею неограниченной и бесконтрольной власти государства ради обеспечения порядка. Но в глазах Гоббса основное достоинство государства состоит в способности обеспечить не одни только полицейско-охранительные функции. Его задача: «поощрять всякого рода промыслы, как судоходство, земледелие, рыболовство и все отрасли промышленности, предьявляющие спрос на рабочие руки», силой принуждать к труду физически здоровых людей, уклоняющихся от работы. Ему надлежит заниматься воспитательно-просветительской деятельностью, внушать подданным, сколь безгранична власть суверена и сколь безусловны их обязанности перед ним. Государство гарантирует своим подданным свободу, которая, по Гоббсу, является правом делать все то, что не запрещено гражданским законом, в частности, «покупать и продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать свое местопребывание, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т. д.». Такая трактовка свободы имела для Англии XVII в. пробуржуазный и исторически прогрессивный социальный смысл.

Гоббс устанавливает три вида государственной власти: монархию, аристократию и демократию. Тирания и олигархия являются теми же формами государственной власти, но с названиями, отражающими отрицательное отношение к каждой из этих форм. Любая из них приемлема, если обеспечивает надлежащим образом свои функции. По мнению Гоббса, власть, если только она достаточно совершенна, чтобы быть в состоянии оказывать защиту подданным, одинакова во всех формах. И все же симпатии Гоббса на стороне монархии. Верховной власти удобно быть монархической, поскольку в личности короля олицетворено государство.

Эта симпатия объясняется тем, что Гоббс, будучи идеологом нарождавшейся буржуазии, полагал, что развитие этого класса возможно в рамках старых феодальных форм государственной власти. В целом социально-политические воззрения Гоббса соответствовали чаяниям английской буржуазии и нового дворянства, особенно тех слоев, которые ожидали от абсолютной монархии ликвидации феодальных беспорядков и расширения буржуазных свобод, уповали на твердый порядок, способный удушить революционные выступления низов.

Исторические взгляды Просветителей XVIII в.

Несмотря на различие воззрений отдельных мыслителей и целых направлений общественной мысли внутри просветительского лагеря, им всем были присущи некоторые общие черты. Это прежде всего идея вытекающих из самой природы равенства и неотъемлемых прав человека. Другими словами, просветители исходили из теории естественного права. Корни этого учения восходят к античности, оно получило дальнейшее развитие в XVII в., например, у Гоббса, а в XVIII столетии стало идеологической формой широкого движения общественной мысли Франции.

Учение о естественном праве выделяет черты и свойства, данные человеку природой и всегда ему присущие, несмотря на все те приобретения, которые дает прогресс культуры и развитие общественных учреждений. Определенная подобным образом «природа человека» рассматривается как нечто абстрактное, единое и неизменное на протяжении всей истории человечества. Отсюда вытекает, что и органически входящие в это понятие «естественные права» – право на жизнь, безопасность, равенство, частную собственность и др. – вечны и постоянны. Человек ими наделен природой вне всякой зависимости от писаных законов, а следовательно, естественные права могут совпадать с естественными законами (тогда это нормальное состояние общества), а могут и не совпадать с ними. Последняя ситуация давала возможность объявлять несоответствующими естественному праву и справедливости существующий порядок, прежде всего феодальный.

Основную движущую силу прогресса просветители видели в развитии и совершенствовании человеческого разума, в накоплении знаний, в успехах просвещения. Оценивая теорию естественного права с точки зрения ее исторической роли в XVIII в., следует иметь в виду, что в этот период она служила орудием борьбы против феодально-абсолютистского порядка и в этой роли приобрела большое прогрессивное, а в работах некоторых просветителей и революционное значение.

Монтескье. В идейно-политической борьбе, разыгравшейся в дореволюционной Франции, деятельное участие принял Шарль Луи де Секонда, барон де ля Бред и де Монтескье (1689–1775). Кризис абсолютной монархии, как и феодализма вообще, привел его к пониманию необходимости преобразований в экономическом и политическом строе Франции. Несмотря на принадлежность к знатному аристократическому роду, Монтескье примкнул к умеренным буржуазным кругам. Их оппозиционность выражалась в стремлении устранить феодальные ограничения предпринимательской инициативы, максимально расширить свободу хозяйственной деятельности буржуазной верхушки. Политические устремления этих кругов ограничивались требованиями конституционной монархии английского образца, мирного раздела власти с аристократией без участия народных масс.

Свои взгляды Монтескье изложил в ряде работ, в которых резко обличает феодальные порядки, абсолютизм, политический произвол. В

анонимно опубликованных «Персидских письмах» вымышленные персидские путешественники, привыкшие жить в условиях восточной деспотии, видят во Франции еще более гнетущие феодальные порядки. Монтескье выступает против королевского произвола, критикует самого Людовика XIV (*«Этот король – великий волшебник: он простирает свою власть даже на умы своих подданных; он заставляет их мыслить так, как ему угодно»*). Папа Римский в глазах Монтескье – *«старый идол, которому кадят по привычке»*, католическая церковь раздирается распрями (*«никогда не было царства, в котором происходило бы столько междуусобиц, как в царстве Христа»*), несправедлива и жестока по отношению к своей пастве: даже обвиненный в ереси на основании лжесвидетельства *«превратится в пепел раньше, чем кто-нибудь подумает его выслушать»*. Судьи невежественны, в уста одного из них Монтескье вкладывает слова: *«Я о книгах и не тужу: мы, судьи, не чванимся излишней ученостью. На что нам все эти тома законов?»* Монтескье привлекает политическое устройство Англии, где королю не дают *«возможности упрочить свою власть»*, поскольку *«неограниченная власть не может быть законной»*. Он осуждает паразитические сословия: *«когда видишь, что за люди в избытке наделены богатством, начинаешь так презирать богачей, что в конце концов становится для тебя презренным и само богатство»*. «Персидские письма» реалистически отразили различные стороны повседневной жизни, быт и нравы аристократов, духовенства, горожан. Монтескье не делал непосредственно революционных выводов, но его критические оценки французской действительности находили живой отклик во всех оппозиционных режиму слоях, особенно у людей третьего сословия.

Гибельные последствия деспотизма для судеб государства Монтескье пытался показать в книге «Рассуждения о причинах величия и падения римлян». История Древнего Рима дала ему основание сделать вывод о том, что судьба государства зависит от соответствия политических учреждений духу народа. Монтескье подчеркивает: *«Нет ничего могущественнее такой республики, где законы соблюдаются не вследствие страха или разумных соображений, но вследствие страстной привязанности к ним»* И наоборот, *«равнодушные к общему благу в республике»* губительно для нее. Таким же образом после установления империи, когда граждане отказались от свободы, дух народа изменился: *«римский народ, не принимавший больше участия в правлении, ... чувствовал лишь свое бессилие»*, а императорский Рим потерял свое величие, а затем и разрушился. Подобные рассуждения нельзя было воспринимать иначе, как призыв покончить с королевским деспотизмом и феодально-сословными отношениями.

Монтескье полагает, что обеспечить свободу и безопасность граждан может лишь государство, в котором все отношения регулируются правом, действуют обязательные для всех, в том числе правителей, законы. Развитая законодательная система создает основу для реализации политической свободы, которую Монтескье определяет как *«право делать все, что дозволено законами»*. Политическая свобода имеет место только в

«умеренных» государствах – будь-то монархия, аристократия или демократия. Но и в них она бывает лишь тогда, когда пределы власти не превышаются, а сами ее виды – законодательная, исполнительная и судебная – не объединяются в руках государя или правительства. *«Все погибло бы, – утверждает Монтескье, – если в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц».* Когда это случается, как у турок в лице султана, замечает Монтескье, *«царствует ужасающий деспотизм».* И даже *«в республиках Италии, где эти три власти соединены, свободы меньше, чем в наших монархиях».* Поскольку же *«государь, стремившийся к деспотизму, всегда начинали с того, что объединяли в своем лице все отдельные власти, а многие короли Европы – с того, что присваивали себе все главные должности в своем государстве»*, как полагает Монтескье, *«необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга».* Это достигается путем разделения законодательной, исполнительной и судебной властей.

Законодательная власть должна принадлежать наследственному законодательному корпусу, состоящему из аристократии, и собранию представителей крупных населенных пунктов. Каждая из палат имела бы свои отдельные интересы и цели, в том числе принимать законы, контролировать их исполнение, приостанавливать и отменять решения друг друга. Произвол законодательной власти ограничивает государь, используя право вето. Монарху принадлежит исполнительная власть – эта сторона правления требует оперативности и лучше выполняется одним, чем многими. Судебную власть следует вручать лицам из народа, судьи должны быть одного общественного положения с подсудимым, равными ему. При таком раскладе каждый социальный слой общества располагал бы своей частью власти и через нее – гарантией обеспечения собственных интересов. Государственно-правовая концепция Монтескье служила интересам экономически крепнувшей, но политически бесправной буржуазии.

Монтескье правильно понял великое значение разделения властей как необходимой предпосылки для утверждения в государстве начал законности, построения правового государства. Уже в XVIII в. теория разделения властей нашла законодательное воплощение в Конституции США 1787 г. и Конституции Франции 1791 г.

Значение Монтескье состоит и в том, что он предпринял попытку создать концепцию всемирной истории, свободную от теологического объяснения исторических явлений. Монтескье решительно отверг провиденциалистские концепции происхождения власти государя из божьей воли. В противовес провиденциализму Монтескье выдвинул идею внутренней закономерности, которая детерминирует явления общественной жизни. В работе «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» он обратил внимание на роль объективных факторов, влияющих на ход

развития: *«Существуют общие причины, как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва т. е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала»*. К этой идее Монтескье возвратился в книге *«О духе законов»*: *«Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие»*.

Определяющее влияние на общественное устройство, по Монтескье, оказывает географическая среда. *«Если справедливо, – подчеркивает он, – что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров»*. Жаркий климат порождает расслабленных и малодушных людей, легко подчиняющихся деспотизму; холодный климат – крепких и мужественных приверженных свободе: *«малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу»*. С климатом связаны многоженство и единобрачие (*«закон, дозволяющий мужу иметь только одну жену, более подходит к физическим свойствам европейского климата, чем азиатского»*), рабство и свобода женщины (*«в некоторых странах Востока затворничество женщин вызывается не только многоженством, но и климатом»*). Климатом обусловлены и религиозные представления: религия, не соответствующая климату страны, не может в ней удержаться. Монтескье так говорит об этом: *«Когда религия, основанная на свойствах известного климата, слишком резко противоречила климату другой страны, она не могла утвердиться в этой последней, и если ее там и вводили, то впоследствии она все же изгонялась. С точки зрения человеческих понятий кажется, что климатом определяются границы распространения как христианской, так и магометанской религии»*. Климат вызывает в различных странах различные потребности, различия в потребностях обуславливают различия в образе жизни, а различия в образе жизни – различия в законах (*«Счастливый климат, который порождает чистые нравы и производит кроткие законы!»*).

Наряду с климатом на общественный и государственный строй влияют и другие факторы. Как утверждает Монтескье, устройство поверхности земли определяет размеры государства, а с их размерами неизбежно связано и государственное устройство: *«небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины – подчиняться монарху, обширные империи – состоять под властью деспота»*. Аргументация Монтескье сводится к тому, что в большой по территории республике будут и большие богатства, а, следовательно, у правителя возникнут неумеренные желания, усилятся личные интересы, возникнет

соблазн достигнуть величия ценой уничтожения республиканской формы правления. Монархическое государство должно быть средней величины, потому что при слишком обширных размерах первые лица в государстве, сильные по самому своему положению, находясь вдали от государя, имея собственный двор в стороне от его двора, обеспеченные от быстрых карательных мер законами и обычаями, могли бы перестать ему повиноваться; их не устрасила бы угроза слишком удаленной и замедленной кары. Обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления: *«надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравнивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учетом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства»*.

Не меньшее значение имеет почва. *«В стране с подходящей для земледелия почвой, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска... Плодородие земли приносит... вместе с довольствием изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью»*. Таковы народы равнинных стран, *«где ничего нельзя защитить от посягательств более сильного – поэтому ему подчиняются; а раз ему подчинились, дух свободы уже не может вернуться; имущества деревни является залогом ее верности»*. Поэтому *«в странах плодородных всего чаще встречается правление одного»*. С другой стороны, в странах неплодородных, прежде всего гористых и северных, *«бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва»*. Им приходится бороться за удовлетворение своих потребностей, а для этого они нуждаются в свободе, т. е. в сохранении «умеренного» правления.

Обращение Монтескье к географической среде как определяющему фактору развития общества диктовалось стремлением уйти от теологического объяснения общественной жизни и раскрыть объективные закономерности исторического процесса. При этом следует иметь в виду, что по Монтескье связь государственного и общественного устройства с природными условиями отнюдь не прямая, чем дальше в своем развитии прошло общество, тем более она опосредована. *«Над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат»*, но уже *«китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам, над Лакедемоном в былые времена господствовали нравы, принципы правления и нравы старины господствовали в Риме»*. Таким образом, по Монтескье: *«Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы*

правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа. Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих». С этим должно соотносить свои действия государство, «поскольку этот дух не противен принципам правления».

Идеи Монтескье широко распространились во Франции и за ее пределами. Его политические, социологические, правовые и исторические взгляды сыграли важнейшую роль в формировании просветительской идеологии, под их сильнейшим воздействием развивались многие отрасли общественных наук.

Вольтер. В борьбе буржуазных мыслителей XVIII в. против сил старого, феодального общества исключительную роль сыграл Вольтер, которого наряду с Монтескье считают патриархом и инициатором просветительского движения. Можно сказать, что он являлся центральной фигурой этого замечательного периода человеческой истории.

Франсуа Мари Аруэ (1694–1778), начавший с 1718 г. именовать себя Вольтером, принадлежал к третьему сословию: его отец сделал карьеру чиновника и лишь на свои деньги приобрел личное дворянство. Уже в молодости занятия литературной деятельностью доставили Вольтеру не только известность, но и много неприятностей: за сочинение сатиры на герцога Филиппа Орлеанского, правившего страной при малолетнем короле Людовике XV, он одиннадцать месяцев провел в Бастилии. В ней он побывал еще раз – так окончилась попытка Вольтера вызвать на дуэль дворянина де Рогана, который, оскорбившись островами тогда уже известного поэта и драматурга, приказал слугам побить его палками. Мало того, Вольтера после Бастилии выслали в Англию.

Вольтер еще при жизни достиг необычайной славы. Людовик XV вынужден был назначить его придворным историографом, он был принят при дворе английского короля Георга II, внимание Вольтеру оказывал прусский король Фридрих II, в переписке с ним была Екатерина II, а австрийская императрица Мария-Терезия безуспешно звала Вольтера к своему двору. Имя Вольтера было хорошо известно не только в аристократических кругах. Некий аббат, рассчитывая на помощь Вольтера в бедственном для себя положении, отправил ему письмо, обозначив адресата следующим образом: *«Князю поэтов, непременно питомцу славы, Меркурию Европы, оратору родины, будителю граждан, историку королей, панегиристу героев, Аристарху зоилов, судье вкуса, творцу во всех жанрах, неизменному во все возрасты, покровителю искусств, благодетелю талантов и подлинных заслуг, поклоннику гения, бичу преследователей, врагу фанатиков, защитнику угнетенных, отцу сирот, примеру богатым, опоре бедняков, бессмертному образцу наивысших добродетелей»*. Чиновники почтового ведомства, не колеблясь направили письмо Вольтеру, полагая, что всех этих эпитетов достоин только он.

Литературное наследие Вольтера не только многочисленно (85 томов произведений и более 40 – переписки), но и разнообразно. Оно охватывает

сферы философии, этики, эстетики, литературы, наконец, истории. В историографии Вольтер известен трудами «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «Обзор века Людовика XV», «История России в царствование Петра Великого». Наиболее крупное историческое произведение Вольтера – многотомный труд «Опыт о нравах и духе народов и о главных исторических событиях», охватывает громадный период от Карла Великого до Людовика XIII. Вольтер написал статью «История» для «Энциклопедии» Дидро.

Вольтер разрушал старые феодально-теологические традиции самым определением предмета исторической науки, круга явлений и событий, подлежащих изучению и осмыслению. О главной идее труда «Век Людовика XIV» он писал: *«Я хочу живописать прошедшее столетие, а не только его государя. Я устал от тех историй, в которых речь идет о похождениях какого-нибудь короля, как если бы он один существовал или если бы ничего не существовало вне отношения к нему. Одним словом, я в большей степени пишу историю великого века, нежели историю великого монарха»*. Вольтер подчеркивал, что историческое исследование должно показать состояние экономики, сельского хозяйства, финансов, торговли, военного и морского дела, законов, нравов, обычаев, науки и техники, культуры. По его словам, *«шлюз канала, соединяющий два моря, картина Пуссена, прекрасная трагедия, открытие новой истины – в тысячу раз драгоценнее всяких придворных хроник, всяких военных сообщений»*.

В круг своих интересов Вольтер включил исследование общественных групп – крестьян, горожан, феодалов, духовенства. Он осуждает социальное неравенство феодального общества, привилегии дворянства и сеньориальные права. *«Зачем нужен, – спрашивает Вольтер, – этот корпус наследственно-привилегированных? Это – лишнее бремя для народа. Лучше выискивать способных людей во всех сословиях, чем поддерживать в знати остатки гордости, связанные с их былой независимостью, поощрять воспоминания о феодальной анархии»*. Обращение к этим темам означало создание начал социальной истории.

Вольтер отказался от господствовавшего тогда в науке европоцентризма, расширил географические границы исторического исследования за счет истории народов, остававшихся вне внимания предшествовавшей историографии. В своем изложении всемирной истории он отвел надлежащее место не только народам Европы, но и Востока. Китай и Индия в его трудах поставлена в пример европейским народам. Он высоко оценил вклад арабов в развитие европейской культуры.

Для Вольтера одной из важнейших была проблема исторической достоверности. В сочинениях античных, средневековых и более поздних историков его поражало малое число важных сведений и обилие всевозможных домыслов. Он возмущался *«тем, что история состояла из рассказов о битвах, в которых... отсутствовало какое-либо знание тактики; тем, что часто говорилось о чудесах и было так мало знания о естественной истории; тем, что каждый автор рассматривал свою секту*

как единственно истинную и клеветал на все остальные». По убеждению Вольтера, историк должен оперировать точно установленными фактами, а исторические работы – повествовать только о том, что реально происходило в прошлом: *«история – это рассказ о фактах, данных как истинные, в противоположность сказке, которая является рассказом о фактах, данных как ложные»*. С этой точки зрения он критиковал Монтескье за использование недостоверных свидетельств, искажение смысла источников, отмечал, что книга «О духе законов» изобилует множеством неправдоподобных сказок относительно стран Востока. Критерием, полагал он, должен служить здравый смысл, требования разума, критическое отношение к историческому материалу, научный взгляд на окружающий мир.

Вольтер является одним из основоположников буржуазной теории прогресса. Его основу составляет органическое развитие общества. Заложенный в человеческой природе «инстинкт устройства», стремление людей к счастью, способность человеческого разума продуцировать знания, вырабатывать истинные идеи – все это побуждает преодолевать превратности судьбы. Характер и направление поступательного движения определяют создаваемый природными условиями «дух народов». Но Вольтер далек от абсолютизации природного фактора. Вольтерово несогласие с Монтескье сводится к рассуждению: если географическая среда остается неизменной, почему меняются люди. На исторические судьбы народов влияет не только географическая среда, но в не меньшей степени и «дух времени»: общественные условия, изменения в государственном устройстве, в образовании, борьба идей, особенно в области религии. Вольтер полагает, что варвары победили императорский Рим главным образом потому, что его ослабили теологические споры и раздоры, взаимная ненависть старой и новой религии, многочисленное монашество, вытеснившее земледельцев и солдат. И в позднейшей Европе из-за вечной войны пап с императорами и королями *«кровь лилась на полях и эшафотах то в одной стране, то в другой, в течение 500 лет – и все это из-за богословских доказательств», «догматической ярости»*.

Резко антифеодальная заостренность концепции Вольтера раскрывается в его трактовке европейского средневековья. К нему Вольтер относится резко отрицательно. Перейдя от истории Римской империи к истории народов, ее разрушивших, пишет Вольтер, уподобляешься путешественнику, который, выйдя из прекрасного города, оказывается в пустыне, покрытой терниями. *«Двадцать варварских наречий сменили прекрасный латинский язык... Вместо мудрых законов – только варварские обычаи, вместо цирков и амфитеатров – хижины, покрытые соломой... Прекрасные дороги покрылись стоячими водами... Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий»*. Все здесь внушает отвращение. Феодальное правление это хаос, в котором сильный подавляет слабого, а народ прозябает в состоянии рабства.

Вольтер осуждал церковь за ее идеологическую нетерпимость, неприятие других религий, стремление подчинить себе умы и души людей,

отсюда его знаменитый призыв – *«раздавите гадину!»*, т.е. церковь. Согласно Вольтеру, главное препятствие на пути прогресса – невежество, суеверие, религиозный фанатизм и жестокость. В тяжелой борьбе с ними дух просвещения берет верх, *«человеческим обществам удастся со временем исправить свои идеи, люди научаются мыслить»*. Прогрессивное развитие человеческого духа, освобождение его от оков религии обеспечило поступательное движение человечества, позволило обществу пройти путь от *«грубого варварства прежних времен к культурности нашего»*. Европа теперь более населена и богата, чем, например, при Карле Великом и даже в римские времена. Вольтер в доказательство указывает на расчистку лесов, развитие промышленности, земледелия и торговли, возникновение множества, только во Франции более сотни, цветущих городов. В Европе стала распространяться «истинная философия», т. е. наука.

Прогрессивное развитие человечества идет в борьбе враждебных сил. Ему противодействуют привилегированные сословия – знатные как духовные, так и светские. Двигателем прогресса является народ. В понимании Вольтера – это *«самая многочисленная, самая полезная и даже самая добродетельная часть людей, состоящая из тех, кто изучает право и науки, из промышленников, купцов, ремесленников и, наконец, земледельцев, которые занимаются первой и в то же время самой презираемой профессией»*. Другими словами, он ведет речь о третьем сословии.

Путь переустройства общества Вольтер видел в политике просвещенного абсолютизма. Эта теория исходила из предположения, что осуществить «естественные» права, устранить узурпации феодального дворянства может «просвещенный монарх», поскольку королевская власть издавна враждебна феодализму и связана с третьим сословием – именно она освободила сервов. Вольтер надеялся, что необходимые обществу реформы проведет государь, проникшийся философскими идеями: *«Самое счастливое для людей, когда государь – философ»*. И дальше: *«Добрый король есть лучший подарок, какой небо может дать земле»*. Таким королем-философом он считал Фридриха II. В труде «Опыт о нравах и духе народов», повествуя о развитии России в XVIII в., Вольтер пишет: *«Поистине достойно восхищения, что один человек в двадцать лет изменил нравы, законы, дух самой обширной на земле монархии и что все искусства явились толпой украшать пустыни. Женищина, не умевшая ни читать ни писать, довершила то, что было начато Петром Великим. Другая женищина еще более распространила эти благородные начинания. Еще одна императрица пошла дальше, чем две другие. Ее гений передался ее подданным. Дворцовые перевороты ни на миг не задержали прогресса и благоденствия империи... И по истечении полувека двор Скифии представил зрелище более высокого просвещения, чем Греция и Рим»*. И лишь если монарх оказывается деспотом, не отвечает условиям «просвещенного абсолютизма», Вольтер допускал революцию, но только в интересах буржуазии, поскольку испытывал тревожные опасения за судьбы собственности. Оправдывая Жакерию, восстание Уота Тайлера, другие выступления крепостных крестьян как

протест против угнетения феодальной знатью, он осуждал движения Мюнцера, анабаптистов, левеллеров, ставившие своей целью достижение общности имущества или имущественного равенства.

Вольтеровская идея общественного прогресса, его борьба с теологией, новое понимание задач исторической науки оказали сильнейшее воздействие на развитие социологической и исторической мысли, оставили глубокий след в историографии. Заслугой Вольтера является углубление просветительской линии на освобождение истории от провиденциалистских концепций. Он расширил поле исторической критики источников. Поставил в повестку дня исторической науки новые проблемы, в числе которых роль и состояние культуры, науки, техники. Развил в качестве особого направления социальную историю. Отказался от европоцентризма и сделал плодотворную попытку создать всемирную историю, охватывающую развитие человечества в целом.

Руссо. Многие просветители оптимистично оценивали буржуазный прогресс. Но для народных низов – городской мелкой буржуазии и крестьянства – он выливался в разрушительную силу, которая отнимала собственность, превращала хозяина мастерской в наемного рабочего, крестьянина – в батрака. Критическое восприятие действительности этими социальными слоями создало почву для возникновения в просветительском лагере уравнительного течения. Его представители осуждали феодальный деспотизм в экономике и политике, но не идеализировали и капитализм. Бедственное положение масс идеологи этого направления связывали с неограниченным господством крупной частной собственности. Но они ставили вопрос не об ее уничтожении вообще: наоборот, проповедовали идею общественного строя, который упрочил бы собственность в интересах мелких владельцев. Поэтому они уравнители, эгалитаристы, но не социалисты.

Крупнейшим теоретиком уравнительного направления был Жан Жак Руссо (1712–1778). Он родился в протестантской мелкобуржуазной семье, рано начал самостоятельную жизнь, перепробовал различные профессии: был писцом у нотариуса, учился у гравера, служил лакеем, преподавал музыку. Менял вероисповедание: перешел в католичество, затем снова вернулся к кальвинизму. Вместе с тем много читал, изучал философию и другие науки. Занился литературой, писал романы. Социологические и исторические воззрения изложил главным образом в трудах «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре, или Принципы политического права».

Руссо выступил с резким осуждением господствовавшего в обществе социально-экономического и политического неравенства, объявил его основной причиной бед и несовершенств современного ему общества. В стремлении выяснить истоки этого зла Руссо обратился к рассмотрению первобытного общества. В его интерпретации начальный этап человеческого бытия проходил в условиях естественного состояния, когда не было социального неравенства, а люди вели одинаковый дикий образ жизни и

равно пользовались всеми доступными им природными благами. Руссо живописал идиллическую картину того времени, «золотого века» в истории человечества: *«До тех пор, пока люди довольствовались своими убогими хижинами, пока они ограничивались тем, что шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных шипов или рыбьих костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали свое тело в различные цвета, совершенствовали или украшали свои луки и стрелы, выдалбливали с помощью острых камней какие-нибудь рыбачьи лодки или грубые музыкальные инструменты, словом, пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили, свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между собой наслаждаться всеми радостями общения, не нарушавшими их независимость».*

Однако со временем были изобретены и усовершенствованы орудия труда, появилось земледелие. *«Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика: вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!»* Отсюда следует, что Руссо, в отличие от других просветителей, включавших частную собственность в круг «естественных прав», извечно принадлежавших человечеству, расценивал ее как институт, возникший при определенных исторических условиях.

Руссо понимал, что первобытное общество не стояло на месте, напротив, развивалось и изменялось. Изобретение металлургии и внедрение агрикультуры произвели переворот в материальной и духовной культуре, за которым последовали раздел земель и появление частной собственности. Это сыграло негативную роль в истории человеческого общества, потому что частная собственность на орудия и средства производства вызвала бедность и богатство, противоположность интересов, конкуренцию, рабство и нищету: *«исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью; и обширные леса превратились в радующие глаза нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета».*

При этом нараставшее экономическое неравенство сопровождалось постоянными столкновениями, несправедливыми захватами со стороны богатых, угнетением бедных, потерей прирожденных естественных прав. Это заставило людей путем общественного договора *«найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силой личность и имущество каждого из членов ассоциации».* В результате общественного соглашения каждый *«передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для*

нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого». Возникшее вследствие общественного договора государство должно руководствоваться волей народа, выражающейся в стремлении к общему благу, гражданской свободе и нравственному равенству.

Но государство лишь усилило неравенство – сословное, политическое, имущественное, общественное. Сформировавшееся общество и законы *«наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили новую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету».*

Выход из несправедливого общественного состояния Руссо усматривал в революции: *«Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, – это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает».* Если революция свершилась, то какой государственный строй следует предпочесть? Тот, который обеспечит рост численности и благоденствия народа. Из трех возможных форм государственного устройства – монархического, аристократического, демократического – Руссо отдавал предпочтение последнему, т. к. демократическое правление может быть установлено посредством простого акта общей народной воли, является, наименее дорогим и наиболее соответствует общественным интересам народа.

При новом общественном устройстве правители могут предупредить *«чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатств у их владельцев, но лишая всех остальных возможности накапливать богатства».* Идея равного распределения частной собственности между гражданами представляла собой иллюзию мелкого буржуа, ее нельзя было перевести в плоскость реального осуществления. Однако в условиях революционной борьбы со старым феодальным порядком лозунг мелкобуржуазной уравнительности находил понимание в широких народных массах.

Исторические взгляды американских Просветителей. После английской буржуазной революции XVII в. крупнейшим событием мировой истории было освободительное движение североамериканских колоний за независимость. Война 1775–1783 гг. представляла собой буржуазную революцию, которая открыла путь капиталистическому сельскому хозяйству и промышленности, дала толчок развитию торговли, успешно разрешила задачу освобождения колоний в Северной Америке от власти английской короны, утвердила первую буржуазную республику в Новом Свете.

Войну за независимость подготовили развитие капиталистических отношений, экономический рост колоний, подъем национального самосознания в связи с образованием североамериканской нации. Эти процессы сопровождались складыванием новой идеологии и культуры, которые являлись орудием борьбы буржуазии за искоренение британского

владычества, отживших реакционных представлений и идей. В идеологической подготовке назревавшей революции, пробуждении и подъеме идейно-политической активности масс и состояла социальная функция сформировавшегося в XVIII в. прогрессивного мировоззрения – американского Просвещения.

Это идейно-политическое течение питалось идеями французской и английской просветительских литератур, но в отличие от Франции, где просветителям было дано лишь подготовить почву для торжества революции, деятели американского Просвещения приняли непосредственное участие в войне за независимость в качестве ее идеологов и политических вождей. Среди них выдающееся место занимают Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон и Томас Пейн.

Франклин. Бенджамин (Вениамин) Франклин (1706–1790) по праву считается одним из универсальных умов XVIII в. Он был физиком, одним из создателей науки об электричестве. Философом, выразившим новые, буржуазно-демократические взгляды на общество. Дипломатом, решительно сломавшим закостеневшие каноны официальной дипломатии и в бытность послом в Англии и Франции установившим связи с прогрессивной общественностью. Наконец, одним из вождей Американской революции.

Франклину в максимальной степени присуща теснейшая связь идеологии с общественно-политическим движением. Аналогии и параллели из созданных им трудов по истории североамериканских индейцев прямо служили интересам борьбы американского народа за независимость. В этом плане в первую очередь следует указать на исследование «Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании с момента ее возникновения». Эпиграфом к этой книге Франклин избрал слова: *«Те, кто готовы отказаться от основной свободы ради кратковременной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности»*. В них изложена и одна из основных тем творчества Франклина, и его политическая концепция.

В «Историческом очерке» Франклин при помощи экскурсов в прошлое стремится доказать право народа этой колонии на самостоятельное национальное развитие. Из политических соображений Франклин идеализирует начальный период истории Пенсильвании. *«Первоначально колония создавалась на основе взаимоотношений отца с членами семьи: последних объединяли заинтересованность и любовь, к первому относились с уважением за мудрость учрежденных им законов и за снисходительное пользование своей властью. Тот, кто стремился лишь к покою, находил его здесь. И поскольку возвращаясь отсюда, никто не приносил с собой дурных вестей об этой стране, число переселенцев возрастало, все они приспособлялись к здешним условиям. Колонисты жили одинаково; никто не домогался чего-то большего, никто не был угнетен, трудолюбие вознаграждалось, знания уважались, достоинства почитались»*.

Все это вызывает ассоциации с «золотым веком» человечества, перенесенным на американскую почву. Но в дальнейшем положение

изменилось. *«С одной стороны, высокомерный лендлорд, стремящийся превратить свободных арендаторов в подчиненных вассалов и пожинающий то, что им не было посеяно...; с другой стороны те, кто достаточно хорошо знает свои права и обладает достаточным мужеством, чтобы защищать их, объединенные как один человек против этого лендлорда и его посягательств».* Совершенно очевидно, что Франклин исходит из теории общественного договора, который в американских колониях был нарушен. Из этого вытекало право народа отказать властям в повиновении, поскольку английское правительство поступило вопреки взятым на себя обязательствам. Франклин утверждает: *«Весьма вероятно, что первые же посягательства власти на свободу и естественные усилия со стороны всякого непредубежденного человека охранить себя при первых признаках угрожающего гнета, не могут не захватить тех из нас, кто умеет чувствовать и делать различие между добром и злом».* Чтобы подобный конфликт не произошел, законодательные акты, по мнению Франклина, должны в равной мере соответствовать требованиям верховной власти и правам подданных, не противоречить человеческому разуму.

Состояние вооруженной борьбы побудило Франклина обратиться к принципиальным проблемам войны и мира. В связи с этим он стремился определить, в какой мере войны отвечают интересам народа. С этой точки зрения одни войны он порицал, к другим относился с сочувствием. Естественно, в его интерпретации война американского народа против порабощителей-англичан заслуживает поддержки, тогда как военные действия Англии противоречат совести и разуму. Осуждая их, Франклин обращает внимание на стремление правящих кругов этой страны к широчайшей экспансии: *«Посмотрите на длительное и упорное, несправедливое обращение с Ирландией... Посмотрите на грабительское управление, осуществляемое вашими купцами в Индии; на захватническую войну с американскими колониями; и, не говоря уже о войнах с Францией и Испанией, посмотрите на последнюю войну с Голландией, которую беспристрастная Европа считала не чем иным, как грабежом и мародерством».* Франклин требует, чтобы в интересах человечества бедствия войн и побуждающие их причины были уничтожены. Он призывает всех честных солдат и офицеров армий, ведущих грабительские войны, не подчиняться своим тиранам, если они отдают приказ напасть на соседнюю мирную страну.

Франклин был врагом всякого порабощения, колониализма, расовой дискриминации. В исследовании «Заметки относительно дикарей Северной Америки» он развенчивает расистскую догму о существовании «грубых» народов и народов «благовоспитанных». Франклин отвергает само понятие «дикарь» и утверждает, что одни народы называют другие народы дикарями только потому, что не понимают их обычаи. Говоря об индейцах Северной Америки, Франклин доказывает, что если «белые» считают «краснокожих» дикарями на основании особенностей их образа жизни, то, в свою очередь,

индейцы с не меньшим основанием думают то же самое о нравах т. н. культурных народов.

Франклина привлекают подлинно демократические традиции индейских племен, он с симпатией характеризует политическое устройство индейских общин, противопоставляет т. н. дикарям их «цивилизованных» соседей, всячески нарушающих права человека. У индейцев, говорит Франклин, нет полиции, тюрем, чиновников, а Совет мудрецов управляет справедливо, в интересах всего народа. Франклин не смог сделать широких теоретических обобщений о характере первобытно-общинного строя, но его борьба за права индейцев гуманистична и не утратила своего нравственного значения.

Своеобразие первой американской революции состояло в том, что она, с одной стороны, провозгласила принципы свободы, но с другой, – сохранила самую циничную и ничем не прикрытую эксплуатацию негров-рабов. В этих условиях нужно было обладать большим мужеством, чтобы выступить за отмену рабства. Как выдающийся экономист, Франклин раньше других понял, что рабский труд непроизводителен, что при использовании труда наемных рабочих обработка земли эффективнее. Но Франклин видел сам и указывал другим на аморальность рабства, подчеркивал, что только свободный труд облагораживает человека, является необходимым условием гражданских добродетелей. И наоборот, рабовладение приводит к деградации самого рабовладельца. В работе «К сведению тех, кто собирается переехать в Америку» он, бичуя рабовладельцев, напомнил им слова одного чернокожего о белом человеке, который *«заставляет работать черного человека, заставляет работать лошадь, заставляет работать быка, заставляет всех работать, кроме свиньи. Свинья не работает, она ест, пьет, гуляет, спит, когда захочет, она живет как джентльмен»*. Столь нелестное сравнение свидетельствует о стремлении Франклина до конца развенчать апологетов рабовладения. Его заслугой является и требование ликвидации последствий рабства. Франклин подчеркивал, что мало сделать негров свободными, нужно бороться за фактическое равенство черных и белых граждан. И хотя выступления против рабства при жизни Франклина не принесли желаемых результатов, его деятельность как аболициониста оказала благотворное влияние на общественное сознание.

Франклин был весьма демократичен по отношению к религии, призывал к свободе совести, вероисповеданий, критиковал фанатизм в любых его проявлениях. Он полагал, что все религии в одинаковой степени вредны, если разделяют людей и сеют вражду. В его понимании быть хорошим гражданином важнее, чем религиозным человеком. Франклин полагал, что школа должна обучать наукам, а не теологии. Он утверждал, что правильно, т. е. не религиозно, обученная молодежь сумеет после школы изучить любое дело и принести пользу. Франклин и сам на протяжении всей жизни стремился привить американскому обществу нравственные нормы, освобожденные от религиозного догматизма. Он был глубоко убежден, что

правила и нормы поведения создаются самими людьми и имеют мало общего с заповедями религии.

Значение трудов Франклина переросло рамки утилитарных политических потребностей своей эпохи. Время еще ярче высветило истинный масштаб деяний этого великого просветителя.

Джефферсон. Томас Джефферсон (1743–1826) оставил яркий след в американской и мировой истории как лидер демократического направления американской революции, один из основателей США – автор Декларации независимости, глава дипломатического ведомства при Джордже Вашингтоне и сам третий по счету президент страны, основатель Виргинского университета, философ-гуманист, лингвист, ботаник, архитектор, этнограф, палеонтолог, автор огромного литературного наследия.

В этой необъятной сфере интересов и занятий Джефферсон выделил всего лишь три своих деяния. После его кончины в ящике письменного стола нашли записку с текстом эпитафии, которую следовало высечь на могильном камне: *«Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор Декларации американской независимости, виргинского статута о религиозной свободе и основатель Виргинского университета».*

У Джефферсона были все основания на первое место в своей богатой событиями жизни поставить причастность к Декларации независимости. Этот крупнейший политический документ XVIII в. выразил, по словам самого Джефферсона, «умонастроения Америки», боровшейся против английского гнета. В 1775 г. Георг III грозил беспощадно подавить движение в североамериканских колониях, назвав его мятежной войной. В феврале 1776 г. в Америке стал известен принятый в Англии закон, наложивший запрет на всю внешнюю торговлю колоний. Путь к компромиссу был отрезан, идея отделения Северной Америки овладевала умами все большего числа колонистов.

В таких условиях Второй континентальный конгресс образовал комиссию для подготовки документа, обосновывающего провозглашение независимости. В числе других в нее вошли Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Томас Джефферсон. Комиссия решила, что один из ее членов напишет текст и представит его на обсуждение. Выбор пал на Джефферсона. За 17 дней он закончил труд исторического значения. 4 июля 1776 г. документ, ставший позднее известным под названием «Декларация независимости», был принят.

Значение «Декларации независимости» состояло не только в том, что Северная Америка объявлялась независимой, а и в утверждении демократических принципов как основы американского государства. Этот документ определил социально-правовые основы человеческого общества. Он провозгласил приверженность основным постулатам естественно-правовой теории: *«Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем <прирожденными и неотчуждаемыми> очевидными правами, к числу которых принадлежат*

жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правления становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью».

Нетрудно убедиться, что в этом небольшом, но знаменитом фрагменте сконцентрированы самые передовые идеи европейской и американской общественной мысли того времени. Вернемся еще раз к процитированному тексту.

«Все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем <прирожденными и неотчуждаемыми> очевидными правами». В идеологии просвещения указанная норма противостояла феодально-абсолютистским представлениям о человеке как послушном инструменте, всецело зависящем от воли монарха.

К числу очевидных прав *«принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью»*. Здесь утверждается постулат о признании человеческой личности и ее неотчуждаемых прав высшей ценностью общества, развенчивается навязанное религией представление о человеческом существовании как непрерывном страдании, вознаграждаемом лишь в загробной жизни. Декларируемое «стремление к счастью» при всей абстрактности этой формулы означает наделение людей правом бороться за изменение к лучшему жизни на самой Земле. Более того, обращает внимание отсутствие в перечне неотчуждаемых естественных прав института частной собственности. Это можно трактовать таким образом, что Декларация независимости наделяла равными правами всех людей, независимо от их имущественного положения.

«Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых». Другими словами, Декларация предусматривала гарантии и условия реализации прав человека. Признание идеи договорного образования государства полностью исключало претензии английской короны на власть в Северной Америке. Провозглашение принципа народного суверенитета являлось бесспорным достижением революции, принявшей важнейший постулат: только народ является единственным вершителем своей судьбы и лишь на его согласии основана власть правительства. Важно отметить и то, что функцией государства провозглашено обеспечение прав граждан, а не воли государя.

«Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство». Это означает, что Декларация, имея в виду общественно-политическую ситуацию в Северной Америке, утвердила право народа на революцию, поскольку английская корона пренебрегла «естественными» правами граждан, действовала вопреки им. Этот постулат,

как и процитированные выше, полностью лежит в русле естественно-правовой теории.

Акцентируя внимание на общегуманистических тенденциях Декларации независимости, не следует забывать, что американская буржуазия и ее представители на Континентальном конгрессе оказались неспособными до конца воплотить в жизнь ее идеи. Было сохранено право собственности на негров-рабов, что привело к серьезным изъятиям из идеи равенства всех людей. Но лично Джефферсон к этому непричастен. Он, как и Б. Франклин, осуждал рабство и намного опередил миропонимание большинства своих современников, не сумевших во имя равенства поступиться собственностью.

Для поднимающейся американской буржуазии Декларация независимости была программой устранения английского лендлордизма как преграды на пути к власти, мобилизации масс на борьбу за государственный суверенитет. Но значение созданного Джефферсоном документа вышло за рамки освободительной борьбы американского народа против колониального господства Англии. Для своего времени оно состояло в обозначении достижимых целей социальных движений и революций и на других континентах, прежде всего, в Европе.

Пейн. Одним из выдающихся представителей Американского просвещения был Томас Пейн (1737–1809). Его дарования отличались разносторонностью. В Англии по проекту Пейна построили мост, который служил с 1790 по 1929 г. В период Французской революции являлся депутатом Национального конвента, участником комитета по составлению конституции, автором одного из ее вариантов. В 1793 г. был арестован якобинцами по обвинению в связях с жирондистами и год просидел в Люксембургской тюрьме.

В Америку Пейн приехал из Англии в 1774 г. с рекомендательным письмом Франклина и на его деньги. Здесь, в Филадельфии, он сразу включился в политическую деятельность и в 1775 г. стал редактором «Пенсильванского журнала». Статьи Пейна быстро привлекли внимание своей революционной направленностью, но наибольшую известность получил опубликованный в 1776 г. памфлет «Здравый смысл».

В «Здравом смысле» с наибольшей яркостью проявились социально-политические взгляды Пейна. Он объясняет возникновение общества тем, что человеку трудно жить в одиночестве. *«Сила одного человека настолько не соответствует его потребностям..., что он вскоре будет вынужден искать помощи и обеспечения у другого, который в свою очередь нуждается в том же».* Мысль о реальных жизненных потребностях людей как причине образования общественных связей между ними влекла за собой представление о развитии общества по своим собственным законам без божественного вмешательства, а это подрывало провиденциалистские схемы. Но дело не только в разрушении концепций, основывавших незыблемость существующих порядков. По Пейну, если чувство долга и взаимной привязанности начнут ослабевать, необходимо появление государства,

которое обеспечит защиту людей от посягательств на их свободу и безопасность. Другими словами, общество проходит путь от естественного состояния к гражданскому, которое и отличается наличием государства. В тех случаях, когда государственная власть вступает в противоречие с обществом, народ вправе изменить или ликвидировать ее. В этом, как утверждает Пейн, выражается суверенность народа и его естественное право на революцию.

Исходя из естественно-правовых воззрений, Пейн доказывал закономерность стремления североамериканских колоний к независимости. Полагая, что все люди равны по происхождению, он показывал противоестественность монархии, призывал к созданию нового государства на Американском континенте: *«Нам принадлежит неотъемлемое право иметь собственное правительство, и всякий, кто всерьез поразмыслит над непрочностью человеческих дел, придет к убеждению, что куда разумнее и безопаснее хладнокровно и обдуманно выработать собственную конституцию, пока это в нашей власти, нежели доверить столь значительное дело времени и случаю»*. Пейн звал на борьбу против колонизаторов: *«Период дебатов закончился. Оружие как последнее средство решает сейчас спор... Никогда еще солнце не светило более достойному делу»*. Рассуждения Пейна сыграли огромную роль во внедрении в общественное сознание идеи независимости североамериканских колоний, произвели, по словам Дж. Вашингтона, удивительную перемену в умах людей.

Общетеоретические положения Пейн сочетал с конкретно-историческим анализом общественно-политических проблем Америки предреволюционного периода. Свои взгляды на политическое устройство независимой Америки Пейн развил в ряде работ, объединенных общим названием «Американские кризисы». В них, наряду с другими проблемами, Пейн поставил вопрос о национальном суверенитете и самоуправлении штатов. По мнению Пейна, каждый штат может и должен решать вопросы своей внутренней жизни в соответствии с требованиями и характером местных условий, с учетом особенностей состава населения, экономических, социальных, политических и религиозных традиций. Наличие местного самоуправления, считал Пейн, не препятствует функциям центральной власти, защищающей интересы всех штатов в совокупности. Если дела каждого штата носят локальный характер и ограничены пределами его границ, то суверенитет всей страны в целом, ее национальная независимость находят выражение в союзе штатов. В этой связи Пейн впервые употребил понятие «Соединенные Штаты Америки» в значении федерации и союза бывших колоний Англии на североамериканском континенте. Только в таком качестве, писал Пейн, Америка может выступать в международной торговле и политике и только такого рода союз может *«дать нам авторитет за границей и безопасность дома»*.

Творчество Пейна оставило глубокий след в истории американского просвещения, сыграло крупнейшую роль в идеологической подготовке

войны за независимость в Северной Америке. Но этим его роль в истории просветительского движения не ограничивается. Пейн в 1789 г. переехал во Францию, где тотчас включился в политическую борьбу. В относящемся к 1791–1792 гг. труде «Права человека» он защищает и оправдывает развернувшуюся здесь революцию, выдвигает идею о необходимости постоянного возобновления «общественного договора» в целях приведения его в соответствие с волей большинства народа. В сочинении «Век разума» (1794) резко обличает церковь, доказывает, что Библия – это собрание мифов, являющееся на самом деле «обманом и подделкой». В трактате «Аграрная справедливость» (1797), развенчивает обрекающий большинство людей на нищету порядок распределения собственности на землю и предлагает свою модель устранения социального неравенства: обложить собственников обработанной земли рентой, которая пойдет на создание фонда для выплаты пенсий престарелым и обеспечения несовершеннолетних.

Творчество Пейна с его призывом к созданию более справедливой социально-политической системы способствовало развитию гуманистического направления в буржуазной общественной мысли конца XVIII – начала XIX в.

Историография эпохи Романтизма (конец XVIII – начало XIX в.)

С конца XVIII в. в литературе, искусстве, а затем и в общественных науках развивается направление романтизма. Романтизм как идеология определенной части дворянской и буржуазной интеллигенции возник после 1789–1794 гг., явившись выражением разочарования широких общественных кругов в результатах Французской революции. Это направление не было однородным. Представители одного его крыла обращались к прошлому в стремлении отыскать живые источники подлинно народных нравственных, социальных и политических идеалов. В историографии это были, например, представители французской буржуазно-либеральной исторической науки периода Реставрации: О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др. С другой стороны, утвердилось направление консервативного романтизма. Его коренным обобщающим признаком явилось отрицание тех общественных отношений, которые утвердила Французская революция. Исходя из этого, основными чертами романтизма стали неприятие буржуазных порядков, решительный отказ от рационалистических принципов буржуазного Просвещения, недоверие к тому культу разума, который был характерен для просветителей. Те, кто разделял его идеи, буржуазной действительности противопоставляли идеализированное феодальное прошлое: средневековье, католицизм, аристократические идеалы. Они стремились сохранить максимум возможного от феодального строя.

Консервативно-романтическая историография. Консервативно-романтическая историография питала идеями и фактами из прошлого правоконсервативное т. н. *традиционалистское*, или *теократическое*, направление в идеологии и политике. Мировоззренческие принципы традиционалистского консерватизма противостояли идеологии Просвещения и буржуазного либерализма. В этой связи в концепции консерватизма одно из центральных мест заняло отрицание теории общественного договора и принципа народного суверенитета. Неприятие консерваторами этих основополагающих просветительских категорий вытекало из представления об ограниченности и слабости человеческого разума, в силу чего он не в состоянии осознать смысл и цели социального прогресса, место человека в нем. Поэтому ни общество, ни его установления не могут возникнуть вследствие общественного договора, чисто человеческого деяния. Разум должен подчиниться воле Провидения, божественной силе. Лишь она управляет общественными делами, определяет судьбы людей и народов. Мудрость Бога проявляется в исторически сложившихся предрассудках, под которыми понимались опыт, традиции и обычаи. Не люди конкретной эпохи, а они, передаваемые из поколения в поколение, создают почву для формирования нравственности человека, трансформации неписаного права в законы и конституции, устройства государства. Отсюда вытекало требование глубоко почитать старые предрассудки и тем больше, чем они древнее и шире распространены. Отказ же от обычаев и опыта прошлого привел Францию к революции, ниспосланной богом как кара за «век преступлений и

безумств», «дух бунта», который охватил Европу начиная со времен Реформации и распространения философии Просвещения.

Этими аргументами традиционалистский консерватизм обосновывал отрицание революций, разрывающих историческую связь прошлых и будущих эпох, позволяющих поступать со страной, как с завоеванной территорией, проводить в ней преобразования с чистого листа, предлагая рационально сконструированную абстрактную модель общественного устройства. С этой точки зрения Французскую революцию консерваторы осуждали и, наоборот, превозносили эволюционный путь развития, который обеспечивает преемственность социальных связей между поколениями, допускает лишь медленные изменения, сохраняющие полезные части старого общества и добавляющие лишь то, что им соответствует.

Для консервативной доктрины характерна особая интерпретация сущности общества и государства, взаимоотношений между ними. Человеческое общество образуется согласно божественному плану, а не является продуктом социального взрыва. Это подразумевает его неизменяемость и противоестественность попыток революционного воздействия с целью насильственной модернизации. Равным образом государство представляет собой извечно существующую органическую сущность, которая допускает изменения только в отдельных частях, сохраняя незыблемость в основном. При этом сами формы государства в силу связи с обычаями, традициями и характером народа относительны. Даже деспотизм лишь тогда плох, когда оказывается в стране, предназначенной для другого рода правления. В традиционалистской консервативной концепции общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Сам же человек, вопреки утверждениям просветителей, не рождается свободным, во все времена рабство рассматривалось как обязательный элемент правления и политического состояния наций. Равенство существует только в области морали и добродетели, которая состоит в обязанности исполнять предназначенный каждому долг. Лучшие люди страны не те, кто заботится о своих правах, а те, кто несет особые обязанности. Вершину общественной иерархии составляет абсолютная власть государства и Папы, аристократии надлежит править. Человек существует лишь для общества, и он должен употреблять на службу обществу все, что получил от природы.

В посленаполеоновской континентальной Европе на принципах традиционалистского консерватизма основывалась монархическая реставрация и политика Священного союза, направленная на удушение демократических, социальных и освободительных движений. Во внутренней политике сторонники этой ветви консерватизма стремились к сохранению неограниченной власти монарха, введению цензуры печати, повышению роли церкви. В Англии консервативная партия проявляла наибольшую неуступчивость по отношению к преобразованиям, в частности, препятствуя парламентской реформе 1832 г.

Одним из основателей идеологии европейского консерватизма был английский политический деятель и публицист Эдмунд Бёрк (1729–1797). В 1790 г. он опубликовал работу «Размышления о революции во Франции». Ее резонанс был столь велик, что Екатерина II прислала автору благодарность, а польский король – золотую медаль.

Бёрк выступил против просветительских теорий XVIII в. Его концепция отрицает внеисторическую суть таких понятий, как «разум», «природа», «индивид», «права человека», «общественный договор», на основе которых французские законодатели создали свои политические институты. По мнению Бёрка, подлинной «природе» человека чуждо понятие «свобода» вообще, безотносительно к чему-либо. Смысл имеют только конкретно-исторические свободы, добытые предками и унаследованные от них. Так, англичане *«унаследовали эту свободу, основывая свои претензии не на абстрактных принципах, вроде прав человека, но на правах англичан, как наследие, доставшееся от предков»*. Т. е. англичане получают и передают свои привилегии благодаря конституционным законам, завоеванным в определенную историческую эпоху.

Что касается равенства, то оно существует в области морали и добродетели – все обязаны исполнять свой долг. Однако никакое общество не может существовать без иерархии и, следовательно, неравенства. Если же по примеру французов поместить наверху то, чему надлежит быть внизу, социальной пирамиды, извратится естественный порядок, усугубится неравенство. Таким образом, Бёрк решительно не приемлет революцию, переход власти к буржуазии и перераспределение собственности в ее пользу.

К «естественным правам» просветители относили функцию учреждения высшей власти. «Общественный договор» действительно существует, признавал Бёрк, но его нельзя уподоблять «торговой сделке», распадающейся по воле сторон. *«Государство – это партнерство во всей науке, во всем искусстве, во всей добродетели и всяческом совершенстве. Поскольку цели такого партнерства не могут осуществиться даже во многих поколениях, оно становится партнерством не только между живыми, но и между ушедшими и грядущими поколениями»*. Но и государство – лишь звено *«в истинно изначальном договоре, связывающем низшую и высшую природу, видимый и невидимый миры... Разве повиновение божественной необходимости может стать объектом выбора?»* – вопрошает Бёрк.

Антиисторичному абстрактному рационализму, «голому разуму», Бёрк противопоставляет апологию «предрассудков». Самый надежный руководитель человеческого поведения – скрытая в «обычных предрассудках» таинственная мудрость, унаследованная от предков. Именно в ней отражен «разум всеобщий, коллективный, политический». Разум одного индивида недостаточен, чтобы ориентироваться в трудных обстоятельствах: люди извлекают пользу из общего кладезя мудрости, из той *«совокупности предрассудков, на которую сознательно или подсознательно опирается коллективная жизнь. Благодаря им добродетель становится*

привычкой, долг – частью природы человека, тогда как при их отсутствии никакой компас не указывает путь, люди лишаются ориентиров». В связи с этим Бёрк провозгласил один из важнейших принципов консерватизма – восприятие и использование опыта прошлых поколений: «Вместо того, чтобы отвергнуть наши старые предрассудки, мы их глубоко чтим и, добавим не стыдясь, уважаем их именно потому, что это предрассудки: и чем древнее они и шире распространены, тем больше мы их почитаем. Мы опасаемся оставлять людей наедине с их собственным запасом разума, ибо полагаем, что он невелик и что индивидам лучше иметь доступ к общим накоплениям наций и веков».

Ориентация на сохранение ценностей прошлого определяет подход Бёрка к оценке исторического развития Франции и Англии. Французы делают из своей страны «чистый лист», на котором можно чертить абстрактные конструкции, «действуя во Франции как в завоеванной стране... разрушая наследие». Английский путь предполагает медленные изменения, «сохраняющие полезные части старого здания, добавляя то, что им соответствует. Только так и можно поступать, имея дело с существами из плоти и крови, образ жизни и привычки которых нельзя внезапно изменить без больших несчастий». Очевидно, что теории установления буржуазного строя революционным путем Бёрк противопоставляет постепенную эволюцию в ходе непрерывного исторического развития, совершенствования и реформ при неременном сохранении основ существующего порядка.

Признание связи с ушедшими эпохами, возвращение политической и социологической мысли чувства «историчности», восстановление истории общества как целостности, которая обеспечивает преемственность прошлого и будущего – составляет позитивную сторону концепции Бёрка.

Период Реставрации во Франции был временем развернутого наступления идеологов аристократической и клерикальной реакции на передовые общественные идеи революции конца XVIII в. Лозунг «возвращение к порядку», под которым подразумевался феодально-абсолютистский строй, становится определяющим для представителей консервативной историографии.

Одним из тех, кто превратил консерватизм в относительно стройную систему взглядов, был Жозеф де Местр (1754–1821). Он происходил из аристократической семьи, переселившейся в Савойю, когда та была еще автономной провинцией Сардинского королевства. В 1792 г. Савойю аннексировала революционная Франция, и де Местр покинул страну. В 1799 г. он стал канцлером Сардинского королевства, а в 1803 г. получил назначение на пост посланника сардинского короля в России. В Петербурге де Местр провел 15 лет и только в 1817 г. вернулся во Францию.

Местр создал множество трудов. Наиболее значительные работы представлены книгами «Письма савойского роялиста своим соотечественникам», «Размышления о Франции», «Рассуждения о суверенитете» и др. Он рассматривает Французскую революцию как

проявление «великого плана» Божественного Провидения. Своей мощью она сметает все препятствия, человеческая сила ничего не может противопоставить ей. *«Революция сама скорее руководит людьми, нежели люди руководят ею, она развивается сама по себе»*, а это признак, что она является частью «великого плана» Провидения.

Почему же в таком случае Бог ниспослал революцию? Местр полагает, что она не что иное как «кара за век преступлений и безумств». Он исходит из того, что старый порядок в Европе подвергся эрозии, устарел: *«Тысячи накопившихся злоупотреблений подкопали этот порядок, в особенности французский, и он начал гнить, лишившись единства, энергии, гражданского духа: революция была неизбежна, так как режим должен пасть, когда имеет против себя одновременно презрение порядочных людей и ненависть негодяев»*.

Но не только злоупотребления монархии стали причиной революционного взрыва, они глубже и являются следствием искажения Францией своей исторической миссии. Это искажение не является делом нескольких лет или группы людей, оно результат деятельности многих поколений, часть исторического процесса общеевропейского значения. Суть его в том, что с эпохи Реформации в Европе возник «дух бунта» против Бога, религии и тронов. Он привел к распространению философии Просвещения, которая оказала пагубное влияние на общественную жизнь и обычаи, способствуя падению нравов, ненависти к власти и анархии. Следствием была не только революция, но и буржуазное общество, где каждый думает и заботится только о себе, а собственный интерес становится для человека единственным мотивом поведения.

Как полагал Местр, ошибкой революционных законодателей было то, что их конституция создавалась на основе предпосылки о повторяемости, закономерности общественных явлений, т. е. в расчете на «абстрактного» человека. Он подчеркивал в связи с этим: *«Но выдуманного вами общечеловека в природе не существует. В своей жизни я видел французов, итальянцев, русских и т. д.; благодаря Монтескье я знаю, что можно даже быть персиянином. Но решительно вам объявляю, что сочиненного вами человека я не встречал ни разу в моей жизни; если он существует, то мне об этом ничего не известно... Эта конституция может быть предложена всем человеческим институтам от Китая до Женевы. Но конституция, созданная для всех наций, не годится ни для какой: это чистая абстракция, схоластическое произведение, созданное ради умственного упражнения на основе идеальной гипотезы и адресованное человеку, обитающему в воображаемых пространствах»*.

Вере просветителей в абсолютную творческую мощь человека Местр противопоставлял убеждение, что конституция не может быть делом человеческого разума, для этого он слишком слаб и бессилён, если утратил связь с разумом божественным, выражающим себя в исторически сложившихся традициях и обычаях. На писаной конституции *«нет таинственной печати помазания, а люди уважают в глубине сердца и*

охотно повинуются только тому, что сокровенно, таким темным и могучим силам, как нравы, обычаи, предрассудки, идеи, господствующие над нами без нашего ведома и согласия... Писаная конституция всегда бездушна, а между тем вся сущность дела в народном духе, на котором стоит государство».

Отсюда вытекает, что человек не в состоянии создавать институциональные формы в одиночку – это можно сделать только в процессе стихийного развития, причем гораздо большую роль при этом играют инстинкты и импульсы, внушаемые божественным провидением, нежели разум. Начало всякой этической нормы, правового или государственного института – во тьме истории и поэтому законы и конституции отражают уже существующее неписаное право. Поскольку при этом эпохи и народы индивидуальны и неповторимы, при создании какого-либо общественного института следует учитывать присущие им обстоятельства и особенности. Прежде всего это касается форм политического устройства, которые, связаны с обычаем и характером народа, а потому относительно: *«Даже деспотизм лишь тогда плох, когда оказывается в стране, предназначенной для другого рода правления».* Поэтому вместо того, чтобы придумывать наилучший режим, следует говорить только о наилучшем правлении для данного народа в данный момент его исторического существования. Как показывает опыт, *«каждый народ имеет такое правление, которого заслуживает».* В этих рассуждениях Местра со всей очевидностью проявляется антиреволюционная и антибуржуазная направленность его концепции.

Важную роль в теоретических построениях Местра играет положение об условиях стабильности общества. Оно состоит в понимании мира как упорядоченного иерархического целого, в котором все, включая человека, занимает место предписанное творцом вселенной. Именно общественная иерархия, вершину которой составляет абсолютная власть государства, обеспечивает порядок в обществе. Каждое звено в этой иерархии наделено своими особыми функциями. Так, назначение аристократии – править. Каждое другое сословие обеспечивает выполнение только ему присущих обязанностей: ремесленники производят товары, крестьяне занимаются земледелием и выращиванием скота, купцы торгуют и т. д. По Местру, лучшие люди – не те, кто заботится о каких-либо правах, а те, кто несет особые обязанности. Чувство долга и осознание обязанностей очищает и облагораживает, а претензии на права – озлобляет и маскирует нежелание нести обязанности. Таким образом, принцип иерархии опирается на идею обязанностей человека, но не его прав. В этом одно из отличий консерватизма от либеральной идеологии, которая основной акцент ставит на правах личности.

В XX в. представленная Местром традиционалистская, или теократическая, ветвь консерватизма вновь привлекла широкое внимание. Один из исследователей творчества Местра Р. Триомф, объясняя этот феномен, отмечает: *«Великий поборник традиционализма не напрасно*

утверждал незыблемость принципов, не напрасно призывал себе в помощь историю. Его система имеет прочные основы, от которых можно отказаться, но которые нельзя отрицать. Свидетель старого режима, революции и империи, как мы являемся свидетелями капиталистической демократии, большевистской революции и сталинизма, Местр пытался найти те незыблемые устои, на которых должен стоять мир, одновременно соответствующий природе человека и гарантированный от его слабостей».

В русле консервативно-романтического направления развивалась немецкая «историческая школа права», одним из основателей которой был Фридрих Карл Савиньи (1779–1861). Свою концепцию он изложил в работе «О призвании нашего времени к законодательству». Савиньи решительно выступил против перенесения на почву Германии опыта Французской революции, упразднившей бесконечное множество местных и провинциальных прав и привилегий и подготовившей создание общего гражданского права Франции – «Кодекса Наполеона». Савиньи доказывал, что правовые и государственные формы не создаются волей законодателя, поскольку законодательство – не проявление личной инициативы его творца, а результат длительного развития. Этот процесс идет медленно и незаметно, его начало теряется в далеком прошлом. Савиньи утверждал: *«С момента, когда начинается для нас документированная история, гражданское право имеет уже определенный характер, свойственный только данному народу, как его язык, обычаи, политическое устройство».* Т. е., изучая происхождение и историю государства и права, общественных учреждений и юридических институтов, представители «исторической школы права» утверждали, что все это содержалось уже в зародыше в древнейших обычаях, воззрениях, юридических нормах, ибо коренилось в исконном, от века данном некоем «народном духе». Последний якобы остается одним и тем же на всем протяжении жизни народа и лишь меняет формы своего проявления. Но если право является результатом длительного и сложного развития, то невозможно ни создать новое право, ни ликвидировать уже существующее. Поэтому законодателю остается только найти способ выражения «народного духа», который можно познать лишь путем изучения всей истории народа.

Отсюда вытекает общий принцип, позже получивший наименование историзма. Каждое столетие, писал Савиньи, приносит не нечто произвольное и новое, оно является продолжением старого и находится с ним в неразрывной связи. Действительно, право, государственные формы и учреждения являются результатом исторического развития, а между сменяющимися друг друга состояниями существует преемственность. Но историзм Савиньи исключает преобразующую роль революции, не признает прогрессивные движения и, наоборот, оправдывает сохранение реакционных государственных институтов и остатков феодальных отношений, во множестве сохранявшихся в Германии. Под развитием Савиньи и его последователи понимали только постепенный и мирный процесс, а идее «народного духа» придали мистический оттенок. Произвольно толкуя его

проявления, доказывали непригодность любых реформ и опасность малейших уступок требованиям времени. «Народный дух» в толковании «исторической школы права» превратился в специфический якобы «тевтонский» дух, который определялся как индивидуальность, особенность, исключительность немецкого народа. Воспринимавшееся в таком аспекте учение о германском «народном духе» служило теоретической основой тевтономании. Она охватила не только реакционные, но и относительно либеральные круги немецкого народа, превратилась со временем в крайний шовинизм и национализм, что стоило в дальнейшем тяжелых исторических издержек и жертв не только Германии, но и ее соседям.

Таким образом, отличительными особенностями «исторической школы права» были: ярко выраженные реакционные тенденции; односторонне ретроспективный подход к истории; специфически юридическая, государственно-правовая узость и ограниченность; слабо выраженный интерес к хозяйственным, производственным отношениям людей; недостаточное внимание экономическому развитию; полумистическое представление о «народном духе»; игнорирование в связи с этим классов, классовых противоречий, классовой борьбы.

Определенную преемственность с «исторической школой права» сохранила т. н. государственная школа. Ее основателем был Леопольд фон Ранке (1795–1886). Занимая крайне консервативные позиции, Ранке, по отзывам его почитателей, писал не для народа. Сам он однажды определил свою позицию словами: «История – это наука королей». Среди учеников были кронпринцы Баварский, Вюртембергский, Ганноверский. Он был близок к Фридриху-Вильгельму IV Прусскому. Поклонником Ранке был Бисмарк. В 1841 г. Ранке получил официальное звание «историограф Пруссии». В 70-х гг. исторические кафедры в немецких университетах занимали исключительно ученики Ранке или профессора, которых он рекомендовал. Неудивительно, что Ранке стал объектом безудержного восхваления: «король историографии» (Лоренц), «величайший мастер объективной истории» (Дильтей), «непревзойденный в веках историк» (Гельмольт), «величайший исторический мыслитель немецкой нации» (Мейнике) и т. д.

Ранке действительно создал множество трудов. Собрание его сочинений составило 54 тома. Ранке стремился развить и обогатить научные приемы исторического исследования. Он широко использовал архивные материалы, среди которых отдавал приоритет официальным документам правительственного происхождения и свидетельствам очевидцев. Лишь эти виды письменных памятников он относил к первоисточникам в собственном смысле слова. Декларируя необходимость обеспечить объективность и достоверность, он призывал относиться критически к любым материалам, подвергать их сопоставлению с параллельными источниками с целью перекрестной проверки.

Философской основой творчества Ранке был провиденциализм. Во всех исторических явлениях, утверждает он, виден перст божий. Исторический

процесс является осуществлением божественного плана, образующего связь между эпохами и придающего единство всему происходящему. Познание прошлого имеет целью исследование возвышенных и величественных планов божьего управления миром, представляющих *«моменты воспитания человечества Богом»*. Не только общий ход истории, но и причинная связь между событиями непосредственно определяется Богом, живущим и проявляющим себя в каждом действии и мгновении исторической жизни. Историк является служителем бога и учителем людей.

Из этой богословской концепции вытекали представления о решающей роли религии в истории человечества. Ранке поучал: *«Нельзя себе представить нацию, достойную названия великой, политическая жизнь которой не руководится религиозными идеями»*. Важнейшие исторические события, по Ранке, являются следствием борьбы идей, среди которых господствующее место занимают религиозные убеждения. Так, среди причин, вызвавших Французскую революцию конца XVIII в., Ранке на первом месте называет *«заблуждения духовенства и противоречия между двумя враждующими партиями по всем религиозным вопросам»*.

Ранке заменил присущую романтической историографии идею органического развития общества концепцией внешних связей различных народов. Всю историю он понимал как борьбу отдельных «национальных существований», в которой каждый народ стремится добиться господства. В его представлении *«нации живут в постоянной борьбе друг с другом за землю, могущество и господство. Эта борьба связывает их между собой; без нее они жили бы обособленно и к ним не приливал бы новая жизнь. Таким образом, борьба за господство имеет важнейшее значение для выработки сознания общности человечества... Мировое государство, подчиняя различные нации своему руководству и втягивая их в единую форму жизни, делает возможным существование общечеловеческой культуры. Этот процесс духовного роста человечества не представляет мирного развития..., а является результатом смертоубийственных и героических битв»*. С этих позиций история в трудах Ранке выступает как преимущественно политическая история государств и их взаимоотношений, определяемых стремлением более сильных государств к гегемонии, а противостоящих им слабых в военном отношении государств – к сохранению в Европе политического равновесия.

Через все произведения Ранке проходит мысль о культурном и духовном превосходстве романо-германского Запада, противостоящего «варварскому» Востоку в качестве оплота и источника человеческой культуры. Романо-германские народы, в интерпретации Ранке, единственные, кто принимает участие в общеисторическом движении, остальные – остаются вне истории. Славянские народы и венгры участвуют в историческом процессе лишь в качестве преграды от монгольских и турецких нашествий. Иными словами, центр исторического процесса для Ранке даже не вся Европа, а только Западная.

Что касается Азии, то Ранке называет ее «отупевшей и неподвижной», а все без исключения азиатские народы – варварскими. Естественно после этого, что захваты европейских колонизаторов в странах Азии, по мнению Ранке, сыграли положительную роль.

Таким образом, воззрения Ранке в концентрированном виде могут быть обобщены следующим образом: освящение войны как вечного закона, действующего в отношениях между народами и государствами, и в связи с этим примат внешней политики во всемирно-историческом процессе; крайний европоцентризм и превознесение западной цивилизации как единственной культурно-исторической ценности; акцент на единстве западного мира, противостоящего Востоку; пропаганда превосходства романо-германских народов над всеми другими народами мира; отрицание революций, в которых усматривалось нарушение медленной эволюции человеческих обществ.

Идеи и предостережения, высказанные консервативными мыслителями прошлого, сохранили несомненный интерес и не утратили морального и интеллектуального воздействия на современную историческую и социологическую мысль. Идеологи консерватизма, противопоставившие свои постулаты просветительским теориям, утверждали, что попытки радикально разорвать с прошлым, создать рационалистически сконструированную модель общества утопичны и зачастую ведут к обратным результатам. Мыслители консервативного лагеря выдвинули концепцию общества как органичной целостности, в которой поведение индивидов подчинено сложившимся структурам, ценностям и традициям, обеспечивающим преемственность прошлого и будущего.

Либерально-романтическая историография Франции периода Реставрации. Перед буржуазной историографией страны стояла вполне конкретная задача: исторически обосновать притязания буржуазии на социальное и политическое господство. Поэтому ее внимание было направлено на раннее средневековье в связи со стремлением выявить корни зарождения (а потом и развития) современных наций, прежде всего французской и английской; затем – на буржуазные революции XVII и XVIII вв.: время разгрома феодального класса и захвата буржуазией политической власти. В числе крупнейших представителей романтического направления были О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, Л.- А. Тьер. По мнению Б. Г. Реизова, их объединяет не наличие некоей «суммы признаков» романтической школы, а принадлежность к «новой политической платформе».

Выдающимся представителем романтической школы был Огюстен Тьерри (1795–1856). На протяжении 1814–1817 гг. был ближайшим учеником, секретарем и сотрудником Анри де Сен-Симона, совместно с которым опубликовал три работы. В 1817 г. между ними произошел разрыв на почве идейных разногласий в связи с усилением в творчестве Сен-Симона социалистически-утопических мотивов.

Научные интересы Тьерри концентрировались вокруг двух основных тем: роль и социальные последствия завоевания в истории Франции и

Англии, во-первых; происхождение французских коммун в XI – XII вв. и их последующее развитие, во вторых. Комплексу охватываемых этими темами проблем посвящены исследования: «Завоевание Англии норманнами», «Письма об истории Франции», «Рассказы из времен Меровингов», «История возникновения и развития третьего сословия», «Городские коммуны во Франции в средние века».

В основе концепции Тьерри лежит представление о том, что вся история Англии и Франции представляет собой борьбу двух противостоящих друг другу общественных образований. Под последними подразумеваются последовательно трансформирующиеся друг в друга расы, нации-этноты, классы. В ареале будущей Франции под расами понимаются племена галлов и франков. Применительно к Англии речь идет об англосаксах и норманнах. По Тьерри, акт покорения в V – VI вв. германскими племенами франков коренных галлов, а в Англии разгром в 1066 г. норманнами англосаксов привел соответственно в каждой из этих стран к смешению участвовавших в интеграционном процессе рас и формированию на этой основе новых этносов – наций. При этом неизбежно возникновение и развитие конфликтов между указанными, по терминологии Тьерри, расами. Расовые конфликты сохраняются в рамках формирующихся этносов – наций, а затем, когда в рамках сформировавшихся наций потомки победителей и побежденных образовали дворянство и третье сословие, перерождаются в классовые антагонизмы.

Идею о классовой борьбе между потомками победителей и побежденных, между феодальной аристократией и третьим сословием Тьерри возвел в ранг закона исторического развития Европы. В предисловии к «Истории завоевания Англии норманнами» он пишет: *«Высшие и низшие классы, враждебно противостоявшие друг другу или борющиеся за определенные идеи и формы правительства в настоящее время, являются в ряде стран не чем иным, как народами завоевателей и народами, поработанными в предшествующую эпоху. Таким образом, меч завоевания, обновивший лицо Европы и определивший размещение ее обитателей, наложил свою старинную печать на каждую нацию, созданную смешением нескольких рас. Раса завоевателей осталась привилегированным классом, как только она перестала быть отдельной нацией. Она образовала воинственное дворянство, праздное и беспокойное, которое постепенно пополнялось из низших слоев и господствовало над мирной массой трудящихся, пока длилась военная организация власти, вышедшая из завоевания. Побежденная раса, лишенная собственности на землю, власти и свободы, существующая не войной, а трудом, проживающая не в укрепленных замках, а в городах, образовала нечто вроде особого общества рядом с военной ассоциацией завоевателей... этот класс все поднимался по мере того как ослабевала феодальная организация дворянства то есть потомков древних завоевателей».*

Идея классовой борьбы как движущей силы исторического процесса давала ключ к пониманию истории Европы. Вместе с тем, по Тьерри, ход

истории приводит к постепенному преодолению первоначального конфликта между потомками победителей и побежденных – дворянством и третьим сословием: Английская и Французская революции XVII и XVIII вв. были окончательным «реваншем» побежденных.

Выдвинув теорию классовой борьбы с лежащим в ее основе антагонизмом между феодальным дворянством и третьим сословием, Тьерри неминуемо должен был отдать свои симпатии одной из противоборствующих сторон. Естественно, при исследовании ранних этапов истории Франции выбор был сделан в пользу предшественников буржуазии. В статье «Подлинная история Жака Простака, написанная на основании подлинных документов» он с сочувствием представляет под этим именем буржуазию, крестьянство, плебейские городские низы как однородную массу, которой противостоит феодальный класс.

«Плебейские симпатии», как он сам говорил, побудили Тьерри обратиться к истории борьбы в XI – XII вв. французских городских коммун за свое освобождение от сеньориальной зависимости. Достижение ими автономии или смягчения зависимости от феодалов он рассматривает как самое крупное социальное движение между установлением христианства и Французской революцией. Тьерри настойчиво подчеркивал идею преемственности между буржуазией XI – XII вв., отвоевавшей независимость коммун, и буржуазией XVIII в., совершившей революцию. В работе «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» Тьерри стремился доказать, что городская буржуазия вместе с вышедшим из ее недр чиновничеством на всех этапах истории Франции была важнейшим, даже единственным прогрессивным фактором ее развития.

К числу выдающихся представителей романтической историографии либерального направления относится Франсуа Гизо (1787–1874). Получив хорошее образование в Женеве, он в 1805 г. переехал в Париж и в 1812 г. стал преподавателем истории в Сорбонне (Парижский университет), хотя и не имел специального исторического образования. Однако уже в 1814 г. Гизо с воцарением Людовика XVIII получил назначение генеральным секретарем министерства внутренних дел. Возвращение Наполеона Бонапарта лишило Гизо должности, но в период второй Реставрации Бурбонов он возобновил политическую карьеру, которую продолжал вплоть до 1820 г., когда покинул государственные посты из-за усилившейся реакции в связи с убийством наследника трона герцога Беррийского. С победой Июльской революции 1830 г. Гизо избирается в парламент, депутатом которого остается до 1848 г., в разное время возглавляет министерства внутренних дел, народного образования, иностранных дел, с 1847 г. вплоть до революции 1848 г. является премьер-министром. После революции Гизо оставляет политическую деятельность и занимается научной работой.

В период Орлеанистской монархии французский либерализм, идейно связав себя с крупной буржуазией, приобрел консервативные черты. Это относится и к эволюции воззрений и политической позиции самого Гизо. Поэтому говорить о нем как представителе либерально-романтической

историографии возможно лишь в границах периода Реставрации, т. е. 1815–1830 гг.

В 1826 г. Гизо предпринял публичное чтение курса лекций «История цивилизации в Европе» и в 1829 г. – второго: «История цивилизации во Франции». Выступления Гизо собирали огромную, восторженно принимавшую его аудиторию, газеты излагали содержание лекций, а сами они публиковались отдельными выпусками всего через несколько дней после того как были прочитаны. Эти курсы составили содержание одноименных книг.

Для работ Гизо характерно признание исторической закономерности, которая обуславливает связь между событиями, побуждает их развиваться в русле эволюции, единой для всех. В «Истории цивилизации в Европе» он провозглашает: *«Да, я убежден, что человечество имеет свою судьбу, что существует всемирная цивилизация, что из поколения в поколение передаются некие духовные ценности, все более увеличивающиеся трудом поколений, и что, следовательно, можно написать историю всемирной цивилизации как историю всеобщих человеческих судеб».*

Гизо полагал, что цель, к которой в постоянном движении стремится человечество – создание справедливого и нравственного общества. Но люди не знают последнего результата своих усилий. Поколения строят здание, назначения которого они не могут угадать, они «разумно» и «свободно» творят то, что для них непостижимо, но исторически неизбежно. Уловить смысл этих вековых усилий, показать, как в ходе бесчисленных событий осуществляется эта непрерывная эволюция, определить в них долю необходимости и долю свободы является, по мнению Гизо, задачей истории цивилизации. При этом Гизо полагал, что в истории человечества не было ни одной случайной или бессмысленной эпохи, не было ничего излишнего: чем был феодализм, тем он и должен был быть; то, что он сделал, он должен был сделать.

Для читателя того (и не только того) времени глубокая убежденность в том, что исторический процесс подчиняется закономерностям, а общество никогда не распадается прежде, чем в его недрах не создастся новое, была весьма привлекательна: «Приятно находиться на корабле в бурю, когда знаешь, что не погибнешь».

Гизо проявлял повышенный интерес к экономическим, имущественным отношениям, поскольку полагал, что изменения в материальной жизни, особенно приносимые революциями, мощно воздействуют на цивилизацию, ведут к консолидации классов. Гизо отмечал быстрый торговый расцвет Англии, рост количества новых земельных собственников из числа мелкого дворянства и буржуазии. Уже в начале XVII в. Палата лордов, т. е. высшее дворянство, была гораздо менее богатой, чем Палата общин. Одновременно происходили развитие промышленности с одновременным ростом буржуазии и крупнейшее перераспределение владений среди земельных собственников. Отсюда понятно, почему в этой стране центром всей политической борьбы стало соперничество за

господство между землевладельческой аристократией и буржуазией. Подобную дифференциацию классов Гизо усматривал и во Франции, где борьба между аристократией и третьим сословием наполняла всю ее историю.

Гизо признавал классовую борьбу. Но смысл всей эволюции между XII и XIX вв. он, как и другие историки периода Реставрации, видел в том, что классовая борьба постепенно уступает «сосуществованию на законной почве». В «Истории цивилизации в Европе» Гизо подчеркивал: в истории *«ни один из классов не мог победить или подчинить себе другие... Классы постоянно боролись и презирали друг друга... и тем не менее постепенно они сближались. Во Франции XVII – XVIII вв. социальное и моральное отчуждение классов было еще очень глубоким, однако нет никаких сомнений в том, что слияние с тех пор чрезвычайно ускорилось... возникла подлинная французская нация, которая не является каким-нибудь одним классом, но включает в себя все классы»*. В «Истории цивилизации во Франции» Гизо говорит об этом же: *«История Франции уже с XI в. обнаруживает тенденцию к объединению всех социальных элементов. Это основной факт истории французской цивилизации»*.

Подобную тенденцию Гизо усматривает и в истории Англии, которая, по его мнению, дает наиболее яркий образец того, как следует «щадить все интересы, все силы, примирять их». Т.е. отличительная черта английской истории заключается в том, что ни одна из борющихся сил не одерживает окончательной победы, но и не исчезает полностью. Основным инструментом постепенного сближения и даже слияния классов Гизо считал конституционную монархию, которая, по его мнению, является «великим мировым судьей». Чем дальше, тем больше именно она заставляет все элементы общества несмотря на их враждебность действовать совместно.

Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.

Немецкая буржуазно-либеральная гейдельбергская школа. Подъем общественного движения в Германии первой половины XIX в. привел к консолидации буржуазных течений в политике и идеологии, в т. ч. историографии. Центром либерализма в исторической науке стал Гейдельбергский университет. Работавшие здесь историки сохранили идейную связь с Просвещением, позитивно оценивали роль Французской революции конца XVIII в., видели функцию истории в воспитании людей в духе демократии и неприятия феодально-абсолютистских порядков.

Признанным главой Гейдельбергской исторической школы буржуазно-либерального направления был Фридрих Кристоф Шлоссер (1776–1861). Как ученый, он сформировался под влиянием идей Вольтера, немецких просветителей – Лессинга, Гердера. Свою главную задачу видел в создании истории человечества как единого целого. Ее он попытался решить в ряде трудов, в т. ч. многотомном издании «История XVIII и XIX вв. до падения Французской империи». Значительное место в ней отведено Французской революции, впервые в немецкой историографии показанную с позиций буржуазного либерализма. Создавая широкую панораму разложения общественного и государственного строя, падения нравов высших сословий дореволюционной Франции, Шлоссер приходит к выводу, что из этого состояния было лишь два исхода: либо окончательная гибель, подобно гибели Римской империи, либо революция. Необходимо было *«чтобы нация очистилась пламенем революции... и чтобы это пламя проникло во все старое дерево от корня до вершины»*. Революция, по мнению Шлоссера, *«даровала Франции равенство и другие благодеяния, за которые потомство вечно благославляло бы ее, если бы даже она кроме этого и не сделала ничего хорошего»*. Признавая в общей форме неизбежность и необходимость революционного насилия в борьбе с силами реакции (якобинцы *«спасли отечество, основали новый дух свободы и истребили с корнем все средневековое зло»*), Шлоссер осуждал вместе с тем с нравственной точки зрения не только отдельные акции революционного правительства, но и выступления народных масс. В своем подходе к выявлению причинно-следственных связей Шлоссер непомерно преувеличивал влияние просветительской литературы на общественное развитие. По Шлоссеру, сама Французская революция явилась результатом воздействия литературы на общество, тогда как сама она явилась отражением определенных общественных условий и лишь затем катализировала революционный процесс. Однако и при этом труд Шлоссера сыграл в свое время крупную роль в преодолении извращенного освещения революции, которое господствовало в тогдашней историографии.

Еще одной оставившей заметный след работой была 18-томная «Всемирная история для немецкого народа». Изложение материала доведено в ней до 1815 г. Шлоссер стремился дать историю всех времен и народов в противовес восторжествовавшему в то время узкому национализму

большинства немецких историков. В этой связи он решительно выступил против ограничения рамок всемирной истории преимущественно романо-германскими народами, что было присуще творчеству Ранке и его последователей.

Шлоссер протестовал против деспотизма и произвола немецких государей, но полагал, что в Германии путь к свободе и прогрессу через революцию неосуществим и нежелателен, т. к. сам народ представлял собой темную и невежественную массу. Поэтому он призывал добиваться нравственного самоусовершенствования и изменения «злой природы человека» путем распространения просвещения под руководством просвещенного монарха.

Сам объем «Всемирной истории» обусловил широту исторического материала, поданного с позиций сочувствия к слабым и угнетенным, непримиримого отношения к любым формам насилия, тирании, преступлениям власти, какими бы «государственными соображениями» они ни были вызваны.

Из историков Гейдельбергской школы наиболее близок к Шлоссеру Вильгельм Циммерман (1807–1878). Его главный труд – книга «История крестьянской войны в Германии». Использование огромного массива документального материала позволило Циммерману дать исключительно подробную картину крестьянской войны 1524–1525 гг. Основная концепция Циммермана сводилась к тому, что крестьянское восстание вызвал тяготевший над народом гнет, а Реформация была лишь дополнительным фактором. Циммерман дал высокую оценку Мюнцеру, подверг критике непоследовательность Лютера и его переход в лагерь реакции. Циммерман определил губительную для Германии Тридцатилетнюю войну как естественное следствие поражения народного движения.

Циммерман был первым историком, отметившим принципиальное сходство между Германской революцией, каковой была крестьянская война, и последующими буржуазными революциями. Циммерман писал: *«Подобно вулканическим силам, которые после долгого спокойствия пробивают себе новые пути в стороне от места первого взрыва и порождают новые, совершенно особые явления, так и дух нового времени выразился в следующие разы уже не на германской почве. Его последующие взрывы происходили в стороне, но сначала поблизости от места катастрофы 1525 года, а именно в Нидерландах; затем последовал взрыв в Англии, потом в Северной Америке... Вскоре после совершился великий взрыв во Франции. Все они были совершенно не похожи друг на друга в политическом отношении. Но, несмотря на разницу в результатах их, в них были стороны почти совершенно одинаковые или, по крайней мере, весьма схожие. Это ясно из сравнения английской и французской революций с германской 1525 года».*

К этой мысли Циммерман вернулся еще раз: *«В движении 1525 года заключаются все явления позднейших социальных движений в Европе. Европейские революции не только начались им, но и отразились в нем все, всеми своими сторонами. Все явления, изменившие государства в течение*

следующих веков, а равно и те, которые готовят в наше время преобразование общества, имеют свои прообразы в движении 1525 года».

Собранный Циммерманом большой фактический материал использовал Ф. Энгельс в своей «Крестьянской войне в Германии», поскольку книга Циммермана являлась в то время «лучшей сводкой фактических данных».

Позитивизм. Со второй половины XIX в. в науке как в естествознании, так и в обществоведении утверждается философия позитивизма, отражавшая идеологию либеральной буржуазии. Впервые ее идеи были сформулированы социалистом-утопистом Сен-Симоном, а затем переосмыслены его учеником Огюстом Контом (1798–1877). Именно Конт явился основоположником новой отрасли общественного познания – социологии. Соотношение социологии и истории, по Конту, состоит в том, что социология – обобщающая, теоретическая наука, задача которой открывать законы, позволяющие прогнозировать развитие и управлять людьми. История же – описательная, конкретная наука, призванная дать описание и объяснение конкретных явлений, локализованных в пространстве и времени.

Философия позитивизма проникнута убеждением в могуществе «разума и позитивной науки». Она противопоставляет научное, в своем понимании, мировоззрение теолого-метафизическому.

В чем сущность этого противопоставления?

Исходный пункт теолого-метафизического мировоззрения состоит в признании дуализма видимого (наблюдаемого) тела и невидимой (ненаблюдаемой) души, обитающей в теле, приводящей его в движение и управляющей им. Всякая вещь в мире (человек, животное, растение, камень) имеет видимое тело и невидимую душу. Мир в целом тоже имеет видимое тело (материя или природа) и душу. Эта мировая душа (мировой разум, мировая воля, бог) есть активное творческое начало, источник движения и гармонии (порядка, разума).

Такому дуализму (души и тела, бога и мира) соответствуют и различные методы познания. Природу человек изучает посредством экспериментов и наблюдений. Мир внеприродный (мировой разум, мировая воля и т. п.) эмпирическому, опытному познанию недоступен. Он объект особого, внеэмпирического, знания, достигаемого путем интуиции, откровения. Эти знания и есть метафизика, открывающаяся умственному взору философа – априорного исследователя всего сущего. Теолого-метафизическому мировоззрению присущ иррационализм, готовность принять в качестве истинных явно абсурдные утверждения, если они касаются сверхприродного мира: существуют «истины веры», недоступные человеческому разумению. Сталкиваясь с ними, рассудок должен умолкнуть, и человеку надлежит верить, не понимая предмета веры.

Антагонистом такого теолого-метафизического мирозерцания является научный, с точки зрения позитивизма, взгляд на мир. Главный его признак: источником познания являются ощущения, опыт, отрицание всех сверх- или противоразумных истин. Отсюда вытекает, что из исторической науки следует изгнать разного рода иррациональные, мистические

«сущности», или «силы», определяемые понятиями «судьба» – у древних греков, «бог» – в христианском мире, «дух времени» – у Вольтера, «народный дух» – у Савиньи, «мировой дух» – у Гегеля, «душа культуры» – у Шпенглера.

Для позитивистов единственная реальность, о которой можно говорить, – это мир наблюдаемых явлений. Но любая совокупность единичных наблюдений и экспериментов неизбежно фрагментарна. Объединяющим началом является ум человека. Он вносит порядок, систему, гармонию в сумму эмпирических данных. Но это возможно лишь путем открытия и использования т. н. теоретических законов. Они не что иное, как субъективное изобретение, плод творчества разума. Чтобы объяснить происходящее, надо подвести единичное явление под общий закон. В развитии общества такими законами являются:

Закон целостности, или гармонии (консенсуса): все части системы должны работать согласованно, чтобы обеспечить сохранение целого. Следствие этого фундаментального принципа – ряд законов соответствия, например, закон соответствия между учреждениями и соответствующим состоянием цивилизации. Конт следующим образом формулирует этот закон: *«Не только политические учреждения, с одной стороны, нравы и идеи, с другой, всегда гармонируют между собой, они еще связаны с соответствующим состоянием интеллектуального, морального и физического развития человека».*

Закон постоянной смены состояний человечества. Он состоит в том, что при сравнении развития различных, не зависящих друг от друга народов обнаруживается последовательная смена одних и тех же фаз. На скорость развития и способ возникновения тех или иных состояний общества могут влиять различные факторы: экономический, географический, расовый, демографический, политический, идеологический и т. п. Но они не могут вызвать каких-либо перемен в порядке развития и тем более заставить миновать какое-либо более или менее важное состояние.

Что касается самих этих фаз, или состояний человечества, то их организацию определяет духовная сфера, ибо, по Конту, идеи правят миром и преобразуют мир. В соответствии с этим содержание общественного развития представляет собой последовательную смену трех форм коллективного сознания: теологического, метафизического, позитивного (научного). *На теологической стадии* духовного развития человек объясняет все явления вмешательством сверхъестественных сил: богов, духов, душ, ангелов и т. п. *Для метафизической стадии* характерно объяснение явлений мира путем обращения к неким мнимым первосущностям (некоторые из них назывались выше). *Позитивной стадии* присуще стремление человечества познать сущность всех вещей через накопление положительных, т. е. научных, знаний. На этой основе Конт предлагал свою периодизацию человеческой истории.

Теологическая стадия, охватывающая период до 1300 г., включает три этапа. Это – век фетишизма, или первая теологическая эпоха; век политеизма (Древний Восток, Греция, Рим); век монотеизма (Средние века).

Метафизическая стадия включает 1300–1800 гг., когда происходит разложение традиционных верований и общественного порядка в результате Реформации, Просвещения, Революции.

Научно-промышленная система (после 1789 года) соответствует позитивной (научной) стадии человеческого мышления. Она является последней и высшей ступенью истории человеческого общества. В нем господство должно принадлежать тем классам, слоям, группам, деятельность которых требует использования высших способностей. Поэтому в основании социальной иерархии у Конта – рабочие, затем сельские хозяева, фабриканты. Выше располагаются представители более сложной деятельности, связанной с обменом: коммерсанты, банкиры. В обществе светская власть должна принадлежать буржуазии под главенством банкиров, духовная – ученым во главе с философами. Итогом общественного развития должно стать объединение народов мира во Всемирную федерацию.

Такова интерпретация Контом концепции позитивизма. Исходя из ее постулатов, историческая наука должна исследовать развитие человеческого общества на базе исторических законов, подобных законам естественного мира. Задачей исторической науки является выяснение путем собирания фактов, как устроена социальная система, т. е. какова ее анатомия, как она работает, т. е. какова ее физиология, посредством каких методов обеспечивается ее устойчивость. При этом, по Конту, необходимо перенести центр тяжести в исследовании с единичного, конкретного, «биографий великих людей» на «биографии массы», на историю без имен людей и даже без имен народов. Другими словами, следует выявлять коллективное сознание, мотивы действий, настроения народных масс, изучать то, что проявляется в массовых явлениях, поддается статистическим исследованиям.

Позитивистские идеи во второй половине XIX в. оказали сильное воздействие на развитие исторической науки. Позитивизм расшатывал утвердившиеся умозрительные концепции, подрывал позиции провиденциализма и других идеалистических истолкований исторического процесса. Он стимулировал поиск новых источников, их публикацию и анализ, способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин. В ряду историков-позитивистов выдающееся место занял Бокль.

Под влиянием позитивизма расширился диапазон исторических исследований. Огромная заслуга в разработке новых подходов исторической науки к исследованию природы цивилизаций принадлежит английскому ученому Генри Боклю (1821–1862). Крупное наследство освободило его от материальных забот и позволило всего себя отдать служению науке. Занятия историей привели Бокля к убеждению о хаотичности исторических знаний: *«печальная особенность истории человека заключается в том, что хотя ее отдельные части рассмотрены с значительным умением, но едва ли кто пытался слить их в одно целое и привести в известность существующую*

между ними связь». Это происходит оттого, что «историки, как корпорация, никогда не признавали необходимости такого обширного предварительного изучения, которое давало бы им возможность охватить свой предмет во всей целостности его естественных отношений. Отсюда странное явление, что один историк – невежда в политической экономии, другой не имеет понятия о праве, третий ничего не знает о делах церковных и переменах в убеждениях, четвертый пренебрегает философией статистики, пятый – естественными науками, между тем как эти предметы имеют самую существенную важность в том отношении, что они объемлют главные обстоятельства, которые имели влияние на нрав и характер человечества и в которых проявляются этот нрав и этот характер. Эти важные предметы, будучи разрабатываемы один одним, другой другим человеком, скорее разъединялись, чем соединялись; помощь, которую могли бы оказать аналогия и взаимное уяснение одного предмета другим, терялись, и не было видно ни малейшего побуждения сосредоточить все эти предметы в истории, которой, собственно говоря, они составляют необходимые элементы». Задавшись целью упорядочить и соединить воедино разрозненные факты и целые пласты истории, придать исторической науке систематизированный облик, открыть законы исторического развития, Бокль вознамерился создать 15-томное исследование по истории мировых цивилизаций. Он провел огромную подготовительную работу: изучил различные разделы естествознания, право, труды предшественников-историков, овладел 19 языками. Лишь ранняя смерть помешала исполнить задуманное в полном объеме. В историографии остался лишь два тома запланированного труда – «История цивилизации в Англии», который, однако, раскрывает взгляды Бокля на философию истории, показывает состояние историографии, характеризует важнейшие стороны истории Англии и Франции. Эта книга была переведена на все европейские языки и получила всемирную известность.

Бокль верил, что общество в своем развитии подлежит действию определенных законов и надеялся, открыв эти законы, сделать историю точной наукой. Наличие общих как для Англии, так и для других стран закономерностей ученый выводил из гипотезы о единстве человеческого общества и природного мира. Бокль исходил из мысли, что человек является частью природы и поэтому он сам и все общество в целом должны следовать законам природы. По его убеждению, следовало лишь найти инструментарий, позволяющий перенести в обществоведение приемы и методы естественных наук. Для Бокля таким мостом между науками о природе и науками об обществе стала статистика. Только количественные данные могут свидетельствовать, являются ли общественные процессы результатом действия точных законов или каждый человек и общество в целом действуют под влиянием случая и произвольных обстоятельств. Если «случай и произвол» главенствуют, то история, по Боклю, не может быть наукой. Однако Бокль исходит из иного постулата: *«мы приходим к заключению, что действия людей, завися только от предшествующих*

причин, должны иметь известный отпечаток однообразия, т. е. должны при совершенно одинаковых условиях иметь совершенно одинаковый исход». Это «однообразие» может быть установлено лишь с помощью статистики. Опираясь на нее и используя ее данные, можно прийти к важным выводам. Бокль приводит следующий аргумент. «Даже число ежегодно заключаемых браков зависит не от характера и желания отдельных лиц, а от главных, общих фактов, на которые лица эти не могут иметь никакого влияния. Теперь уже известно, что браки имеют постоянное и определенное отношение к цене на хлеб; а в Англии опыт целого столетия доказал, что браки, вместо того чтобы находиться в какой-нибудь связи с личными чувствованиями, зависят просто от среднего размера заработков в массе народа; так что это важное общественное и религиозное учреждение находится не только в связи с ценами на хлеб и размером здельной платы, но и в полной от них зависимости». Разумеется, такой подход диктует необходимость перенесения центра тяжести исторического исследования с биографии личности на изучение с использованием математического аппарата всей массы народа. Только в этом случае история сможет определить пути общественного развития.

Сама же организация общества и уровень развития цивилизаций на ранних стадиях развития, как полагал Бокль, находились в зависимости от природной среды, которая обуславливала большее или меньшее производство продуктов потребления. В этой связи одним из важных факторов развития цивилизаций в Европе, Азии, Африки и Южной Америки был климат. В странах с жарким климатом люди менее способны к энергичным и деятельным занятиям. У жителей стран с холодным климатом развивался более смелый и предприимчивый характер, чем у тех народов, пища которых добывалась легко и доставалась от щедрот природы даром, без всякого труда. Климат не только расслаблял или укреплял трудовой потенциал работающих, но и влиял на образ жизни.

При всем влиянии климата, решающим условием развития цивилизации в Азии, Африке и Южной Америке, по Боклю, все же являлось плодородие почвы, которое являлось главным условием роста материальных ресурсов. В древнем мире дикие кочующие племена всегда оставались в бедности пока заселяли бесплодные почвы. Те же татарские и монгольские орды основывали в разные времена великие монархии в Китае, Индии и Персии и во всех случаях достигали цивилизации уровня самых цветущих из древних государств. Т.е. цивилизация всегда ограничивалась тем пространством, где плодородная почва обеспечивала человеку ту степень богатства, без которой не может начаться умственное развитие. Но европейская цивилизация, в отличие от азиатских и африканских, на своих первых ступенях находилась в большей зависимости не от почвы, а от климата, вследствие чего обнаружила способность к развитию, неслыханную в цивилизациях, возникших под влиянием почвы. Ибо производительная сила земли была ограничена и неподвижна, а силы человека неограниченны в силу его способности увеличивать производительность труда.

Кроме климата и почвы, на состояние цивилизации воздействовали объем и характер пищи. Жители жарких стран в нормальном состоянии потребляли меньше пищи, чем жители стран холодных. Необходимость меньшего количества пищи при равенстве других условий обеспечивала в жарких странах более быстрое приращение населения. В холодных странах добывание пищи требовало большей затраты труда, а между тем сама она требовалась в большем количестве, так что там меньше поощрялось приращение рабочих рук. Сообразно с состоянием запаса пищи изменялось народонаселение, увеличиваясь, когда она обильна, и оставаясь без изменения или уменьшаясь, когда она скудна.

Большой или меньший рост народонаселения имел то значение, что именно он определял пропорцию распределения произведенного совокупного продукта. Накопленное богатство, отмечал Бокль, распределяется между двумя классами: трудящимися и нетрудящимися, т.е. теми, кто дает работу. Высшие классы при этом непомерно богаты, а низшие жалко бедны. К тому же всякое увеличение числа работников сверх потребности в них приводило к уменьшению среднего вознаграждения, приходящегося на долю каждого. В Азии, Африке и Америке, где чрезмерное изобилие пищи благоприятствовало увеличению населения, заработная плата была очень низка, и как следствие, трудящиеся классы находились в самом приниженном состоянии. Огромное большинство народа, угнетенное жесточайшей бедностью, всегда оставалось в состоянии унижения и покорности, проявляло способность только к тому, чтобы или самим быть рабами, или служить на войне орудием порабощения других. В Европе же цивилизация впервые возникла в более холодном климате, что обусловило более медленный рост населения, устойчивый спрос на рабочую силу и повышение в связи с этим вознаграждения за труд, а, следовательно, и более равномерное распределение богатства.

В самых цветущих странах вне Европы природные факторы (климат, почва, пища), содействуя накоплению богатства, в то же время препятствовали справедливому распределению его. Это привело к упрочению монополии на богатство за высшими сословиями. Результатом было то, что во всех этих цивилизациях огромное большинство нации не пользовалось одним из важнейших элементов общественного и политического движения вперед, отчего основание прогресса было слишком узко, а самый прогресс оказывался весьма шатким. Когда явились извне неблагоприятные обстоятельства, вся система пала. Общество, заключавшее в себе враждебные существованию его элементы, не могло устоять. Собственное ослабление древних цивилизаций содействовало успеху иноземных завоевателей и сделало неизбежным падение древних царств.

Формулируя общий вывод относительно роли географической среды, Бокль подчеркивал: *«...сила этих законов так непреодолима, что везде, где только проявилось их действие, они держали производительные классы в постоянном подчинении. Нет примера в истории, чтобы в какой-нибудь тропической стране, при значительном накоплении богатства, народ*

избежал такой судьбы; нет примера, чтобы вследствие жаркого климата не оказалось избытка пищи, а вследствие избытка пищи – неравномерного распределения сперва богатства, а за ним – и политического, и общественного влияния. В нациях, подчиненных этим условиям, народ считался ничем; он не имел никакого голоса в государственном управлении, никакого контроля над богатством, плодом его же трудолюбия. Единственным делом его было трудиться, единственной обязанностью – повиноваться... В этих богатых и плодородных странах много было перемен, но все они начинались сверху, а не снизу. Демократического элемента в них решительно не доставало. Было множество войн царей и войн династий, были перевороты в правительстве, перевороты во дворце, перевороты на троне, но их вовсе не было в народе; не было никакого облегчения той тяжелой доли, которую он терпел скорее от природы, чем от человека. Только с зарождением цивилизации в Европе возымели действие другие законы, а следовательно, стали сказываться и другие результаты. В Европе был сделан первый шаг к уравниванию прав, впервые обнаружилось стремление к ограничению той несоразмерности в распределении богатства и влияния, которая составляла существенно слабую сторону величайших из древних государств. Естественно, что в Европе возникло и все, что достойно имени цивилизации, что только там сделаны были попытки удержать равновесие ее соответствующих частей. Только там образовалось общество по плану, конечно еще не довольно обширному, но все-таки настолько широкому, чтобы вместить все различные классы, из которых оно составляется, и чтобы, давая таким образом простор развитию частей, обеспечить прочность и преуспевание целого».

Сформулированная Боклем концепция развития общества сводится, таким образом, к следующим главным положениям. Во всех неевропейских цивилизациях силы природы имели несравненно большее влияние, чем в европейских. Отсюда вытекает, что вне Европы преобладающим направлением было подчинение человека природе, а в Европе – подчинение природы человеку. Но везде, где силы природы доминировали, цивилизация народа развивалась неправильно, и прогресс ее останавливался. В Европе же искусство и энергия человека смогли покорить силы природы и восполнить ее недостатки – нашествие моря, как это было в Голландии, отражено, горы прорезаны ровными дорогами, бесплодные почвы благодаря успехам химии стали плодородными, голод предотвращен, страшные болезни преодолены. Из этого следует, что прогресс европейской цивилизации характеризуется уменьшением влияния физических законов и усилением влияния законов умственных. Средства, которыми располагает человеческий ум, стали сильнее, сделались способными преодолевать негативные воздействия внешнего природного мира. Отсюда вытекает заключение: если мерой цивилизации служит торжество ума над внешними, материальными факторами, то становится очевидным, что для развития цивилизации важнее прогресс знаний, чем состояние географической среды. Европа переходом от варварства к цивилизации обязана исключительно умственной деятельности.

С точки зрения Бокля, прогресс знаний, или, говоря его словами, «умственный прогресс», вместе с нравственным прогрессом, вместе взятые, составляют духовный прогресс цивилизации. При этом умственное начало гораздо, сильнее, динамичнее и эффективнее нравственного. Бокль объясняет это тем, что все великие нравственные системы, оказавшие большое влияние на человечество, представляли в сущности неподвижные нравственные истины. Делать добро другим, жертвовать для их пользы своими собственными желаниями, любить ближнего, как самого себя, прощать врагам, обуздывать свои страсти, чтить родителей, уважать тех, кто поставлен над нами, и несколько других догматов – в этом заключается вся сущность нравственности. Другими словами, в ряду правил, определявших нравственный образ действия, как полагал Бокль, самые просвещенные европейцы не знают ни одного такого, которое не было известно древним. Что же касается деятельности ума, то люди позднейших времен не только сделали значительные приобретения по всем отраслям знания, какие пытались изучать еще в древности, но и совершили решительный переворот в старых методах исследования и создали такие науки, о которых и самый смелый мыслитель древности не имел ни малейшего понятия. Ввиду этого перемены в цивилизации, по утверждению Бокля, зависят от суммы знаний, приобретенных самыми развитыми людьми, от направления, в котором развиваются эти знания и, более всего, от того, в какой мере и с какой свободой эти знания проникают во все классы общества.

Бокль полагал, что *«важность истории какой-либо страны зависит не от блистательности встречающихся в ней подвигов, но от того, в какой степени действия народа проистекали из заключающихся в нем самом причин»*. Этим утверждением Бокль подчеркивал идею о том, что успехи цивилизации определяются объективными законами. В наиболее завершенном и естественном виде это проявилось в истории Англии, которая, в глазах Бокля, более всего являла пример нормального и самобытного развития с наименьшим иностранным вмешательством и воздействием власти правительства. *«В Англии долее, чем в каком-либо из европейских государств, правительство оставалось совершенно спокойным, между тем как народ был в высшей степени деятелен; в Англии свобода нации установилась на самом широком основании: там каждый человек имеет полную возможность говорить что думает и делать что хочет; всякий следует своему образу мыслей и открыто распространяет свои мнения; так как в Англии почти не знают преследований за религию, то в этой стране можно ясно видеть развитие человеческого ума, не стесненное теми преградами, которые ограничивают его в других странах. В этой стране открытое исповедание ереси наименее опасно, и отступление от господствующей церкви наиболее обыкновенно; убеждения, враждебные одно другому, процветают рядом и возникают и падают беспрепятственно, согласно с потребностями народа, не подчиняясь желаниям церкви и не подвергаясь контролю государственной власти; все интересы и все классы, как духовные, так и светские, там более, чем где-либо, представлены самим*

себе; там впервые подверглось нападению учение о вмешательстве, называемое покровительственной системой; там только и была уничтожена эта система, – одним словом, в одной Англии умели избежать тех опасных крайностей, до которых доводит вмешательство, вследствие чего и деспотизм, и восстания там одинаково редки; а как притом признана основанием политики система уступок, то ход народного прогресса в Англии наименее был нарушаем могуществом привилегированных сословий, влиянием особых сект или насильственными действиями самовластных правителей». История Англии в интерпретации Бокля представляла собой эталон реализации общих закономерностей, пригодный и для других стран.

Баденская школа. У позитивистов признание закономерности в истории исчерпывалось представлением о всеобщих социологических законах, не оставлявших места для обобщений на каком-либо ином уровне. В то же время вновь появившиеся труды по социально-экономической истории, политическому развитию вводили в научный оборот колоссальное число новых фактов, которые свидетельствовали о сложности и противоречивости исторического процесса. Эти факты не укладывались в методологическую концепцию позитивизма. Позитивистский взгляд, согласно которому исторический процесс представлялся в виде прямолинейного прогрессивного движения, оказалась не в состоянии объяснить всю выявленную историками многообразность жизни человеческих обществ. Столкнувшись, например, с явлением замедленного исторического развития, которое сменяется революционными скачками, позитивистская методология оказалась не в состоянии объяснить этот феномен. В методологии истории резко обозначились антипозитивистские тенденции. Выразителем одной из них стала т. н. Баденская школа, лидерами которой были Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) и Генрих Риккерт (1863–1936). Основные идеи Баденской школы сформулировал Виндельбанд в сборнике под названием «Прелюдии», затем в ряде трудов их систематизировал Риккерт.

Один из основополагающих принципов Баденской школы состоит в признании принципиального различия между двумя типами наук – науками о природе и исторической наукой. Раскрывая сущность этого различия, Риккерт привел следующий пример. Знаменитый естествоиспытатель Карл Эрнст Бэр сравнил развитие цыпленка в яйце «с римскими папами XVI – XVII столетий Ранке» (имеется в виду книга Л. Ранке «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII вв.») В одном случае невообразимое количество объектов подведено под систему общих понятий, цель которой выразить то, что всегда повторяется заново. В другом случае, наоборот, изображается ряд событий, понтификат каждого папы, причем каждое из этих событий обладает своей индивидуальностью, хотя бы потому, что никогда не бывало раньше.

Из указанного различия вытекает необходимость установить для естествознания и общественных наук различные методы исследования. Интерес естествоиспытателя, согласно Риккерту, всегда направлен на общее. Его цель – по возможности точно сформулировать законы природы. В

явлениях действительности естествоиспытатель стремится найти и выделить общее им всем и подвести это общее под одно понятие, т. е. он исходит из постулата: «наука есть знание об общем».

Но, как утверждают Виндельбанд и Риккерт, есть и совершенно другой тип наук. Риккерт объединяет их иногда под общим названием «история», иногда говорит о них как о науках о культуре. Во всяком случае, он имеет в виду общественные науки. Им присущ совершенно иной метод исследования. Интерес историка всегда направлен на единичное, неповторимое, не подводимое под общее понятие. Историк усматривает в действительности и выделяет из нее не общее, а индивидуальный факт, отдельное событие. Если естествознание охватывает в своих понятиях множество, подчас необозримое количество, процессов, то у исторической науки подход иной. Она стремится свести изложение к единственному, отличному от всех других объекту, который она исследует, будь это личность, целое столетие, социальное или религиозное движение, народ или что-либо иное. В связи с этим Виндельбанд и Риккерт противопоставляли генерализирующему методу естествознания индивидуализирующий метод истории как направленный на изображение единичного и особенного. Виндельбанд назвал его «идеографическим». Сама историческая наука призвана заниматься описанием одних лишь индивидуальных, неповторяющихся явлений и не способна устанавливать законы развития.

Но означает ли выведение из сферы исторической науки всего, что составляет общее, а следовательно, и выявление закономерностей, возврат к летописанию, хронике событий. Очевидно, нет.

Во-первых, всегда важнейшей задачей историка являлась реконструкция исторических фактов в их конкретности. В этом апологеты Баденской школы ничем не отличались от представителей других исторических направлений.

Во-вторых, с точки зрения Баденской школы, интерес для историка представляет не каждое индивидуальное явление только потому, что оно единично. Не все, что «имело место в прошлом», должно являться объектом исследования. Если, к примеру, переход Цезаря через Рубикон есть, безусловно, историческое событие, то переход через реку стада коров таковым не сочтет никто. Чтобы то или иное событие или отрезок времени были признаны «историческими», следует ассоциировать его с чем-то важным, иметь отношение к т. н. «ценностям». Категория «ценность» представляет собой одно из наиболее общих и абстрактных понятий, выражающее идею о том, что воспринимается как положительное, считается необходимым, важным, имеющем значение для жизни людей, то, к чему следует стремиться, чего надо желать. В понимании Баденской школы на вершине иерархии ценностей – ценности религиозные, нация, государство, общество, культура в самой широкой трактовке. Риккерт в этой связи отмечает: *«Религия, церковь, право, государство, нравственность, наука, язык, литература, искусство, хозяйство, а также необходимые для его функционирования технические средства являются, во всяком случае на*

определенной ступени своего развития, объектами культуры или культурными благами в том смысле, что связанная с ними ценность или признается значимой всеми членами общества, или ее признание предполагается». Все это, видимо, в самом подходе не может вызвать возражений, поскольку историк любого направления для исследования обязан отбирать значительные события и существенные моменты в истории.

В третьих, целью исторической науки, по Риккерт, *«всегда является изображение единичного, более или менее обширного хода развития во всей его единственности и индивидуальности»*. Т. е. «единичным» является, не лишним будет подчеркнуть, не только единичный факт или событие, отнесенные к категории ценностей, но и «обширный ход развития», другими словами, сам исторический процесс, разворачивающийся на значительных пространствах и протяженный по времени.

Наконец, в четвертых, историки Баденской школы отнюдь не отрицают возможность применения такого же генерализирующего метода, как в естествознании, однако полагают, что с ним имеет дело не история, а социология, которая к истории никакого отношения не имеет. Риккерт утверждает: *«понятие исторической науки и науки, формулирующей законы, взаимно исключают друг друга»* и далее: *«какой бы ценностью ни обладала сама по себе социология как наука, формулирующая законы, она может, правда, доставлять истории вспомогательные понятия для исследования ею причинных связей, но она совсем не может заменить философию истории»*.

Баденская школа оказала значительное воздействие на историографию, а учение о ценностях выросло в особую философскую дисциплину – аксиологию.

Возникновение и развитие марксистской историографии

К концу XIX в. относится возникновение марксистской историографии. Активно данное направление развивалось в Германии. Среди его представителей видные деятели немецкой социал-демократии Август Бебель, Франц Меринг, Карл Каутский и др.

Август Бебель (1840–1913) родился в бедной семье прусского унтер-офицера, рано лишился родителей, прошел путь ремесленного подмастерья, овладел профессией токаря. В 1866 г. включился в деятельность I Интернационала. С 1867 г. депутат Северо-Германского, а с 1871 г. – германского Рейхстага, оставался им (с кратким перерывом) до конца своих дней. В 1869 г. вместе с В. Либкнехтом основал Социал-демократическую рабочую партию (эйзенахцев). Он один из основателей и руководителей II Интернационала, много сделавший для распространения идей марксизма и выработки революционного курса международного социалистического движения в период до революции 1905–1907 гг. в России. Около пяти лет своей жизни Бебель провел в тюрьмах по обвинению в «государственной измене» либо «оскорблении его величества». Как мыслитель и политический деятель марксистского типа снискал широкое международное признание.

Круг научных интересов Бебеля необычайно широк и разнообразен, а литературное наследие огромно: только с 1863 по 1890 г. он опубликовал 1163 книги, брошюры, статьи, речи, рецензии.

Значительное место в творчестве Бебеля занимали вопросы религии и религиозных учреждений в плане выявления их роли в классовой борьбе. Актуальность этой проблемы определялась тем, что в 70–80-х гг. XIX в. религиозный вопрос в Германии стоял достаточно остро в связи с политикой т. н. культуркампа, оживлением идеологической деятельности католической и протестантской церквей, которые претендовали на решение «рабочего и социального вопроса» в духе социального реформизма, облаченного в религиозные формы.

Бебель посвятил этой проблематике многочисленные труды. В книге «Христианство и социализм» (1874 г.) он сформулировал марксистское видение социально-политических и мировоззренческих основ католицизма и, развенчивая их, стремился обеспечить идеологическое размежевание социал-демократической партии с религией и церковью. Вместе с тем, проводя четкую грань между социал-демократией и религией, Бебель обращал внимание на то, что социалистическое движение не отвергает верующих: *«католический народ принадлежит нам, и мы надеемся, что наступит еще день, когда у него откроются глаза, чтобы взглянуть в нашу сторону»*. Труд Бебеля сыграл заметную роль в выработке марксистского курса по отношению к религии и церкви, ее тактики в работе с трудящимися, не порвавшими с ними.

Монография «Крестьянские войны в Германии» (1876 г.) явилась прямым развитием исторических взглядов и концепций Маркса и Энгельса. В противовес идеалистической историографии Бебель подчеркивал в своем

труде, что вся политическая и идеологическая история должна выводиться из *«общественных и особенно экономических отношений людей в различные исторические периоды»*. По его мнению, именно экономическое развитие *«определяет социальное расслоение и соответствующие ему формы государства и религии»*. Поэтому Бебель ставил своей задачей *«обрисовать ход экономического развития классов, сыгравших свою роль в крестьянских войнах»*.

Наиболее полно мировоззренческие позиции Бебеля нашли отражение в наиболее известном теоретическом труде *«Женщина и социализм»* (1879 г.). В нем Бебель обратил внимание социалистического движения на неизученное тогда, но чрезвычайно важное явление в классовой борьбе пролетариата – на участие в ней женщин. Обратившись к исследованию положения женщины в различных общественно-экономических формациях, Бебель показал, что женщина сделалась рабой раньше, чем появился раб. Буржуазное общество, подчеркнул он, также оказалось не в состоянии устранить социально-экономическое неравенство, материальную зависимость, духовный гнет, испытываемые женщинами. Поэтому, убеждал Бебель, огромное большинство женщин живейшим образом заинтересовано, чтобы *«существующий государственный и общественный строй был коренным образом преобразован, чтобы было устранено как рабство наемного труда, от которого больше всего страдает женский пролетариат, так и половое рабство, неразрывно связанное с нашими имущественными и производственными отношениями»*. Освобождение женщин, полагал Бебель, связано с классовой борьбой пролетариата, а одним из критериев социализма является полное равноправие и свобода женщин в обществе. Труд Бебеля дал важный импульс для развертывания пролетарского женского движения в Германии, а затем сплочения его на международной арене.

Франц Меринг (1846–1919) – видный марксист, активный деятель международного рабочего движения и левого крыла немецкой социал-демократии, один из организаторов КППГ.

В 70–80-х гг. XIX в. Меринг разделял буржуазно-либеральные взгляды, но затем эволюционировал в сторону сближения с социал-демократией. В 1891 г. он стал сотрудником теоретического журнала немецкой социал-демократией *«Новое время»*. В дальнейшем Меринг всегда был в числе представителей революционного крыла немецкой социал-демократии, боролся против ревизионизма, проводил в партии огромную теоретическую работу в области философии, истории и литературной критики.

В книге *«Легенда о Лессинге»* Меринг, детально исследовав историю Бранденбургско-Прусского государства вплоть до конца XVIII в., подверг критике созданную дворянско-юнкерскими и буржуазными историками (Трейчке, Зибелем, Дройзеном, Онкеном и др.), монархически-националистическую легенду об особой роли, великой миссии Пруссии и династии Гогенцоллернов в истории, национальном, социальном и культурном развитии Германии. Исходя из принципов материалистического

понимания истории, Меринг утверждал, что процесс национального объединения Германии был обусловлен не волей и деяниями прусских монархов, но потребностями капиталистического развития. Точно так же внутренняя и внешняя политика страны имела свою основу не в желаниях правителей, а в социально-экономических условиях. Анализ происхождения, развития и экономической базы Бранденбургско-Прусской монархии позволил Мерингу выявить его классовую сущность как государства юнкерского, крепостнического, милитаристского. Эта оценка противостояла позиции юнкерской и той части буржуазной историографии, которая изображала прусское государство надклассовым.

В «Легенде о Лессинге» Меринг исследовал не только социально-экономическую и политическую историю Германии, но и культуру времени немецкого Просвещения. Литературу и искусство он рассматривал с точки зрения их активной общественной роли. В эпоху Просвещения, подчеркивал Меринг, область искусства была для немецкой буржуазии единственным полем борьбы. Это особенно проявилось в творчестве выдающегося немецкого просветителя Лессинга, произведения которого оказали огромное воздействие на общественное сознание.

В рассматриваемом труде Меринг поставил вопрос об отношении рабочего класса к культурному наследию. По его мнению, буржуазия, уже не будучи прогрессивным классом, пренебрегла «духовной работой своих передовых борцов» и отказалась от ценностей немецкой классической литературы. Поэтому воспринять достижения культуры должен рабочий класс, которому это наследие созвучно и дорого своим гуманистическим и социально-критическим пафосом.

Многочисленны военно-исторические работы Меринга, относящиеся к Нидерландской революции, войнам Пруссии в XVIII в., а в XIX в. – к борьбе против Наполеона. Новаторская разработка многих проблем военной истории снискала Мерингу авторитет и в этой области научных исследований.

С именем Меринга связаны крупные достижения в области исследования марксизма и рабочего движения в Германии. В фундаментальной четырехтомной «Истории германской социал-демократии» собран обширный материал, характеризующий марксизм и немецкое рабочее движение начиная с 30-х годов до Эрфуртского съезда 1891 г. В этом труде Меринг проанализировал процесс формирования взглядов Маркса и Энгельса, показал их теоретическую и революционную деятельность, роль в «Союзе коммунистов», тактику в революции 1848–1849 гг. Вместе с тем Меринг положительно отнесся к деятельности Ф. Лассалья, что явно противоречило оценкам Маркса и Энгельса и позднейшей марксистской историографии.

Велика роль Меринга в публикации произведений основоположников марксизма. Он собрал, прокомментировал и в 1902 г. издал четырехтомник «Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассалья». В 3-х томах были помещены произведения Маркса и Энгельса, в 4-м – письма Лассалья Марксу и Энгельсу. В этом собрании

трудов нашли место большое число неизвестных ранее материалов и забытых статей классиков марксизма. Подготовку этого сборника Лассаль рассматривал как предварительный этап к изданию в будущем полного собрания сочинений Маркса и Энгельса.

Исследования Меринга в области истории марксизма позволили ему создать биографический труд «Карл Маркс. История его жизни», изданный в 1918 г. Это была первая полная научная биография Маркса, явившаяся образцом для позднейшей марксистской биографической литературы о Марксе и во многих отношениях не утратившая своей ценности до нашего времени.

Карл Каутский (1854–1938) родился в Праге, отец – чех, работал театральным декоратором; мать – немка, получила известность как писательница. С 1863 г. жил в Вене. В школе, по словам Каутского, его преследовали как чеха. Тем не менее окончил Венский университет. Парижская Коммуна пробудила в Каутском интерес и симпатии к рабочему движению. В 1874 г. он вступил в Социал-демократическую партию Австрии, в 1875 г. – в СДПГ.

В политической деятельности и научно-теоретической работе Каутского вычленяются три периода.

Первый, домарксистский, охватывает середину 70-х – начало 80-х гг. XIX в. В это время он был близок к лассальянским и анархистским взглядам.

Второй включает время с начала 80-х гг. по 1910 г., когда Каутский полностью разделял марксистские взгляды. Уже в 1880 г. он начал изучение трудов Маркса и Энгельса, в 1881 г. состоялось их личное знакомство. В 1882 г. Каутский становится редактором теоретического журнала немецких социал-демократов «Новое время». Он возглавлял этот журнал до 1917 г., когда в знак протеста против политики руководства СДПГ вышел из партии. Большой авторитет Каутский завоевал участием в подготовке марксистской программы, принятой в Эрфурте в 1891 г. Он написал теоретическую часть программы, а в 1892 г. составил обширный комментарий к ней. Эрфуртская программа явилась высшей точкой развития германской социал-демократии по марксистскому пути.

Третий период определяется границами 1910 – 1938 гг., т. е. от времени перехода на позиции центризма и до кончины в Амстердаме, куда он бежал от фашистов. Деятельность и творчество Каутского в эти годы советская историография оценивала резко отрицательно, как сплошную цепь ошибок и прямых выступлений против марксизма. Такое отношение к Каутскому определялось его центризмом до Первой мировой войны и оценкой этой войны как оборонительной, ведущейся ради защиты отечества. Более того, Каутский противопоставлял опыт Октябрьской революции практике западноевропейского пролетариата, расценивал ее лишь как эпизод в истории одной страны. Он утверждал, что диктатура большевиков была приспособлена к тогдашнему образу жизни русского народа, но не народов западной цивилизации. В 1930 г. Каутский издал книгу «Большевики в тупике», в которой призывал к ликвидации Советской власти, реставрации в

СССР буржуазно-демократического строя. Он утверждал: *«Убрать большевизм с дороги и заменить его демократией – значит открыть путь к расцвету не только России, но и всей Европы»*. В то же время безграничная вера в парламентскую демократию обернулась у Каутского отказом от активной борьбы против фашизма, отрицанием необходимости создания единого антифашистского фронта социал-демократов и коммунистов. В конце 20-х гг. Каутский утверждал, что в Германии угроза фашистского господства нереальна и считал фашистов лишь деклассированными элементами. Всего за четыре года до утверждения фашистской диктатуры он заявлял, что в одной индустриально развитой стране невозможно собрать такое число негодяев, которое было бы достаточно для захвата власти. В этом он жестоко просчитался.

Теоретическое наследие Каутского обширно: он написал около 1800 книг, брошюр, статей. В историографическом плане вызывают интерес его работы по истории общественной мысли и социально-политической проблематике.

Тема истории социалистических учений нашла отражение в работе Каутского «Предшественники новейшего социализма». Одно из важных мест в ней занимает выявление истоков идеи равенства – центральной в концепциях утопического социализма и коммунизма. Каутского особенно интересует попытка ее реализации таборитами – революционным крылом гуситского движения XV в. Внимание Каутского привлекает провозглашение таборитами идеи, согласно которой в будущем все должно быть общим, и ни у кого не должно быть отдельной собственности по примеру города Табор, где нет «моего» и «твоего», но все общее. Когда же собственность у таборитов появилась, начался отход от аскетического коммунизма. Такой поворот событий дает Каутскому повод заметить: *«Глядя на этот печальный конец некогда такой гордой коммунистической общины, перед которой дрожала половина Европы, едва можешь подавить сожаление, что Табор не пал, как Мюнстер, в блеске своей коммунистической юности, а захирел в жалкой буржуазной слабости старчества»*.

В русле истории общественной мысли лежит и исследование «Томас Мор и его утопия». Эта книга давала анализ «Утопии» на более широком, чем это делалось раньше, фоне разложения феодализма и начала капиталистического развития. Вместе с тем, выявляя социально-экономические и идейные корни социализма Мора, Каутский отдал дань схематизму и модернизации. Он считал взгляды Т. Мора «вполне современными», рассматривал их как «теоретическое обоснование коммунизма». В подтверждение своего вывода Каутский отыскивал в концепции Т. Мора черты, созвучные представлениям XIX в. о социализме. К ним он относил отраженные в «Утопии» идеи об общественной организации производства, распределении по потребностям, всеобщей трудовой повинности, чередовании физического труда с умственным, устранении войн, отсутствии противоречий между городом и деревней, совместном образовании и воспитании юношей и девушек, уничтожении частной

собственности как основы общности имущества и равенства в труде. Исходя из предположения о существовании капитализма уже в начале XVI в., Каутский считал возможным говорить о развитии «современного пролетариата» и «современного социализма». Возражая ему, Энгельс считал более правильным использовать применительно к рассматриваемой эпохе понятие «предпролетариат». В целом же значение труда Каутского в том, что впервые в историографии была сделана попытка отнести к Т. Мору не только как к политику или ученому-гуманисту, но прежде всего как к предшественнику и провозвестнику социализма.

В исторических исследованиях Каутского особое место занимает вопрос о происхождении христианства. В работе «Происхождение христианства» он разделяет точку зрения об Иисусе, который реально существовал и был приговорен римлянами к смерти за то, что был мятежником, пытавшимся поднять еврейский народ на борьбу с поработителями и сотрудничавшей с ними жреческой верхушкой. Что касается исторической ценности Библейского Нового завета (Евангелия, Деяний святых апостолов), то, писал Каутский, она не больше, чем значимость эпических произведений Гомера или «Песни о Нибелунгах». Ни из «Евангелия», ни из «Деяний апостолов», подчеркивает Каутский, нельзя узнать ничего определенного о жизни Христа и его учеников, однако в них содержатся сведения о характере общества, идеалах и стремлениях общин раннего христианства.

В своей книге Каутский трактовал возникновение христианства как идеологическое выражение движения масс, порожденного острыми социально-экономическими противоречиями рушившейся Римской империи. Генезис христианства он исследовал на фоне идейного кризиса античного общества, нарастания пессимизма во всех общественных классах и слоях.

Затронув такие сюжеты, как общественный строй в эпоху Римской империи, иудейство, раннее христианство, христианский мессионизм, эволюция внутреннего строя первоначальной христианской общины, Каутский завершает книгу разделом «Христианство и социал-демократия». В нем он высказал опасение, не превратится ли социал-демократия, подобно раннему христианству, в новую организацию господства и подчинения. *«Распятый мессия не был ни первым, ни последним завоевателем, который под конец обратил армии, давшие ему победу, против собственного народа и использовал их для его покорения и подчинения. И Цезарь, и Наполеон выросли из победы демократии».*

Итог своим многолетним теоретическим разработкам Каутский подвел в двухтомнике «Материалистическое понимание истории». В нем собраны воедино взгляды автора на многие проблемы: сущность эволюции, экономика, национальные отношения, теория революций. Относительно последних Каутский исходил из своих представлений о политической и социальной революциях. Политическую революцию Каутский трактовал как всякие проявления сословной и классовой борьбы в древности и средневековье, которые лишь изменяли правящую элиту, оставляя

неизменными социально-экономическими отношениями. Эра социальных революций, считал Каутский, началась с Английской буржуазной революции XVII в. Социальные революции, по Каутскому, совмещают черты политического и социально-экономического переворота. Вершиной эпохи социальных революций, по Каутскому, должна стать мировая социалистическая революция.

В «Материалистическом понимании истории» Каутский критически переоценил положения Маркса и Энгельса о происхождении государства. *«Попытки объяснить возникновение классового общества из факторов, действующих внутри первобытной общины, не дают удовлетворительных результатов»*, – утверждал он. По мнению Каутского, возникновению государства без воздействия извне мешали прежде всего первобытная демократия, формировавшая особый, коллективистский менталитет, когда всякое стремление выделиться путем подавления своих соплеменников тут же пресекалось, а также общинная собственность на средства производства, вследствие чего потенциальный властитель не имел в своих руках реальных экономических рычагов.

Каутский разделял взгляды тех, кто исповедовал «теорию завоевания». По его мнению, по крайней мере в большинстве известных истории случаев государство возникало как результат завоевания одним племенем другого, земледельцев – кочевыми племенами. Скифы, гунны, арабы, татары, турки и др. завоевывали крестьянские общины и, оседая, образовывали господствующий класс. *«И государство, и классы начинают свое существование одновременно»* – таков вывод Каутского. Этим он порывал с марксистским постулатом, в основе которого утверждение, что вначале возникли классы, а уже затем на их основе – государство.

Согласно Каутскому, одновременно или после возникновения государства человечество вступило в стадию цивилизации, которая формировалась на основе достижений культуры. Упадок и гибель цивилизаций Каутский объяснял тем, что они возникали и развивались на почве закабаления и эксплуатации. Он выражал надежду, что цивилизация может в конце концов достигнуть такой стадии, когда для масс откроется возможность в полной мере использовать ее плоды. Тогда ей не будет угрожать гибель. Такого состояния, считал Каутский, возможно достичь лишь после успеха социалистической революции, т. е. Каутский сохранил ориентацию на социализм. Тем не менее книга вызвала резкую критику со стороны советских исследователей – иным отношением большевиков к Каутскому не могло и быть.

«Русская историческая школа» Новой истории

Научные школы в области всеобщей истории в России складывались под влиянием определенных факторов. Первый из них – рост университетов. Если к началу XIX в. университетское сообщество было представлено профессурой Московского университета, то на протяжении века оно расширилось за счет ученых Дерптского (1802), Виленского (1803–1832), Казанского (1804), Харьковского (1805), Варшавского (1816–1830, 1867), С.-Петербургского (1819), Киевского (1833), Новороссийского (1865), Томского (1878) университетов.

Второй фактор – знание иностранных языков. Хорошую подготовку по знанию латыни, французского, английского языков давали классические гимназии. По университетскому уставу 1804 года в российских университетах вводилось преподавание не только европейских, но восточных языков (арабского, персидского и турецкого).

Третий фактор – начало планомерного преподавания зарубежной истории в университетах. Оно вводилось по университетскому Уставу 1804 г., хотя первоначально лекционные курсы по всеобщей истории являлись простым изложением иностранных учебных пособий. Например, в Виленском университете вплоть до его закрытия П.В. Кукольник читал лекции по зарубежной истории по 5-томной «Сокращённой всеобщей истории» Л.Ф. де Сегюра, которую он же и перевел с французского языка в свою бытность в С.-Петербурге. И в других университетах первоначально лекционные курсы по всеобщей истории являлись простым изложением иностранных учебных пособий, тем более, что в начальный период их работы ее преподавали выходцы из государств Германии. Академик *В. П. Бузескул* приводит воспоминания Н.И. Костомарова: «В то время (30-е годы XIX в. – И. Ч.) вообще у нас было в обыкновении читать лекции по какому-либо известному пособию: профессор открыто и заранее заявлял, что будет читать по "такому-то"». А выбрать было из чего... «Всемирные истории» в России стали издаваться в избытке.

Четвертый фактор – целенаправленная подготовка историков-всеобщников в Профессорском институте при Дерптском университете, который дважды, в 1828 и 1833 гг., набирал слушателей, а также в ходе зарубежных стажировок, активизации которых способствовал университетский Устав 1835 г. Он вводил практику двухгодичных стажировок для молодых учёных за границей, увеличивал количество профессоров и кафедр. Так появились первые профессора всеобщей истории – М.С. Куторга, преподававший в Петербургском (в 1835–1869 гг.), затем в Московском (в 1869–1874 гг.) университетах и Т.Н. Грановский, занимавший с 1839 по 1855 г. кафедру в Московском университете.

Они заложили традиции изучения и преподавания в высшей школе зарубежной истории, воспитали кадры историков, специалистов по всеобщей истории. С середины 1830-х гг. начали преподавательскую работу П.Н.

Кудрявцев и С.В. Ешевский в Москве, М.М. Лунин в Харькове, М.М. Стасюлевич в Петербурге, В.Я. Шульгин в Киеве.

Пятый фактор – политика в сфере образования. Ужесточившаяся после революционного 1848 г., она смягчилась после окончания Крымской войны: был отменен запрет получать из-за границы без цензуры книги и периодические издания, возобновилась практика командирования наиболее способных выпускников университетов в заграничные научные центры, которая с середины 1870-х гг. стала общим правилом. Существовавший ранее порядок направления молодых ученых за границу дополнили новым требованием: «чтобы для сей цели избираемы были не только вообще люди с отличными дарованиями, но в качестве преподавателей, уже доказавшие способности свои к профессорскому званию». Первыми из Петербургского университета в двухгодичную заграничную командировку отправились ученики М.С. Куторги М.М. Стасюлевич и В.В. Бауер.

С именем В.В. Бауера, связано начало планомерного и регулярного преподавания и изучения Новой истории в С.-Петербургском университете. По возвращении в университет, на протяжении 1860–1870-х гг., Бауер трудился над «Лекциями по новой истории», изданными его учеником, графом А. А. Мусиным-Пушкиным лишь посмертно. Мусин-Пушкин приложил к книге также свои воспоминания об учителе: «Несомненная и навсегда остающаяся заслуга Василия Васильевича, как профессора, та, что он первый поставил в С.-Петербургском университете изучение новой истории и главным образом германо-романского мира на прочную научную основу. До него Новая история никогда систематично не читалась в С.-Петербургском университете, да и вообще читается она довольно редко и в других наших русских университетах», – писал он о своем учителе.

Из Харьковского университета в двухгодичную поездку был направлен М. Н. Петров. По итогам своей двухгодичной поездки (июль 1858 – июль 1860), охватившей научные центры Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии, он подготовил и издал отчет, а затем защитил докторскую диссертацию «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861). В ней даны характеристики историков: немца Л. фон Ранке, англичанина Т. Б. Маколея, француза Ф. Гизо и других.

Историографическая проблематика привлекла внимание молодого ученого тем, что «нигде не высказывается в такой степени самосознание нации, как в том, каким образом объясняет она свою собственную историю», именно в историографии можно уловить господствующее настроение века и нации, господствующие в обществе цели и идеалы. Помимо характеристики представителей и направлений западноевропейской исторической науки труд Петрова знакомил с преподаванием истории в западных университетах. До 1886 г. Петров занимал кафедру всеобщей истории в Харьковском университете, сочетая преподавательскую работу с написанием курсов лекций. Его «Очерки из всеобщей истории», впервые изданные в 1868 г., переиздавались четырежды, последний раз в 1904 г. Пятитомные «Лекции по

всемирной истории», опубликованные после смерти автора, выдержали три издания.

Шестой фактор – университеты начали обращать внимание на необходимость овладения достижениями западноевропейской культуры и литературы. Историко-филологический факультет Петербургского университета открыл кафедру всеобщей истории литературы. Преподавание этого предмета доверили магистру русской словесности *Александру Николаевичу Пыпину*, прошедшему двухлетнюю заграничную командировку, стороннику умеренно либеральных взглядов.

Художественная литература интересовала его исключительно в связи с историей общественной мысли. Однако университет вскоре лишился ученого. Уже в 1861 г. он вместе с другими профессорами (Б. И. Утиным, К. Д. Кавелиным, В. Д. Спасовичем, М. М. Стасюлевичем) оставил его в связи со студенческими волнениями. А. Н. Пыпин с основанием «*Вестника Европы*» стал одним из его главнейших и виднейших деятелей в качестве члена редакции журнала и самого плодотворного автора, крупнейшего историка литературы. С середины 1860-х гг. он некоторое время занимался переводческой работой. Частью под его редакцией, частью в его переводе появились сочинения американца Дж. Дрэпера («История умственного развития Европы»), англичан В. Лекки («История возникновения и влияния рационализма в Европе»), И. Бенстама («Избранные сочинения»).

В общем русле «европеизации» университетского образования с 1857 г. было восстановлено чтение лекций по государственному праву европейских государств. В Петербургском университете курс по государственному праву Англии и других европейских стран начал читать магистр Дерптского университета *Борис Исаакович Утин*. Дальнейшее развитие этого направления университетского образования связано с университетским уставом 1863 г.: во всех университетах России открылись кафедры правоведческих дисциплин, в том числе кафедры государственного права России и важнейших европейских государств. В Петербургском университете, начиная с 1867 г. и вплоть до своей кончины, на кафедре государственного права работал сначала доцентом, потом профессором *Александр Дмитриевич Градовский* (1841–1889), лекционные курсы которого вылились в многочисленные публикации. В Московском университете английское государственное право было предметом преподавания *Бориса Николаевича Чичерина* (1828–1904) и *Федора Михайловича Дмитриева* (1829–1894), но обоим из-за своих либеральных убеждений в 1868 г. пришлось оставить университет.

Седьмой фактор – появление в российских университетах ученых уровня М.С. Куторги, Т.Н. Грановского, В.И. Герье, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, которые стали наставниками для молодых историков-всеобщников и советниками в выборе направлений исследований. При выборе тем исследований первоначально ориентировались на изучение истории Древнего мира и Средних веков. В этом направлении работали сам М. С. Куторга и его ученики В.В. Бауэр, В.Г. Васильевский, П.И.

Люперсольский, Ф.Ф. Соколов, М.М. Стасюлевич, а также Т.Н. Грановский и его ученики П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский. Такие предпочтения объяснялись условиями научной деятельности: сказывалась общая ориентация европейской исторической науки на античность и средневековье, а также скупывал контроль министерства народного просвещения, следившего за благонадежностью ученых и опасавшегося близких к современности сюжетов. По свидетельству Т.Н. Грановского, в январе 1844 г. попечитель Московского учебного округа и главный цензор Москвы граф Г. С. Строганов предложил ему освещать события Реформации и Французской революции «с католической точки зрения и как шаг назад».

Что касается новистики, то важнейшую роль в воспитании плеяды историков-новистов сыграл профессор всеобщей истории Московского университета (в 1868–1904) Владимир Иванович Герье.

Он – «основатель русской научной школы в области новой истории». И хотя он читал различные курсы, в том числе и по истории Древнего Рима, и Реформации, особую роль в развитии исторического образования сыграли его лекции и семинары по Новой истории, в частности, по истории XVIII в. и Французской революции конца столетия. В границах XVIII в. он выделял роль Франции, которой он посвятил отдельную книгу.

Герье не только плодотворно разрабатывал актуальные проблемы исторической науки, но и воспитал кадры молодых ученых. Первым защитил магистерскую диссертацию под руководством Герье Н.И. Кареев. Герье имел прямое отношение к защите магистерских диссертаций П.Г. Виноградовым и М.С. Корелиным. Герье выбрал тему магистерской диссертации Р.Ю. Випперу. В семинаре Герье по Французской революции как ученый сформировался П.Н. Ардашев. Учениками Герье были Е.Н. Щепкин и С.А. Котляревский. Ученики Герье, выпускники Московского университета, в разные годы сами вели научные исследования, читали лекции и проводили семинары по различным разделам всеобщей истории на его историко-филологическом факультете. Профессорами были: в 1889–1899 гг. М.С. Корелин, специализировавшийся на истории итальянского гуманизма; в 1897–1923 гг. Р.Ю. Виппер, опубликовавший книги по античности и средним векам; в 1893–1891 гг. медиевист И.И. Иванов. В свою очередь, ученики Герье стали основателями собственных научных – дочерних – школ. Так в С.-Петербургском университете Н.И. Кареев сосредоточил научные интересы на изучении истории XIX в. и ориентировал своих учеников на изучение событий Новой истории. Многие из его учеников – А.М. Ону, Э.Д. Гримм, В.А. Бутенко – стали впоследствии видными учеными. Параллельно с Кареевым в Петербургском университете в 1887–1910 гг. работал ученик В.В. Бауэра Г.В. Форстен. Он также создал научную школу. В числе его учеников были А.М. Петрункевич, В.Н. Забугин.

Восьмой фактор – усиление роли региональных центров. Так, в Киевском университете сложилась региональная – региональная с точки зрения размещения научного центра, но далеко не провинциальная в научном измерении – научная школа И.В. Лучицкого, работы которого посвящены

французской истории XVI–XVIII в. Труды учеников Лучицкого также не выходили за пределы XVIII в. И лишь Е.В. Тарле переступил грань веков – значительная часть его дореволюционных работ посвящена событиям XIX в. В числе других учеников Лучицкого были Н.Н. Любович, Н.В. Молчановский, В.П. Клячин, а также основоположник испанистики в России В.К. Пискорский, ставший профессором Казанского университета, – еще одного важного центра изучения вопросов всеобщей истории.

Комплекс факторов способствовал появлению в России междисциплинарных областей гуманитарного знания – англоведения, франковедения, германистики, американистики, иберийских исследований, самый заметный вклад в развитие которых внесли историки-всеобщники.

В общем потоке российской новистики шли исследования и по истории Франции (Б.Н. Чичерин, В.И. Герье, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, Г.Е. Афанасьев, П.Н. Ардашев, А. М. Ону, А.А. Боровой, Е.В. Тарле, В.А. Бутенко, Э.Д. Гримм, Н.И. Кулябко-Корецкий, Е.И. Утин, Н.А. Осокин, И.Н. Бороздин В.Ф. Дерюжинский, В.А. Бутенко, П.А. Кропоткин и др.) периодов «старого порядка» и революции конца XVIII века, реставрации – времени правления Людовика XVIII и Карла X, Второй республики, учрежденной в результате революции 1848 г., Второй империи и Третьей республики. Бурные события во Франции оказали большое влияние на политические процессы в странах Европы. Ее история открывала широкий простор для изысканий: через раскрытие явлений, определявших особенности политической и социально-экономической эволюции Франции, российские историки пытались объяснить общеевропейские закономерности развития. При этом наибольшее внимание привлекал XVIII в., а в его истории – Франция «старого порядка» и революция конца этого века. Научный авторитет российских новистов, в том числе франковедов, получил подтверждение изданием трудов П.А. Кропоткина («Великая французская революция»), М.М. Ковалевского («Происхождение современной демократии»), В.И. Герье («Аббат Мабли, моралист и политик») во Франции раньше, чем в России. Об этом же свидетельствует перевод на французский язык книг Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, Е.В. Тарле, А.М. Ону, П.Н. Ардашева, Г.Е. Афанасьева. В «Истории Франции», вышедшей под редакцией Лависса, автор главы о крестьянской собственности во Франции перед революцией конца XVIII в. приводит мнения только двух историков, и оба они русские – И.В. Лучицкий и М.М. Ковалевский.

Становление германистики шло с заметным отставанием. На наш взгляд, это было связано со следующими обстоятельствами. Сказывались особенности существования немецкой нации в условиях длительного отсутствия единого государства: аморфность Священной римской империи германской нации, а затем Германского союза; централизованное немецкое государство возникло только к 1871 г. Соответственно, до 1806 г. история Германии – это история 360 государственных образований, и даже после 1815 г. – 38 отдельных суверенных владений. Соответственно, лишь крупнейшие немецкие государства, после Вестфальского мира обретшие

политическую субъектность, – Пруссия, Австрия, Бавария, Саксония в какой-то степени привлекали к себе исследовательский интерес. Историков, желавших заниматься изучением сложного переплетения конфликтующих интересов многочисленных германских государств, были единицы.

Несмотря на появление отдельных серьезных работ и рост числа журналистских публикаций, масштабы исследований не соответствовали тому вниманию, которое проявляло российское общество к Германии исходя из политических, социально-экономических, культурологических и иных мотивов. Исследователей, желавших заниматься историей отдельных германских образований, было мало. Объединение немцев под эгидой Пруссии в единую Германскую империю произошло всего за 45 лет до начала Первой мировой войны, поэтому у профессиональных историков, тех, кто хотел бы посвятить себя исследованию современных для того времени проблем германской истории, сдерживала недоступность архивных источников – документальные свидетельства эпохи еще не отложились в архивах, в которых исследователи были приучены работать.

Отмена цензурных запретов на многие направления и темы в изучении истории позволила расширить исследовательское поле и раздвинуть границы исследований. Выпуски из университетов, хотя каждый из них и не был многочислен, в итоге многих лет естественным образом привели к формированию элитного слоя историков, составивших цвет российской науки всеобщей истории. По справедливой оценке В.П. Бузескула, к концу XIX столетия «русская наука в области всеобщей истории достигает уровня западноевропейской, внося по некоторым ее отделам и свой крупный вклад».

Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии

Изучение истории, политики, экономики, культуры Англии диктовалось желанием глубже понять ее социальный опыт, с одной стороны, осознать особенности страны – политической соперницы, с другой. В России эта работа велась на протяжении второй половины XIX – начала XX века очень активно, и российское англоведение в лице его выдающихся представителей находилось на самых передовых позициях того времени.

Всесторонне изучали историю и политические институты Англии российские историки и юристы С. Ф. Фортунатов, М. М. Ковалевский, А. Д. Градовский, В. Г. Щеглов, А. Г. Аммон, В. Н. Александренко, С. С. Татищев, Я. Г. Гуревич, Ф. Ф. Мартенс, Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, П. Г. Виноградов, А. Н. Савин, И. Н. Гранат, Г. Е. Афанасьев, А. Н. Потехин, А. С. Гольденвейзер и др.

В последней трети XIX – начале XX вв. профессиональное сообщество англоведов-экономистов заявило о себе именами ученых, создавших крупные труды по истории государственных финансовых систем и их функционированию в современную для авторов эпоху. Это были И. И. Янжул, И. И. Кауфман, М. М. Алексеенко, Н. Х. Бунге, Г. П. Каменский, И. Х. Озеров.

С 1880-х гг. количество работ об Англии значительно увеличилось, особенно быстро оно росло после смерти Александра III. Объясняя это обстоятельство с высоты прошедших лет, М. М. Ковалевский в статье «Начало русско-английского сближения», заметил, что «Англия продолжала оставаться хитрым Альбионом», но это не мешало «интересоваться ее общественным укладом и даже в большей степени, чем политическим, постановкою в ней высшего преподавания, ее судом присяжных, ее местным самоуправлением». Англоведение выросло не только количественно, но заслугами М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина и многих других ученых вышло на заслуживший международное признание научный уровень.

Все выдающиеся российские англоведы – И. И. Янжул, И. И. Кауфман, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, А. В. Зотов, Д. М. Петрушевский, В. Н. Александренко, М. И. Туган-Барановский, Г. П. Каменский, П. Г. Мижухев, Е. В. Тарле, И. И. Любименко, Ф. А. Ротштейн, М. Я. Острогорский и другие – многие месяцы, а то и годы, проводили в Англии, работая в ее библиотеках и архивах.

Глубокое знание предмета исследования становилось результатом кропотливого труда с документальными источниками, включенности в жизнь страны пребывания, личных наблюдений и тесного общения с местной университетской профессурой. Зарубежные поездки с научными целями и стажировки в крупнейших университетских центрах Европы имели бесценное значение для становления и развития российского англоведения.

Государственные, дипломатические и колониальные противоречия, которыми характеризовались отношения России и Великобритании на протяжении XIX – начала XX вв. (от союза они трансформировались в противостояние, которое сменил новый союз в годы наполеоновских войн, повторное ухудшение после Венского конгресса, Крымская война, столкновение интересов в Средней Азии и на Кавказе, сменившееся новым потеплением и переходом к союзническим отношениям в начале XX в.), не являлись препятствием для развития стойкого интереса к Британии в российском обществе. XIX век, прежде всего его вторая половина и начало XX столетия в России, – блестящая эпоха в развитии интеллектуального познания британского мира. Созданная российскими учеными панорама политической, экономической, социальной и культурной жизни Великобритании во многом, прежде всего в фактографическом отношении, выдержала испытание временем, а в методологическом – и сегодня предлагает полезные ключи к анализу исторического опыта этой страны¹.

¹ Больше см.: Чикалова, И. Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.) : монография / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 413 с.

Изучение истории Германии в российской дореволюционной историографии

Становление германистики в отличие от англоведения, франковедения и даже американистики в Российской империи шло с заметным отставанием. На наш взгляд, это было связано с двумя основными причинами.

Во-первых, сказывались особенности существования немецкой нации в условиях длительного отсутствия единого государства: аморфность Священной римской империи германской нации, а затем Германского союза; централизованное немецкое государство возникло только к 1871 г. Соответственно, до 1815 г. история Германии – это история 360 государственных образований, и даже после него – 38 отдельных суверенных владений. Соответственно, лишь крупнейшие немецкие государства, после Вестфальского мира обретшие политическую субъектность, – Пруссия, Австрия, Бавария, Саксония в какой-то степени привлекали к себе исследовательский интерес. Историков, желавших заниматься изучением сложного переплетения конфликтующих интересов многочисленных германских государств, были единицы. Да и Устав Российской Академии наук 1836 г. обозначил приоритеты в области историко-филологических исследований: «...история, наипаче отечественная; греческая и римская словесность и древности; восточная словесность и древности». Более того, начиная с выборов 1841 г. Академия начала избавляться от обличия «немецкой», какой ее не без оснований считали.

Во-вторых, в России, несмотря на то, что политическая, экономическая и научная элита во многом состояла из выходцев из германских государств, и, в целом, в конце XIX ст. в стране проживало около 1,9 млн. немцев, не было распространено германофильство, в такой степени, как, например, в отдельные периоды галломания или англломания. Наличие мощного пласта россиян с генетической памятью об исторической родине, казалось бы, должно было побуждать к исследованиям проблем германской истории. Но так не случилось. Даже приглашенные из-за рубежа немецкие историки (Г.З. Байер, И.П. Коль, Х.Г. Крузиус, Ф.И. Миллер, И.М. Стриттер, И.Э. Фишер, А.Л. Шлёцер и др.) занимались исследованием русских древностей.

При этом связи с германскими университетами в условиях фактического отсутствия университетов до начала XIX ст. в самой России (за исключением Московского) были прочными: более того, сложилась традиция обучения в них российских студентов. В XVIII в., как правило, в немецкие университеты направляли студентов для изучения естественных и технических наук. Эта практика получила широкое развитие в следующем столетии: в университетах, технических и коммерческих школах Германии в составе иностранных слушателей российские студенты преобладали. В этом процессе овладения зарубежным опытом, знаниями и умениями появилось и новое явление: российские студенты ехали за границу не только для учебы и «доучивания», но выпускники молодых российских университетов стали

направляться на стажировки в германские университеты для подготовки к профессорскому званию.

В самой Российской империи центрами распространения информации о зарубежных странах, проведения исследований о них становились университеты – Московский, Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, Варшавский, С.-Петербургский (с 1819 г.), Киевский (с 1834 г.), в которых вводилось преподавание зарубежной истории. Первоначально лекционные курсы по всеобщей истории являлись простым изложением иностранных учебных пособий, тем более, что в начальный период их работы ее преподавали выходцы из государств Германии. Академик *В.П. Бузескул* приводит воспоминания историка и журналиста, многолетнего соредактора «Вестника Европы» *Н.И. Костомарова*: «В то время (30-е годы XIX в. – И. Ч.) вообще у нас было в обыкновении читать лекции по какому-либо известному пособию: профессор открыто и заранее заявлял, что будет читать по "такому-то"». А выбрать было из чего...

Несколько переизданий выдержала всеобщая история немецкого профессора *И.М. Шрека*, впервые опубликованная на русском языке в 1787 г., а затем в новом переводе в 1799–1801 гг. В последующих ее переизданиях, а последнее из них – седьмое – появилось в 1836 г., изложение событий было доведено до 1816 г. профессором истории Лейпцигского университета *К. Пелицом*. В 1832 г. в переводе с немецкого с предисловием *М. Погодина* появился гимназический курс всеобщей истории профессора истории в Эрлангене *К.В. Беттигера*. Практическим руководством для нескольких поколений российских гимназистов стала семитомная «Всемирная история для детей и юношества» немецкого историка *К.Ф. Беккера*. Впервые опубликованное в Германии в 1801–1805 гг. сочинение Беккера благодаря своему увлекательному изложению исторического материала приобрело широкую популярность и известность во многих европейских странах. В России ее знал любой гимназист.

Были изданы труды одного из основателей немецкой либеральной гейдельбергской школы *Фридриха Кристофа Шлоссера (1776–1861)*. Его 8-томная история XVIII и XIX вв., доводившая события до падения Французской империи, и 18-томная «Всемирная история» в России издавались неоднократно – первая дважды, вторая трижды. Сам объем «Всемирной истории» обусловил широту исторического материала, поданного с позиций сочувствия к слабым и угнетенным, непримиримого отношения к любым формам насилия, тирании, преступлениям власти, какими бы «государственными соображениями» они ни были вызваны.

В России вышли труды немецкого историка *Георга Вебера (1808–1888)*, работавшего в Гейдельберге, – «Курс всеобщей истории» (1859 г.), «Краткий учебник всеобщей истории», а затем в 1860 г. и первая книга «Всемирной истории». Журнал «Отечественные записки» отозвался на это событие редакционной статьей. Еще большую известность получила его 15-томная «Всеобщая история», вышедшая в России двумя изданиями. Вебер с опорой на новейшие по тому времени данные естественных наук, истории и

археологии, лингвистики, философии и социологии попытался создать целостное представление о развитии политических институтов и событий, социально-экономических отношений и прогресса культуры с древнейших времен до XIX в. Собственно последнему посвящены 14 и 15 тома. Однако, относительно освещения истории XIX в. критика была беспощадна. «Русское богатство» особенно отметило, что в изложении Вебера больше всего отведено место истории Германии, но «это не история объединения немецкого народа, скорее славословие в честь Бисмарка и Гогенцоллернов, гимн милитаризму и проповедь ненависти к Франции <...> Пред нами не беспристрастный, сдержанный в своих суждениях историк, каким является Вебер в предыдущих томах своего труда, а опьяненный победами юнкер из Померании».

В России более благоприятные условия для изучения всеобщей истории создались благодаря принятию в 1835 г. нового университетского устава, сменившего устав 1804 г. Он увеличивал количество профессоров и кафедр, а, главное, – вводил практику двухгодичных стажировок для молодых учёных за границей. Кроме того, при Дерптском университете был создан Профессорский институт для подготовки преподавателей высшей школы, в том числе по всеобщей истории. Институт дважды, в 1828 и 1833 гг., набирал слушателей, что позволило выпустить 22 преподавателя для университетов России. Так в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове начали складываться страноведческие направления в области всеобщей истории, во главе которых встала молодая профессура, прошедшая стажировки в европейских университетах.

Первыми российскими профессорами всеобщей истории стали *Михаил Семенович Куторга*, преподававший в Петербургском (в 1835–1869 гг.), затем в Московском (в 1869–1874 гг.) университетах и *Тимофей Николаевич Грановский*, занимавший с 1839 по 1855 г. кафедру в Московском университете. Эти ученые заложили традиции изучения и преподавания в высшей школе зарубежной истории, воспитали кадры историков-всеобщников. Родившийся под Могилевом Куторга был выпускником Профессорского института при Дерптском университете. Грановский после окончания С.-Петербургского стажировался в берлинском университете, по возвращении из Германии с 1839 г. работал на кафедре всеобщей истории Московского университета, читал лекции по средневековью, конспекты которых сохранились.

При выборе собственных тем исследований предпочтение отдавалось истории Древнего мира и Средних веков, что объяснялось условиями научной деятельности. С одной стороны, сказывалась общая ориентация европейской исторической науки на античность и средневековье. Появились, пока еще редкие, исследовательские работы по германской истории, например, труд *М.С. Куторги* «Политическое устройство германцев до шестого столетия» (1837). С другой стороны, научные интересы ограничивал контроль министерства народного просвещения, следившего за благонадежностью ученых. По свидетельству Т. Н. Грановского, в январе

1844 г. попечитель Московского учебного округа и главный цензор Москвы граф Г. С. Строганов предложил ему освещать события Реформации и Французской революции «с католической точки зрения и как шаг назад».

Политика в сфере образования, ужесточившаяся после революционного 1848 г., заметно смягчилась после окончания Крымской войны: был отменен запрет получать из-за границы без цензуры книги и периодические издания, с 1857 г. возобновилась временно приостановленная практика командирования способных выпускников университетов в заграничные научные центры для подготовки к профессорскому званию. Порядок направления молодых ученых за границу дополнили новым требованием: «чтобы для сей цели избираемы были не только вообще люди с отличными дарованиями, но в качестве преподавателей, уже доказавшие способности свои к профессорскому званию».

Из С.-Петербургского университета в двухгодичную заграничную командировку был отправлен *Василий Васильевич Бауер*. В ходе поездки он посетил немецкие, французские, британские университеты, о чем отчитался («О преподавании истории в германских и английских университетах») на страницах «*Журнала Министерства народного просвещения*». По возвращении в университет, на протяжении 1860–1870-х гг., он трудился над «Лекциями по новой истории», изданными лишь посмертно его учеником, графом А. А. Мусиным-Пушкиным. В них он уделил особое внимание Германской реформации, подчеркнув ее закономерный характер и определив выступления народных низов как «все несчастье Германии». Мусин-Пушкин приложил к книге также свои воспоминания об учителе, ранее опубликованные в связи со смертью Бауера в февральской книжке за 1885 г. «*Журнала министерства народного просвещения*»: «Несомненная и навсегда остающаяся заслуга Василия Васильевича, как профессора, та, что он первый поставил в С.-Петербургском университете изучение новой истории и главным образом германо-романского мира на прочную научную основу. До него Новая история никогда систематично не читалась в С.-Петербургском университете, да и вообще читается она довольно редко и в других наших русских университетах», – писал он о своем учителе.

В Харьковском университете для заграничной поездки отобрали уроженца Вильно *Михаила Назаровича Петрова*, закончившего историко-филологический факультет и к этому времени получившего степень магистра всеобщей истории. По итогам своей двухгодичной поездки по научным центрам Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии, он подготовил и издал отчет, а затем защитил докторскую диссертацию «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861). В ней даны характеристики немецких историков Л. фон Ранке, Г. фон Зибеля, И. Г. Дройзена, Л. Гейссера. Историографическая проблематика привлекла внимание молодого ученого тем, что «нигде не высказывается в такой степени самосознание нации, как в том, каким образом объясняет она свою собственную историю», именно в историографии можно уловить господствующее настроение века, цели и идеалы нации. Помимо

характеристики представителей и направлений западноевропейской исторической науки труд Петрова знакомил с преподаванием истории в западных университетах. До 1886 г. Петров занимал кафедру всеобщей истории в Харьковском университете, сочетая преподавательскую работу с написанием курсов лекций. Его «Очерки из всеобщей истории», впервые изданные в 1868 г., переиздавались четырежды, последний раз в 1904 г. Пятитомные «Лекции по всемирной истории», опубликованные после смерти автора, выдержали три издания.

Для будущих стипендиатов было полезным еще до поездки познакомиться с историей и особенностями организации учебного процесса в западных университетах. Такая возможность появилась благодаря работам *В.В. Игнатовича*, которого можно считать первым русским историком западноевропейских университетов. Сам Игнатович закончил Педагогический институт при Виленском университете, получив степень магистра, с 1824 г. работал в Могилевской гимназии, с 1834 г. – смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян; с 1839 г. – инспектором Гродненской губернской гимназии. С 1849 г. и до конца жизни он жил и работал на разных должностях в С.-Петербурге. Параллельно писал работы по истории европейских университетов. В 1846 г. выпустил книжку о Болонском университете, а в 1861 г. – посвященную истории английских университетов, предварительно напечатанную в трех номерах «*Журнала Министерства народного просвещения*». Этот же журнал в 1862–1864 гг. в девяти номерах напечатал работу В.В. Игнатовича «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни», изданную также отдельной книгой. Хотя работы Игнатовича носили компилятивный характер, для своего времени они представляли определенный интерес, они знакомили российское общество с основными фактами истории университетов, почерпнутыми из новейших для того времени работ зарубежных авторов. Тему немецкого университетского образования завершила изданная в 1899 г. тремя выпусками популярная работа *Л. А. Богдановича* «Иностранные университеты». Ее отдельный выпуск посвящен университетам Германии и студенческим годам учившихся в них ее знаменитых людей.

Постепенно начал складываться круг университетских профессоров, научные интересы которых концентрировались на германской тематике, преимущественно по средневековью. Харьковский университет окончил, в нем работал и создал многочисленные научные труды *Василий Карлович Надлер*.

По германской истории его исследования посвящены правлению германского короля и императора Священной Римской империи Оттона III, а также роли церковно-политического деятеля, архиепископа гамбургско-бременского, ближайшего советника императора Генриха IV Адальберта Бременского. Профессор Киевского университета *В. А. Бильбасов* в 1863 г. защитил магистерскую диссертацию «Крестовый поход Фридриха II из дома Гогенштауфенских герцогов (18 июня 1223 – 10 июня 1229)». Еще один

киевский профессор, *Феодор Яковлевич Фортинский*, в 1877 г. опубликовал докторскую диссертацию «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года».

Основателем «русской научной школы в области новой истории», сыгравшим важнейшую роль в воспитании плеяды новистов, стал профессор Московского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук *Владимир Иванович Герье*.

Он был франковедом, но оставил работы и по германистике. Так в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1867 г. он напечатал серию статей «Лейбниц и его век», изданных спустя год отдельной книгой. По словам самого Герье, по жизни Лейбница «можно изучить политическую историю Германии более чем за полвека». Активно он публиковал объемные труды и в других журналах: в «Вестнике Европы» – о средневековом мировоззрении, о теократическом начале на Западе, о Франциске Ассизском, о Катарине Сиенской. За 46-лет научно-педагогической деятельности Герье подготовил многих выдающихся специалистов, в том числе германиста *Н.В. Молчановского*. Учениками Герье были *Е.В. Тарле* и *Н.И. Кареев*, выдающиеся историки широкого спектра научных интересов, в число которых входила и германская проблематика. В свою очередь учеником Н. И. Кареева считал себя австровед *П. П. Митрофанов*, а В.В. Бауэра – *Г.В. Форстен*. Формирование в Петербурге, Москве и Киеве научных школ явилось решающим фактором формирования научно-педагогических кадров, в том числе германистов.

Начиная с 1870-х гг. заграничные командировки стали общим правилом. В университетах Германии, Франции, Швейцарии прошли научные стажировки многие российские историки, внесшие заметный, а во многих случаях и выдающийся вклад в историографию всеобщей истории. В университеты пришли молодые ученые с европейским кругозором, их научная и преподавательская деятельность позволила всеобщей истории и ее разделу – Новой истории занять подобающее ей место. Отмена цензурных запретов на многие направления и темы в изучении истории позволила расширить исследовательское поле. Историки раздвинули границы исследований за счет Новой истории, которая для них в то время хронологически была историей Новейшей. Изучение истории и современной жизни Германии, к этому времени завершившей объединение в единое государство, в России получило долговременно действующий импульс. Обогащалось оно в том числе за счет трудов специалистов в смежных с историей областях. Профессор С.-Петербургского университета *Александр Дмитриевич Градовский* написал работу о конституции Германской империи «Германская конституция» (Ч. I. Исторический очерк. Ч. II. Обзор действующей конституции. – СПб., 1875–1876.) и труд «Государственное право важнейших европейских держав» (СПб., 1886). Градовский выявил закономерности, которые привели почти все западноевропейские государства к конституционализму.

Политические реалии побуждали проводить исследования поворотных для судеб Европы событий. В двухтомном труде попытку максимально подробно показать войну 1813 г. германских государств с Францией предпринял авторитетный специалист *Модест Иванович Богданович* («История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам», 1863).

Он был генерал-лейтенантом, профессором кафедры военной истории и стратегии Академии Генерального штаба, официальным военным историографом. Естественно, его работа специфична, концентрирует внимание на сугубо военных аспектах.

Уже в 1860-х годах, буквально по горячим следам, вышли работы, посвященные войнам Германии последних десятилетий перед объединением, – Пруссии и Австрии против Дании 1864 г., Австро-прусской 1866 г. и франко-прусской 1870–1871 гг. войн. Капитан Генерального Штаба *В.Н. Чудовский* по свежим впечатлениям написал военно-историографическое исследование о событиях войны против Дании за обладание герцогствами Шлезвигом и Гольштейном «Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 год» (1866). Эту же войну попытался осветить *Н. Акунин*, издавший в 1865 г. небольшую по объему брошюру, не отличающуюся глубокой научностью, – «Очерк датской войны 1864 года с картой военных действий». Несравненно более высокий уровень имели «Очерки австро-прусской войны 1866 года» *М. И. Драгомирова* (1867). Объяснение этому – в личности автора. В годы этой войны Драгомиров, тогда еще молодой офицер, был представителем России при прусской военной ставке, а в дальнейшем стал одним из известных и авторитетных государственных и военных деятелей: начальником Николаевской академии генерального штаба, крупнейшим военным теоретиком второй половины XIX века, автором «Учебника тактики», служившего настольной книгой для нескольких поколений военачальников России.

Преподаватель Киевского женского института *В.В. Андреев* в 1871 г. опубликовал объемную, более чем на 400 страниц, книгу «Война за утверждение прусской гегемонии в Европе и отношение к ней России», но отнести его к числу германистов вряд ли можно: указанная книга – единственная, относящаяся к германской тематике, из множества других написанных им сочинений по российской истории. Далекий от исторической науки был *М. Н. Анненков*, на вершине карьеры ставший генералом от инфантерии, а в молодости по служебным обстоятельствам оказавшийся автором: в 1871 г., во время франко-прусской войны, он был послан в прусскую армию – по возвращении из командировки издал брошюру «Заметки и впечатления русского офицера». *Е. М. Феоктистов*, юрист по университетскому образованию, на базе знаний, полученных во время поездок в европейские страны написал несколько журнальных статей по новой истории, преимущественно английской, французской и итальянской. Большинство из них было напечатано в «Русском вестнике» и в «Отечественных записках» (впоследствии самим Феоктистовым и закрытых).

Ему принадлежит книга «Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны». Как известно, внешняя политика императрицы была направлена на ослабление Пруссии, в годы Семилетней войны между Францией и Россией был заключен оборонительный союз, в 1756 г. Россия объявила войну Пруссии и в следующем году начала военные действия. Описание и оправдание этих событий оказалось в русле одного из актуальных направлений российской внешней политики.

Выход на авансцену российской внутренней политики проблемы реформирования системы местного управления вызвал необходимость анализа европейской практики в этом направлении. Нашлись и способные решить эту задачу специалисты. Выпускник историко-филологического отделения Казанского университета *Н.И. Второв*, участвовавший в подготовке многотомных изданий Министерства внутренних дел «Городские поселения в Российской империи» и «Экономическое состояние городских поселений Европейской России», использовал поездки в Европу для сбора материалов, на основе которых издал книгу «Сравнительное обозрение муниципальных учреждений Франции, Бельгии, Италии, Австрии и Пруссии». Ещё один специалист в области местного самоуправления, выпускник юридического факультета Казанского университета *В.В. Ивановский* в 1883–1884 гг. стажировался за границей, что позволило ему стать автором нескольких трудов, в том числе книги «Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии».

В связи с остротой аграрного вопроса после отмены крепостного права в России и решением его в соответствии с прусской моделью актуальность приобрел зарубежный опыт. В эту проблему погружались в том числе те, кто не был профессиональным историком, представители диаметрально противоположных социальных слоев. Так, крупный землевладелец, родоначальник кооперативного движения в России, князь *Александр Илларионович Васильчиков* задался целью разрешить вопрос о реальных предпосылках реализации крестьянством благ, полученных в результате отмены крепостного права.

Для этого ему пришлось обратиться к опыту Англии, Франции, Германии, обобщенному в монографии «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах». Состояние аграрных отношений в странах Западной Европы его нигде не удовлетворяет, везде социальные смуты и эмиграция, главная причина которых в безземелье сельскохозяйственного производителя. Европейская цивилизация и германская культура есть ни что иное, как «великое общественное зло», – доказывал Васильчиков. Западный опыт он сопоставлял с российской действительностью. Сочинение Васильчикова вызвало в свое время широкий общественный резонанс.

Три десятилетия спустя после появления книги Васильчикова появился труд *Н.М. Величкина*, посвященный истории освобождения крестьян в трех странах – Англии, Германии, Франции. В ней он исследует происхождение помещичьей власти в Западной Европе, рассматривает появление и особенности крепостного права в каждой из трех стран, описывает

крестьянские войны и восстания, приведшие в итоге к его падению, освещает последствия его отмены крепостного права как для крестьян, так и для феодалов. Наконец, в 1916 г. появилась книга *Н.С. Гольдина* «Падение сословно-земского строя в Прусской монархии». Сам он с 1906 г. работал приват-доцентом Харьковского университета, в советские годы (1925–1928) заведующим кафедрой европейской культуры Харьковского института народного образования. Как показал Гольдин, реформы, проведенные прусским правительством в 1807–1809 гг. в условиях французской оккупации, стали одним из звеньев крупных военно-политических, социально-экономических, идеологических и морально-психологических потрясений, испытанных германским народом в эпоху наполеоновских войн. Ключевыми моментами прусских реформ явились отмена крепостного права и попытки решения земельного вопроса. Как известно, именно прусский путь освобождения крестьян был взят за образец в России.

В российской исторической науке определенным количеством работ была представлена австрийская история. Начало систематического изучения истории Австрии связано с именем *Спиридона Николаевича Палаузова* (1818–1872).

Учился в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах, где получил степень доктора политико-экономических наук. Был избран действительным членом Императорского общества истории и древностей российских, служил чиновником, в том числе в министерстве иностранных дел и министерстве народного просвещения. Опубликовал ряд трудов по истории Болгарии и Румынии, а также работу «Австрия со времени революции 1848 года». Эта книга, страноведческая по своему содержанию, давала сведения по истории, административно-политическому устройству, внутренней и внешней политике страны в узких хронологических рамках – книга была издана в 1860 г. т.е. освещала состояние австрийских дел и события, современником и свидетелем которых был сам автор.

В России интерес к истории и политике Австрии, и шире – Габсбургской монархии – усилился на рубеже XIX–XX вв. Первым, кто в российской историографии поставил вопрос о необходимости изучения собственно австрийских земель как основы государственности монархии Габсбургов, был *Павел Вавлович Митрофанов*.

Основной сферой научных интересов Митрофанова стала история Австрии Нового времени. Ей были посвящены его главные научные труды. Написанную по итогам командировки 1901–1904 гг. магистерскую диссертацию о политической деятельности Иосифа II он опубликовал на русском и немецком языках и успешно защитил в 1907 г. Ее название – «Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и враги (1780–1790)». В ней Митрофанов впервые в России на широкой документальной основе исследовал историю самостоятельного правления императора Священной римской империи германской нации Иосифа II (с 1765 по 1780 г. он был соправителем своей матери, императрицы Марии-Терезии). В поле зрения Митрофанова попали проведенные Иосифом II вопреки противодействию

оппозиции административная, военная, судебная и сословная реформы, основные направления внешней политики. Одним из оппонентов на защите диссертации был Н.И. Кареев, отметивший фундаментальность и высокую научную ценность исследования Митрофанова.

В 1909–1910 гг. Митрофанов был в новой командировке, в ходе которой собрал обширный корпус документов. На его основе написал и издал монографию о политике австрийского императора Леопольда II по отношению к Франции периода революции конца XVIII века: «Леопольд II Австрийский. Внешняя политика» (1916). И это исследование получило высокую оценку Н. И. Кареева, написавшего в рецензии: «везде П. П. Митрофанов выступает не только знатоком фактического материала, но и критиком мнений, высказывавшихся прежними историками». Однако завершить ее и защитить диссертацию помешали болезнь и невозможность собрать дополнительный материал в связи с начавшейся Первой мировой войной.

Научным достижением Митрофанова являются его исследование об оппозиции реформе Иосифа II в Венгрии и обобщающий труд по истории Австрии (1910). В нем Митрофанов излагает историю Австрии с древнейших времен до конца правления императора Леопольда II в 1792 г. В книге внимание акцентируется на событиях, связанных с так называемыми «немецкими землями», составлявшими ядро Габсбургской монархии. Митрофанов исходит из того, что в истории Австрии в полной мере отражены такие типичные для западноевропейской истории явления, как реформация, католическая реакция, «просвещенный абсолютизм». Митрофанова как историка высоко ценили современники. С ними согласны и крупнейшие ученые следующих поколений: В. П. Бузескул, например, утверждал, что исследование о политической деятельности Иосифа II – «выдающийся большой труд». Работы Митрофанова во многом сохраняют свою актуальность, о чем свидетельствует переиздание «Истории Австрии»: впервые опубликованная в начале XX века, она в 2003 и 2010 гг. вышла в свет вторым и третьим изданиями.

Заметный вклад в изучение истории Австрии внес *Самуил Горацевич Лозинский*. Он был крупным историком, высоко оцененным современниками. Н.И.Кареев в своем труде «История Западной Европы» поместил обширный список литературы по истории Австро-Венгрии, в нем оказалась всего одна работа русского автора – это была книга С. Г. Лозинского «Национальный вопрос и политические партии в Австрии»(1907). Лозинский своими семейными корнями связан с Беларусью: в 1895 г. окончил гимназию в Слуцке. В 1895–1897 гг. учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, где специализировался по социально-экономической истории Нового времени у профессора И. В. Луцицкого. Посещал лекции в Берлинском университете. Образование продолжил в Брюссельском университете и в парижской Высшей школе социальных наук, которую окончил в 1904 г. В обширной сфере научных интересов Лозинского значительное место заняла история Габсбургской империи. В

книге «Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии» (1916) представлена внутренняя и внешняя политика страны от революции 1848 г. до аннексии Боснии и Герцеговины. Острота национальных противоречий диктовала необходимость реформ. Лозинский подробно анализирует политику правительств Австрии в 60–90-е годы XIX в. Лозинский подробно рассматривает особенности политики правительства А. Ауэрсперга, Э. Тааффе, Э. Кербера, К. Бадени, отмечая их полную неспособность стабилизировать положение в стране в условиях набирающего силу противостояния австро-немцев с чехами, словенцами и итальянцами. Либеральные реформы и политика национальных компромиссов, напротив, еще больше подогревали австро-немецкий национализм части населения Австрии. Лозинский был уверен в том, что национализм стал в конце XIX – начале XX вв. главным препятствием успешного развития Австрии.

Крупнейшим знатоком социально-политических и национальных отношений в Германской империи и Габсбургской монархии был *Александр Львович Погодин*.

Родился он в Витебске, в 1894 г. окончил С.-Петербургский университет. С 1901 г. он – магистр, с 1904 г. доктор славянской филологии. Работал преподавателем гимназии в Петербурге, профессором Варшавского (1902–1908) и Харьковского (1910–1919) университетов. С конца 1919 г. находился в эмиграции, в 1919–1941 г. был сначала преподавателем, а затем профессором Белградского университета. Погодин внёс важнейший вклад в изучение истории и культуры Болгарии, Польши, Сербии, Черногории, на широком фоне социально-политического развития исследовал положение поляков в Германской, Габсбургской и Российской империях, чехов и русинов в Австрии. В фундаментальной обобщающей монографии «Славянский мир» (1916) Погодин на основе широкого круга ранее неизвестных источников всесторонне охватил наиболее острые проблемы политического, социального и экономического положения славянских народов в начале XX века. Его труд, вне сомнений, сохраняет научную ценность и в наше время.

В начале XX в. появились исследования *Алексея Карловича Дживелегова* – автора многочисленных научных и научно-популярных трудов, охватывающих широкий спектр научных проблем истории Средних веков и Нового времени.

Его ранние работы в основном посвящены проблемам западноевропейского средневекового города. Важное место в германистике заняли его «Очерки по истории Германии. 1806–1871» (1905) и двухтомное исследование – «История современной Германии», охватившее период с 1750 по 1910 г., опубликованное в 1908 и 1910 гг.

После завершения объединения немецких государств и создания Германской империи без Австрии в ее составе освещение проблем истории германских государств происходило и на страницах периодической печати. Авторами выступали как профессиональные историки, так и журналисты. Для первых публикация текстов в журналах была преддверием к выпуску

монографий, для вторых – окончательным итогом разработки темы. В числе историков, публиковавшихся в журналах, было немало первоклассных специалистов, как уже упоминавший В. И. Герье.

Александр Семенович Трачевский опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью «Пруссия в Крымскую войну». Под влиянием событий Австро-прусской войны 1866 г., Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и образования Германской империи он в журнале «Вестник Европы» поместил серию статей на общую тему «Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780–1790». В них, а затем и в отдельной монографии, вышедшей под таким же названием, он рассматривал «союз князей» как один из важных этапов объединения Германии под главенством Пруссии. В связи с празднованием в Германии 25-летия образования империи поместил в «Вестнике Европы» статьи, охарактеризованные им самим как «исторические этюды» и названные «Германия накануне революции». Когда впоследствии на их основе вышла книга, он уточнил название: «Германия накануне революции и ее объединение». Знаменитый автор 29-томной «Истории России с древнейших времен» *С. М. Соловьев*, уже будучи ректором Московского университета и академиком С.-Петербургского университета также разместил в «Вестнике Европы» серию статей, составивших впоследствии книгу «Александр Первый. Политика – дипломатия», разделы которой посвящены «эпохе коалиций» и «эпохе конгрессов». *Г.В. Форстен* в «Журнале министерства народного просвещения» обнародовал несколько статей о внешней политике курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского.

Общественно-политические журналы стремились откликнуться на животрепещущие вопросы современности, что вывело на авансцену тех авторов, кто полагал себя компетентным в проблемах европейской политики. Авторы журнальных публикаций стремились показать предпосылки и последствия образования Германской империи для Европы и России, роль в объединении Пруссии ее лидеров – короля Вильгельма I и канцлера Бисмарка. Но журнальных статей по германской проблематике было немного, выходили они не так уже и часто, но представление о текущих европейских событиях давали. Профессор Новороссийского университета *И.А. Ивановский* поместил обстоятельную статью в «Вестнике Европы» (1892) о соответствии деятельности Бисмарка принципам конституционализма.

На протяжении 1914–1917 гг. в журнале «Голос минувшего» выходили статьи будущего профессора БГУ *В.Н. Перцева* о деятельности прусско-германских государей, в 1918 г. объединенные под одной обложкой в книге «Гогенцоллерны» (1918). В предисловии к ней Перцев отмечал, что для современного читателя «личности и политическая деятельность прусско-германских государей представляют собой далеко не один только биографический интерес. Прусские короли и их наследники, и – германские императоры, – сумели согласовать свои личные стремления с некоторыми основными направлениями исторической жизни своей родины, и в

характерах наиболее выдающихся из их представителей мы видим отражение очень крупных течений прусско-германской истории».

И все-таки, несмотря на появление отдельных серьезных работ и рост числа журналистских публикаций, масштабы исследований не соответствовали тому вниманию, которое проявляло российское общество к Германии исходя из политических, социально-экономических, культурологических и иных мотивов. Исследователей, желавших заниматься историей отдельных германских образований, было мало. Объединение немцев под эгидой Пруссии в единую Германскую империю произошло всего за 45 лет до начала Первой мировой войны, поэтому у профессиональных историков, тех, кто хотел бы посвятить себя исследованию современных для того времени проблем германской истории, сдерживала недоступность архивных источников — документальные свидетельства эпохи еще не отложились в архивах, в которых исследователи были приучены работать.

Изучение истории Франции в российской дореволюционной историографии

Новыми именами (Б.Н. Чичерин, В.И. Герье, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, Г.Е. Афанасьев, П.Н. Ардашев, А. М. Ону, А.А. Боровой, Е.В. Тарле, В.А. Бутенко, Э.Д. Гримм, Н.И. Кулябко-Корецкий, Е.И. Утин, Н.А. Осокин, И.Н. Бороздин В.Ф. Дерюжинский, В.А. Бутенко, П.А. Кропоткин, П.Г. Мижуев и др.) прирастало франковедение. Бурные события во Франции оказали большое влияние на политические процессы в странах Европы. Ее история открывала широкий простор для изысканий: через раскрытие явлений, определявших особенности политической и социально-экономической эволюции Франции, российские историки пытались объяснить общеевропейские закономерности развития.

Одно из первых мест в числе исследователей «старого порядка» занимает *Павел Николаевич Ардашев* (1865–1924). Основные научные интересы Ардашева были связаны с исследованием провинциальной администрации во Франции в царствование Людовика XVI – последнюю пору «старого порядка», предшествовавшую революции. Результатом его двухгодичной командировки во Францию стало объемное, почти в 1400 страниц, двухтомное исследование «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка». За первый том Ардашеву присвоили степень магистра и премию имени С. М. Соловьёва, за второй – степень доктора. Оба тома в совокупности Академия наук отметила Макарьевской премией.

Провинциальную администрацию Ардашев изображает на общем фоне дореволюционной Франции, что дало основание Н.И. Карееву назвать этот труд «целой энциклопедией в отношении старого порядка». Ардашев показал, что в эволюции дореволюционной Франции следует различать различные этапы развития и особенности отдельных территорий, поскольку в «старом порядке» проходили перемены, «совершалась внутренняя эволюционная работа». Она проходила не столько в результате проводимых реформ и введения новых законодательных норм, сколько вследствие не зависящих от законодателя фактических изменений в самом порядке вещей: «законы были все те же, но не те порядки; те же учреждения, да люди другие». «Другие» – это значит проникнувшие духом просвещения. В отличие от предшествовавших ему исследователей, Токвиля, например, Ардашев показал французскую провинцию не инертной и застывшей, а склонной к умственной жизни и прогрессу. В оценке В.П. Бузескула, «по полноте и широте исследования, по документальности и массе нового “Провинциальные интенданты” П.Н. Ардашева не имели себе равного труда даже во французской литературе». Содержание первого тома труда Ардашева изложил в виде резюме французский журнал «Revue d’histoire modern et contemporaine», а второй том был в полном виде переведен на французский язык (1909).

Ученик Н.И. Кареева приват-доцент Санкт-Петербургского университета *Александр Михайлович Ону* создал ряд трудов об истории предреволюционной Франции. В монографии о наказах третьего сословия он обратился к анализу исторической обстановки в стране накануне выборов 1789 г. в Генеральные Штаты. Историк задался целью выяснить, насколько достоверно наказы отражают настроения различных сословий накануне переворота. Обращаясь к наказам крестьян, он установил, что деятельное участие в их составлении принимали священники и судейские чиновники, вообще образованные люди. Ону пришел к выводу, что, преломившись сквозь призму мирозерцания редакторов из числа «умных господ», наказы утратили под политической фразеологией настоящие мысли и подлинные чувства тех избирателей, от имени которых они составлялись. Но Ону склонен находить в наказах и позитивную сторону: «если брать наказы шире и уметь при этом читать иногда между строк, то окажется, что они удивительно верно отразили сущность той работы, которая происходила во французских умах, и то направление, которое принимала их воля накануне великого переворота». И.В. Лучицкий признал книгу Ону «одним из самых выдающихся трудов по истории Франции XVIII в.», а Академия наук удостоила его премии.

Одним из тех, кто своими историческими трудами внес крупный вклад в изучение французской истории эпохи «старого порядка», был *Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935)*. Он по окончании в 1898 г. юридического факультета Московского университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию, в 1902–1911 гг. являлся приват-доцентом по кафедре административного права Московского университета, одновременно читал лекции в нескольких учебных заведениях Москвы. В 1903–1905 гг. работал во французских архивах. В конце 1910 г. был привлечён к судебной ответственности за выпуск анархистских изданий и собственной брошюры «Революционное мирозерцание» и вынужден был эмигрировать во Францию, где жил до конца 1913 г. Читал лекции в Свободном коллеже социальных наук и в эмигрантском рабочем университете. Вернулся в Россию после амнистии, данной политэмигрантам по случаю 300-летия дома Романовых.

Основной труд Борового – написанная на основе архивных материалов книга «История личной свободы во Франции». Боровой рассмотрел историю личной свободы через эволюцию законодательных актов, принятых во Франции с середины XVII до переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.). Боровой тщательно разобрал роль парламента, работу тюрем и разрушительную роль угнетения личной свободы при Людовике XVI. Далее Боровой концентрирует внимание на событиях, имевших важное значения для законодательного закрепления прав французских граждан. Ими он считает наказы, рассмотренные Генеральными Штатами в 1789 г., конституции 1791 и 1793 гг. и практику их применения в области защиты личной свободы. Во 2-й части книги подробно исследована работа Конвента

и Директории. В целом Боровой наглядно представил эволюцию идеи личной свободы во Франции, ее отражение в законодательных актах.

В работах российских исследователей большое место занимала разработка вопроса об аграрных отношениях накануне и во время французской революции XVIII в. *Николай Иванович Кареев (1850–1931)* в книге о крестьянах и крестьянском вопросе во Франции в последней четверти XVIII столетия, подробно описал положение французского крестьянства, показал его расслоение, охарактеризовал аграрное законодательство в годы революции, утверждал, что мелкая крестьянская собственность во Франции возникла в результате революции.

К вопросу о крестьянском землевладении накануне и во время революции XVIII в. обратился *Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918)*. Он в течение 20 лет, с 1894 г. и вплоть до начала Первой мировой войны, ежегодно приезжал во Францию для работы в архивах. Он обследовал более 20 провинциальных архивов, собрал и сделал достоянием науки огромное количество неизданных документов. Итогом стала публикация нескольких книг и статей. Труды Лучицкого были хорошо известны во Франции, многие его книги были переведены на французский язык и заслужили высокую оценку французских учёных.

На основе податных списков, кадастров, описей и актов продажи Лучицкий доказывал распространенность крестьянского землевладения еще до революции. По вычислениям Лучицкого, в большинстве провинций крестьяне владели $\frac{1}{3}$, а в некоторых местностях даже $\frac{3}{5}$ земли. Перед революцией, как выяснил Лучицкий, шло не уменьшение крестьянской собственности, а ее рост при одновременном увеличении раздробленности. Не было ни одной группы крестьянства, даже самой бедной, которая не владела бы клочком земли. Дворянство имело около $\frac{1}{3}$, а духовенство – около $\frac{1}{10}$ земельных площадей, при этом дворянство стремилось увеличить свои доходы за счет платы с держателей земли. По Лучицкому, революция, хотя не помешала переходу части собственности в руки крестьян, но и не решила земельный вопрос: не была использована возможность помочь безземельной и малоземельной массе сельского населения.

Вслед за Н.И. Кареевым и И.В. Лучицким проблемой земельной собственности во Франции занялся *Максим Максимович Ковалевский (1851–1916)*. Ковалевскому принадлежат фундаментальные труды «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», «Происхождение современной демократии» (в 4 томах), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (в 3 томах), «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (в 3 томах).

К проблеме крестьянского вопроса во Франции накануне и во время Французской революции Ковалевский обращался в ряде трудов. Кроме указанного выше «Происхождения современной демократии», выделяются «Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции», а также серия статей в «Вестнике Европы», объединенная общим заглавием «Очерки

социального быта Франции». Ковалевский вёл длительную полемику с Лучицким по вопросу о крестьянском землевладении во Франции конца XVIII века. Ковалевский считал крестьянский вопрос коренным во французской общественной жизни того времени, в решении которого речь идет о «сохранении или упразднении сеньориальных прав и крепостных отношений». В отличие от Лучицкого он считал, что большая часть земли во Франции до революции находилась в руках короля, духовенства и дворянства, причём с течением времени обеспеченность крестьян землёй не возрастала, а, наоборот, сокращалась. Большинство французских крестьян до революции, доказывал Ковалевский, принадлежало к категории не собственников, а арендаторов чужой земли. Как и Кареев он, возражая Лучицкому, отвергал положение о широком распространении в дореволюционной Франции мелкой крестьянской собственности. По мнению Ковалевского, мелкая крестьянская собственность перед революцией была незначительной. Процесс перераспределения земельной собственности имел место, но обезземеливание дворян и крестьян, шло в пользу буржуазии. Тем более во время революции большинство проданных с торгов земель церкви перешло к прежним арендаторам из средней и крупной буржуазии. Но ликвидация феодальных отношений, распродажа национальных имуществ и раздел общинных земель демократизировали поземельную собственность. Французская революция, утверждал Ковалевский, «рассекла гордиев узел упразднением феодальной системы и зависимого крестьянского землепользования».

Наиболее глубокое обобщение социальных и политических предпосылок Французской революции конца XVIII в. и характеристика ее начального этапа нашли воплощение в труде *Максима Максимовича Ковалевского* «Происхождение современной демократии», вышедшем в 4-х томах в 1895–1897 годах. Три тома посвящены предшествовавшему Французской революции периоду и ее первым двум с половиной годам – до принятия Людовиком XVI конституции 1791 г. и роспуска Учредительного собрания. 4-й том представляет собой отдельную монографию о падении Венецианской аристократической республики. Завершающий, 5 том книги, содержащий материалы по истории Первой республики, не сохранился: при подавлении вооруженного восстания в Москве он сгорел вместе с типографией Сытина, в которой печатался.

На историческом фоне реалий «старого порядка» Ковалевский охарактеризовал политический и социальный строй Франции накануне революции, место в нем «владельческих и невладельческих» сословий, «правлящих классов и классов подвластных», показал негативную роль сеньориального права и его влияние на экономическое и социальное положение крестьянства, выявил специфику тормозившего развитие экономики цехового устройства и зарождение свободной от цеховых ограничений промышленности, оценил законодательство по крестьянскому и рабочему вопросу и отразил идеологическую борьбу, рассмотрев общественные и политические доктрины, в том числе «демократической

монархии», социальные и экономические теории, полемику по крестьянскому и рабочему вопросу в литературе и наказах 1789 г. Он осветил процесс выработки конституции 1791 г., принятия Декларация прав человека и гражданина. Рассмотрение этих и многих других ключевых вопросов дало возможность Ковалевскому показать реальные результаты революционного перехода от сословного представительства к народному: ликвидацию средневекового сословного и имущественного строя, падение сеньориального права и местных привилегий, переворот в собственности и секуляризацию церковных земель, новые отношения законодательной и исполнительной властей. Бегство Людовика XVI в Варенн привело к важнейшим политическим последствиям – принятию королем конституции 1791 г. и роспуску Национального собрания. Этими событиями завершается исследование Ковалевского.

Причину Французской революции конца XVIII века Ковалевский усматривал в провалах политики Людовика XVI и его правительства, которые не смогли осуществить назревшие в стране реформы. Ковалевский полагал, что главные события в идейно-политической и социальной сфере происходили в 1789–1790 гг.: именно в начале революции был уничтожен абсолютизм и весь феодальный уклад. Юридическим воплощением завоеваний этого периода революции стала конституция 1791 года. Как полагал Ковалевский, она отразила противоречие между республиканским содержанием и монархической формой. В целом Ковалевский видел значение Французской революции в том, что она дала мощное ускорение конституционному процессу, именно под ее влиянием зародилась европейская демократия.

Труды, рассматривающие общий ход истории Французской революции конца XVIII века в дореволюционной историографии немногочисленны. Первым из русских университетских историков начал изучать Французскую революцию *Владимир Иванович Герье (1837–1919)*. Эта тема не была для него случайной, наоборот, она прошла через всю его творческую жизнь. Лекции по истории Французской революции Герье впервые прочитал в 1869 г. В 1877 г. он опубликовал в петербургском ежегоднике «Сборник государственных знаний» статью «Республика или монархия установится во Франции?».

В ней Герье показал неспособность французской монархии завершить борьбу с феодализмом в политической области и нейтрализовать дальнейшее его преобладание в социальной сфере. Вследствие этого «старая Франция достигла в конце XVIII века того момента, когда под феодальным покровом незаметно созрел совершенно новый организм». Другими словами, революция стала неизбежным следствием предшествовавшего хода французской истории. Герье уже в ранних работах считал Французскую революцию «одним из замечательнейших памятников на пути человечества к гражданскому прогрессу». Революция являлась «местным результатом европейской культуры XVIII века», она «была катастрофой феодального порядка» и в то же время «довершением централизации и объединения

Франции», наконец, «ее декларация прав сделалась великой хартией европейской демократии».

Герье в статьях, объединенных в книгу «Идея народовластия и Французская революция», проследил, как во Франции в идеологии Просвещения возникла идея народовластия, почему она нашла именно в этой стране благоприятную почву для развития и как ее народному признанию и успеху содействовала неспособность монархии вовремя провести антифеодальные реформы. Герье полагал, что главное объяснение революции заключено в распространении идеи народовластия: с одной стороны, она парализовала монархию и правительство, впадшие в нерешительность и беспомощность при возникновении революционной угрозы, с другой – увлекла и депутатов, и народные массы на революционный путь.

Но Французская революция отразилась не только на жизни современной Франции: она «сильно повлияла и на другие европейские государства, и потому история этих государств становится вполне понятна только в связи с историей французской революции». Но «поучительность французской революции, говорит дальше Герье, идет гораздо глубже. Никогда, может быть, в истории отвлеченные идеи не влияли так сильно на события, на людские действия, как в 18-м веке во Франции». (Замечу в скобках: и сам Герье в своем лекционном курсе чуть ли не половину времени отвел истории идей XVII–XVIII века, персонально остановившись на взглядах Гуго Гроция, Гоббса, Локка, Монтескье, Руссо Мабли и других мыслителей – И.Ч.). Французская революция стала также «политической школой», которая знакомит с «целым рядом политических форм, быстро друг друга сменяющих, но дающих возможность изучать политические типы и формы». Далее, «история французской революции знакомит нас с возникновением демократии», и до французской революции были известны две демократии – английская и швейцарская, но «впервые на почве Франции возникла та демократия, которая потом распространяется в других государствах, становится в настоящее время господствующим принципом». «Вот, заключает Герье, целый ряд крупных политических вопросов, которые представляет французская революция».

Французскую революцию Герье представлял как одну из возможных форм исторического движения. Пример Австрии, Португалии, Испании, полагал он, показал существование альтернативных возможностей организации отношений между обществом и властью. Наличие разных путей развития требует, призывал Герье, извлекать уроки из прошлого опыта. В предисловии к работе «Французская Революция 1789–1795 гг. в освещении И. Тэна» он предостерегал, имея в виду события 1905 г.: «Мы переживаем подобную же эпоху и нам может грозить подобное и даже худшее зло, чем то, которое обрушилось на французов в конце XVIII в., если мы повторим их политические заблуждения».

Начиная с 1885 г. в Санкт-Петербургском университете Николай Иванович Кареев читал курс лекций по истории стран Западной Европы в

Новое время, результатом которого стал семитомный труд «История Западной Европы в новое время», первый том которого вышел в 1892 г. В изложение исторического пути Западной Европы в Новое время, стержнем которого у Кареева выступает закономерный прогресс капиталистического производства с сопутствовавшими ему социальными антагонизмами, с одной стороны, и поступательная демократизация европейского общества, с другой, вписано политическое и социальное развитие Франции. Главы о Франции в IV и V томах «Истории Западной Европы в новое время», к которым Кареев, легли в основу книги «Политическая история Франции в XIX веке». В его концепции революция 1789 г. была победой непривилегированных слоев населения над старым дворянством и соединенным с ним духовенством. Республиканцы, стоявшие у власти в 1792–1799 гг., не сумели удержать ее в своих руках, а режим Первой империи Наполеона Бонапарта сделал невозможным свободное проявление в политике стремлений общественных классов.

Особое место в историографии Французской революции занимает имя крупнейшего теоретика анархизма *Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921)*. В его восприятии, «революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая все перестраивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия», но «история революции остается неполною и даже очень часто совершенно непонятною», возникает «целый ряд новых вопросов, обширных и сложных». Это в особенности касается «столкновений, происходивших на почве экономической». Историей Французской революции Кропоткин начал заниматься с 1878 г. Публикации нескольких десятков статей по различным ее аспектам завершились выходом в 1909 г. одновременно на французском, английском и немецком языках монографии «Великая французская революция. 1789–1793».

Рассмотрение истории Французской революции подвело Кропоткина к выводу о том, что в истории всякого народа неизбежно наступает такое время, когда существенное изменение во всем строе его жизни становится неизбежным. Так было во Франции в 1789 г.: королевский деспотизм и феодализм доживали свой век, надо было от них отказаться. Власть не воспользовалась возможностью реформ, вместо того, чтобы пойти навстречу новым требованиям, упорно сопротивлялась – в ответ началась революция. Ее результаты не ограничиваются переменами в одной только Франции, они состоят также в перемене основных начал политической жизни всех стран «образованного мира». Столетие после Революции конца XVIII в. характеризуется уничтожением крепостного права и его пережитков, ограничением самодержавной королевской власти и утверждением личной политической свободы, о которой не смели мечтать в XVIII в.

Заметное место тема Французской революции заняла в творчестве *Евгения Викторовича Тарле (1874–1955)*. Е.В. Тарле создал ряд трудов по истории Франции периода Революции конца XVIII века. Общую ее панораму в контексте европейской истории он представил в книге «Падение абсолютизма». Впервые в историографии подробно исследовал состояние

промышленности, положение и роль рабочего класса в политической борьбе в вышедшем в 1907 г. исследовании «Рабочие национальных мастерских во Франции в эпоху революции». Эта книга предварила более обстоятельную двухтомную монографию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». На ее основе в 1911 г. он защитил докторскую диссертацию. Первая часть этого труда рассматривает положение и роль рабочего класса в 1789–1791 гг., когда действовало Учредительное собрание, вторая касается, периода Первой республики 1792–1799 гг. Тарле воссоздал конкретную обстановку принятия Учредительным собранием в 1791 г. антирабочего закона Ле Шапелье, описал широко развернувшуюся в Париже стачечную борьбу как следствие обострившихся классовых противоречий между нарождавшимся пролетариатом и пришедшей к власти буржуазии. Тарле доказывал, что этот закон был принят буржуазией не из стремления покончить с корпорациями как пережитком феодализма, а с сознательной и вполне определенной целью, подавить стачечное движение предотвратить саму возможность возникновения каких бы то ни было рабочих организаций. Тарле отмечал наличие у рабочей массы отчетливого представления о своем месте в экономической жизни – «богатство хозяев создано трудом рабочих», а отсюда и о своих экономических нуждах, понимания связи материального положения с налоговым бременем, осознания несправедливости лишения рабочих избирательных прав. Отсюда вытекало стремление к профессиональной организации и экономической борьбе путем стачек. При этом, полагал Тарле, у рабочих отсутствовали «попытки выступить самостоятельно в области политической», поскольку политические интересы «были для них еще слишком большой и сложной абстракцией», к тому же им следовало считаться с «недостатком силы для борьбы».

Тарле отводит рабочим роль ведомой силы и в политических событиях свержения монархии в августе 1792 г.: «рабочие были орудием, но в то же время у них была своя совершенно определенная мысль, которая заставляла их всегда быть заодно с искавшими перемены режимами... им нужен был хлеб, которого они ждали теперь от республики, как прежде от короля, а потом от генерала Бонапарта», Точно так же в период борьбы между жирондистами и якобинцами «рабочие, бессильные, когда они действовали самостоятельно, покорно пошли за той из борющихся партий, которая посулила им если не прекращения безработицы, то хоть “дешевый хлеб”». С этих позиций Тарле рассматривает отношение рабочих к закону о максимуме. С его введением положение рабочих значительно ухудшилось: закон, устанавливал максимум заработной платы и привел к росту безработицы вследствие вызванной им дезорганизации экономической жизни. Поэтому рабочие «без тени протеста смотрели на казнь Робеспьера».

Таким образом, достижения российских новистов дали основание говорить о формировании «русской исторической школы». Свидетельством признания ее научных успехов являются высокие оценки зарубежных специалистов и публикация многих трудов за рубежом.

ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

План семинарских занятий

Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время

1. Соотношение историографии, источниковедения и методологии истории.
2. Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями.
3. Развитие представлений в историографии о Новой истории, ее периодах и этапах.

Исторические взгляды гуманистов

1. Предпосылки возникновения гуманистической историографии
2. Гуманистическая историография в Италии
3. Гуманистическая историография в Германии, Франции, Англии

Историческая мысль Англии середины XVII – начала XVIII в.

1. Влияние Английской буржуазной революции XVII в. на историографию.
2. Концепция исторического развития в трудах Дж. Уинстенли
3. Генезис и развитие государственности в сочинении Т. Гоббса «Левиафан».
4. Дж. Локк и его влияние на историографию.

Исторические взгляды Просветителей XVIII в.

1. Исторические взгляды французских просветителей.
2. Исторические взгляды американских Просветителей.
3. Общественно-исторические идеи немецких Просветителей.
4. Исторические взгляды английских Просветителей

Консервативно-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.

1. Сущность и направления консервативной идеологии.
2. Критика Э. Бёрком просветительских теорий XVIII в.
3. Оценка Ж. де Местром эпохи Реформации, философии Просвещения и Французской революции
4. Теория органического развития общества в творчестве К. Савиньи. «Государственная школа» Л. фон Ранке.

Либерально-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.

1. Французская либерально-романтическая историография.
2. Гейдельбергская школа в Германии.

Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.

1. Позитивизм как общенаучная методология научного познания.
2. Позитивистская методология в исторических исследованиях. Историки-позитивисты в Великобритании, Франции, Германии.
3. Баденская школа.

Возникновение и развитие марксистской историографии

1. Материалистическое понимание истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.
2. Социал-демократическая историография.

«Русская историческая школа» Новой истории

1. Становление преподавания Новой истории в российских университетах.
2. Издание курсов лекций и обобщающих работ по Новой истории.
3. Первые российские историки-новисты.

Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии

1. Изучение социально-политической истории и политических учреждений Великобритании.
2. Изучение социально-экономической истории Великобритании.
3. Изучение колониальной и внешней политики Великобритании.
4. Изучение социальных движений в Великобритании.

Изучение истории Германии в российской дореволюционной историографии

1. Проблемы германской и французской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева.
2. Изучение политической и социальной истории Германии.
3. Изучение аграрного вопроса Германии.
4. Изучение внешней политики германских государств

Изучение истории Франции в российской дореволюционной историографии

1. Французская история в трудах Т.Н. Грановского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева.
2. Реформационное движение и аграрные отношения в трудах И.В. Лучицкого.
3. Изучение Великой французской революции конца XVIII вв.
4. Исследование политических движений Франции

Изучение истории США и британских переселенческих колоний в российской дореволюционной историографии

1. Изучение британской колониальной политики
2. Колониальный период в истории США в трудах российских историков.
3. Первые обобщающие истории Соединенных Штатов Америки А. В. Бабина и П. Г. Мижужева.
4. М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, И. А. Гурвич как американисты.
5. Изучение государственного устройства британских доминионов.

РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Примерный перечень вопросов к зачету

1. Предмет историографии новой истории. Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями. Основные труды и пособия по дисциплине.
2. Хронология и периодизация в истории. Развитие представлений о новой истории, ее периодах и этапах.
3. Гуманистическая историография. Предпосылки возникновения. Отношение гуманистов к античной культуре. Критика средневекового провиденциализма. Складывание антропоцентрической картины мира.
4. Гуманистическая историография в Италии.
5. Гуманистическая историография в странах Западной Европы.
6. Историческая мысль Англии XVII в. Концепция исторического развития в трудах Дж.Уинстенли. Генезис и развитие государственности в сочинении Т.Гоббса «Левиафан».
7. Социально-политические условия возникновения и развития исторических взглядов в эпоху Просвещения. Общая характеристика историографии эпохи Просвещения.
8. Историография Англии эпохи Просвещения.
9. Исторические взгляды французских Просветителей.
10. Исторические взгляды американских Просветителей.
11. Исторические взгляды немецких Просветителей.
12. Консервативно-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.
13. Французская либерально-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.
14. Немецкая либеральная историография XIX в. Гейдельбергская школа.
15. Разработка О.Контом позитивистской парадигмы как общенаучной методологии научного познания. Возникновение и развитие позитивистской историографии.
16. Английская историография второй половины XIX в. Историки-позитивисты.
17. Французская историография второй половины XIX в. Историки-позитивисты.
18. Баденская школа в Германии: В. Виндельбанд, Г. Риккерт.
19. Возникновение и развитие марксистской историографии. Немецкая социал-демократическая историография.
20. Развитие американской историографии в XIX – начале XX в.
21. Становление изучения всеобщей истории в Российской империи.
22. «Русская историческая школа» Новой истории и ее основные представители.

23. Изучение Франции эпохи «старого порядка» в дореволюционной российской историографии.
24. Изучение Французской революции конца XVIII века в дореволюционной российской историографии.
25. Изучение социально-политической истории Франции первой половины XIX века в дореволюционной российской историографии.
26. Исследования по истории Германии Нового времени в дореволюционной российской историографии.
27. Изучение социально-экономической истории Великобритании в дореволюционной российской историографии.
28. Изучение политической истории и государственных институтов Великобритании в дореволюционной российской историографии.
29. Изучение внешней политики Великобритании в дореволюционной российской историографии.
30. Изучение социально-экономической и политической истории США в дореволюционной российской историографии.
31. Изучение истории британских доминионов в дореволюционной российской историографии.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

УТВЕРЖДАЮ

Ректор

_____ А.И.Жук

«__»_____ 2024 г.

Регистрационный № УД-_____/уч.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Учебная программа учреждения высшего образования по учебной
дисциплине для специальностей:

1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины

1-02 01 02 История и мировая художественная культура

1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа

2024 г.

Учебная программа составлена на основе образовательного стандарта 3+ по специальностям: 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины, 1-02 01 02 История и мировая художественная культура, 1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа (утв. 20.04.2022 Постановлением министерства образования №85) и учебных планов специальностей 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины (утв. 15.07.2021 регистрационный № 016-2021/у), 1-02 01 02 История и мировая художественная культура (утв. 15.07.2021 регистрационный № 017-2021/у), 1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа (утв. 15.07.2021 регистрационный № 018-2021/у)

Составитель:

И.Р.Чикалова, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории, доктор исторических наук, профессор

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Н.Е.Орлова, доцент кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент;

А.Ф.Ратько, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов БГПУ, кандидат исторических наук, доцент

СОГЛАСОВАНО:

Директор ГУО «Средняя школа № 86 г. Минска имени Фомы Занько»
_____ А.А.Сребняк

Рекомендована к утверждению:

Кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории
(Протокол № от 26.03.2024 г.)

Заведующий кафедрой

В.А.Йоцюз

Научно-методическим советом БГПУ
(Протокол № от 2024 г.)

Оформление учебной программы и сопровождающих её материалов действующим требованиям Министерства образования Республики Беларусь соответствует

Методист учебно-методического
отдела БГПУ

А.В.Виноградова

Директор библиотеки

Н.П.Сятковская

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебная дисциплина «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» предусмотрена образовательным стандартом и типовым учебным планом подготовки студентов по специальностям 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины, 1-02 01 02 История и мировая художественная культура, 1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа. Она отражает основные тенденции и содержание развития исторической науки, ориентирует студентов на изучение процесса развития исторической мысли и накопления исторических знаний, зафиксированных в исторических памятниках и трудах.

Место учебной дисциплины в системе подготовки специалиста, определяется тем, что:

- Историография истории стран Европы и Америки в Новое время является важнейшей составляющей истории исторической мысли;
- историография истории стран Европы и Америки в Новое время находится в связи с другими учебными дисциплинами (методологией исторической науки, философией и др.).
- знание историографии истории стран Европы и Америки в Новое время расширяет кругозор специалиста, делает более продуктивной деятельность в профессиональной сфере.

Целью дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» является формирование у студентов знаний о методологических и мировоззренческих аспектах основных направлений в историографии, об особенностях и приоритетах национальных историографических школ в новое и новейшее время.

Реализация названной цели связана с решением следующих **задач**:

- изучить эволюцию методологических принципов исторического познания в Новое время;
- изучить исторические взгляды представителей основных научных школ эпохи Нового времени;
- изучить основные направления развития национальных историографий в эпоху Нового времени.

Учебная дисциплина «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» связана такими дисциплинами учебного плана, как «Новая история стран Европы и Америки (вторая половина XVII – начало XIX в.)», «Новая история стран Европы и Америки (начало XIX в. – 1918 г.)», «Историография истории стран Европы и

Америки в Новейшее время», «Методология исторической науки», «Историография истории России и Украины».

Изучение учебной дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» должно обеспечить формирование у студентов следующих академических, социально-личностных и профессиональных компетенций.

Требования к академическим компетенциям.

Студент должен:

УК-1 Осуществлять поиск, анализ и оценку информации, необходимой для постановки и решения задач исследовательской деятельности.

БПК-12 (для специальности 1-02 01 01 История и обществоведческие дисциплины); БПК-13 (для специальностей 1-02 01 02 История и мировая художественная культура, 1-02 01 03 История и экскурсионно-краеведческая работа) Выделять основные периоды, тенденции, закономерности и научные школы в развитии научной мысли по актуальным проблемам исторической науки Нового и Новейшего времени.

В результате изучения учебной дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» студент должен **знать**:

- основные направления развития историографии истории стран Европы и Америки в Новое время;
- содержание и особенности концепций исторического развития различных исторических школ стран Европы и Америки в Новое время;
- основные дискуссионные проблемы в историографии нового времени.

В результате изучения учебной дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» студент должен **уметь**:

- анализировать историографическую литературу по основным проблемам и темам;
- давать объективные оценки развитию историографии различных стран в Новое время;
- использовать знания по историографии стран Европы и Америки в Новое время для формирования концептуальных подходов и оценок;
- анализировать труды историков по истории отдельных народов и стран и использовать их материалы в процессе преподавания всеобщей истории в вузах и учреждениях общего среднего образования.
- излагать приобретенные знания в виде письменных и устных сообщений.

В результате изучения учебной дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» студент должен **владеть**:

- методами сравнительного анализа и обобщения, постановки цели и выбора путей ее достижения, построения логически верной, аргументированной устной и письменной речи;
- навыками работы с информацией из различных видов источников для решения профессиональных задач.

Дисциплина «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» предусматривает ознакомление с концептуальными подходами научных школ и выдающихся представителей исторической науки к осмыслению явлений и событий истории, а также – со взглядами крупнейших историков, стоявших у истоков новых направлений в историографии или обогативших ее новыми методологическими подходами. Страноведческий принцип соблюдается в отношении ведущих государств, где сформировались крупные и известные историографические направления и школы.

Учебная программа составлена на основе новейших достижений в области истории исторической науки, опирается на научные принципы историзма, объективности. Объем и характер предлагаемого учебной программой учебного материала предполагает овладение им как через лекционные и семинарские занятия, так и в форме управляемой самостоятельной работы студентов.

Всего на изучение учебной дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время» учебным планом для дневной формы получения образования для специальностей «История и обществоведческие дисциплины», «История и мировая художественная культура», «История и экскурсионно-краеведческая работа» отводится 100 часов, из которых аудиторных – 48 (14 лекционных, 34 семинарских); на самостоятельную работу отводится 52 часа. На управляемую самостоятельную работу по учебной дисциплине отводится 6 часов, из них 2 часа лекций, 4 часа семинарских занятий.

На изучение учебной дисциплины на заочной форме получения образования для специальности «История и обществоведческие дисциплины» отводится 12 аудиторных часов. Распределение аудиторных часов по видам занятий: 4 часа лекций, 8 часов семинарских занятий.

Промежуточная аттестация проводится в соответствии с учебными планами по специальностям в форме зачета в 7 семестре в дневной форме получения образования, на 4 курсе в заочной форме получения образования. Формы получения высшего образования – дневная и заочная.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЮДЖЕТА УЧЕБНОГО ВРЕМЕНИ

Название учебной дисциплины	Семестр	Количество часов учебных занятий				Управляемая самостоятельная работа студентов	Самостоятельная (внеаудиторная) работа	Форма текущей аттестации
		всего	аудиторных	Из них				
				лекции	семинарские			
Историография истории стран Европы и Америки в Новое время	7	100	48	12	30	6 (2 л., 4 с.)	52	зачет

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Тема 1. Введение. Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время

Соотношение историографии, источниковедения и методологии истории. Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями. Содержание дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время». Развитие представлений в историографии о Новой истории, ее периодах и этапах. Основные труды и учебные пособия по историографии истории стран Европы и Америки в Новое время.

Тема 2. Исторические взгляды гуманистов

Предпосылки возникновения гуманистической историографии. Влияние развития капиталистического уклада в XV—XVII вв., великих географических открытий и успехов науки на представления о ходе всемирной истории. Отношение гуманистов к античной культуре. Критика гуманистами средневекового провиденциализма. Складывание антропоцентрической картины мира. Гуманистическая историография как первый этап развития буржуазной исторической мысли.

Риторическое флорентийское направление в историографии. Л. Бруни. Характеристика движущих сил развития и политической системы в труде «О Флорентийском государстве». Риторическая школа о проблеме периодизации всемирной истории.

Эрудитская, или критическая, школа. Разработка принципов источниковедения. Значение трактата Л. Валла «Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина» для выработки методов критики источников.

Политическая школа. Исторические, политические и социологические взгляды. Н. Макиавелли в трактатах «Государь» и «История Флоренции».

Гуманистическая историография в странах Западной Европы. Ж. Боден и его трактат «Метод легкого познания истории». Идея борьбы между трудящимися и угнетателями в творчестве С. Франка. Исследование социально-экономического развития и политического строя Англии в «Утопии» Т. Мора.

Тема 3. Историческая мысль Англии середины XVII – начала XVIII в.

Влияние Английской буржуазной революции XVII в. на историографию. Оживление общественной мысли в эпоху революции. Концепция исторического развития в трудах Дж. Уинстенли «Знамя, поднятое истинными левеллерами» и «Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления». Генезис и развитие государственности в сочинении Т. Гоббса «Левиафан». Политическая программа английского Просвещения в трудах Дж. Локка. Влияние Дж. Локка на историографию.

Тема 4. Исторические взгляды Просветителей XVIII в.

Французские Просветители. Кризис феодализма и теория естественного права. Исторические и социологические взгляды Ш. Монтескье. Обличение абсолютизма в «Персидских письмах». Идея разделения законодательной, исполнительной и судебной властей как предпосылки построения правового государства в книге «Размышления о причинах величия и падения римлян». Развитие концепции всемирной истории и определение роли географической среды в труде «О духе законов».

Вольтер как историк. Его труды: «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «Обзор века Людовика XV», «История России в царствование Петра Великого», «Опыт о нравах и духе народов и о главнейших исторических событиях». Предмет исторической науки, отказ от европоцентризма и попытка создать всемирную историю, проблема достоверности исторической науки, создание начал социальной истории, трактовка европейского средневековья, идея общественного прогресса, просвещенный абсолютизм как путь переустройства общества.

Ж.Ж. Руссо и уравнилельное направление в просветительском лагере. Его взгляды на генезис государства и переустройство общества в работах «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре».

Физиократы о всемирной истории. А. Тюрго.

Американские Просветители. Просвещение как идеология Американской революции. Б. Франклин о праве североамериканских колоний на независимость, характере войн, сущности первобытно-общинного строя и правах индейцев, аморальности рабства.

Т. Джефферсон и создание «Декларации независимости». Определение в этом документе социально-политических основ человеческого общества на основе естественно-правовой теории.

Труды Т. Пейна «Здравый смысл», «Американские кризисы». Концепция возникновения общества, закономерности стремления североамериканских колоний к независимости, политического устройства Америки.

Немецкие просветители. Общественно-исторические идеи немецких просветителей. Г. Лессинг. И. Гердер.

Тема 5. Консервативно-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.

Сущность и направления консервативной идеологии. Консервативно-романтическая историография. Критика Э. Бёрком просветительских теорий XVIII в. Апология «предрассудков» и ориентация на сохранение ценностей прошлого. Оценка Ж. де Местром эпохи Реформации, философии Просвещения и Французской революции как «духа бунта» против Бога, религии и тронов. Идея историзма в концепции Местра. «Историческая школа права». Теория органического развития общества в творчестве К. Савиньи. «Государственная школа» Л. фон Ранке. Провиденциализм как философская основа его трудов. Освящение борьбы «национальных существований», европоцентризм и превознесение западной цивилизации как единственной культурно-исторической ценности.

Тема 6. Либерально-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.

Французская либерально-романтическая историография. Социальные последствия норманского завоевания; возникновение классов и классовой борьбы, развитие и роль третьего сословия в трудах О. Тьерри, Ф. Минье, А.Тьера, Ф. Гизо.

Гейдельбергская школа в Германии. Ф. Шлоссер и его «Всемирная история для немецкого народа». Оценка В. Циммерманом Крестьянской войны в Германии как буржуазной революции.

Тема 7. Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.

Позитивизм. Предпосылки возникновения философии позитивизма. Разработка О. Контом позитивистской парадигмы как общенаучной методологии научного познания. Принцип детерминированности исторического процесса. Законы целостности (гармонии) и смены состояний человечества. Концепция цивилизационного развития как смены теологической, метафизической и позитивной форм коллективного сознания и организации общества. Позитивистская методология в исторических исследованиях. Позитивизм в Великобритании. Синтетическая философия Спенсера. «История цивилизации в Англии» Г. Бокля. Разработка экономической истории Т. Роджерсом и А. Тойнби. Позитивизм во Франции. А. Олар. А. Дебидур. И. Тэн. Позитивизм в Германии. Г. Шмоллер. Л. Brentano. К. Бюхер. К. Лампрехт.

Баденская школа. В. Виндельбанд, Г. Риккерт и дифференциация научного познания в «науках о культуре» и «науках о природе». Идиографический и номотетический методы как инструменты исторических исследований. Категория «ценность» в философии Баденской школы. М. Вебер и его концепция «идеального типа».

Тема 8. Возникновение и развитие марксистской историографии

Материалистическое понимание истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Проблема закономерности исторического процесса. Концепция развития общества как процесса смены общественно-экономических формаций. Разработка Энгельсом понятия цивилизации и генезиса общественных форм (дикость – варварство – цивилизация). Проблематика марксистских исторических исследований. Изучение опыта Французской буржуазной революции конца XVIII в. К. Маркс и Ф. Энгельс о положении и роли пролетариата. Исследование революций 1848–1849 гг. и Парижской Коммуны. История капитализма в «Капитале» Маркса. Труды Энгельса по военной истории. Работы Энгельса по истории рабочего класса и крестьянства: «Положение рабочего класса в Англии», «Крестьянская война в Германии».

Социал-демократическая историография. П. Лафарг, Ж. Жорес, А. Бебель, Э. Бернштейн, Г.В. Плеханов, Ф. Меринг, К. Каутский.

Тема 9. «Русская историческая школа» Новой истории

Становление преподавания Новой истории в российских университетах. Издание курсов лекций и обобщающих работ по Новой истории. В.В. Бауер «Лекции по новой истории», М.Н. Петров «Лекции по всемирной истории», Н.И. Кареев «История Западной Европы в Новое время», «Общий курс истории XIX века». И.М. Кулишер «Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII до XVIII ст.», «Лекции по истории экономического быта Западной Европы». Учебники по истории Нового времени Р.И. Виппера, И.П. Реверсова и А.С. Трачевского.

Тема 10. Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии

Изучение политической мысли и политических институтов Англии. М.М. Ковалевский и А.Д. Градовский. М.Я. Острогорский и его труд «Демократия и политические партии». Исследование социально-экономической истории Англии И.И. Янжулом, И.И. Кауфманом, М.И. Туган-Барановским. Роль А.Н. Савина, И.Н. Граната, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского в изучении аграрной истории Англии. Проблемы британской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева. Труды по внешней политике Англии и российско-английским отношениям. Изучение британской колониальной империи, британских доминионов. П.Г. Мижуев. С.А. Корф. Публикация международных договоров и соглашений. В.Н. Александренко. Ф.Ф. Мартенс. Начало творческой деятельности Е.В. Тарле, его англоведческие труды. Народное образование Англии в работах П.Г. Мижуева.

Тема 11. Изучение истории Германии в российской дореволюционной историографии

Проблемы германской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева. Политическая и социальная история Германии в работах В.В. Бауера, В.П. Щеглова, В.В. Ивановского, А.К. Дживилегова, В.Н. Перцева, Е.А. Ефимовой, В.А. Базарова, С.Ф. Фортунатова, Н.С. Гольдина, П.А. Берлина. А. Трачевского, Л.В. Новгородцева, В.П. Бузескула. Изучение государственного строя Германии. Исследование В.К. Соколовым политики культуркампа. Труды Н.Я. Новомбергского, Г. Гроссмана о периодической печати. Народное образование в трудах Н.Х. Бунге, Н. Сперанского, А.А. Мусина-Пушкина, П.Г. Мижучева. Биографии политических деятелей (В. Ренненкамф, Е.И. Утин, Р.И. Сементковский, Л. Слонимский, Э.К. Пименова, М.А. Рейснер (Reus), Л. Берг. Государственное социальное страхование рабочих в освещении Е.М. Дементьева, Н.И. Сувиорова. Аграрный вопрос в трудах Н.А. Каблукова, М.И. Водовозова, Н.М. Величкина.

Тема 12. Изучение истории Франции в российской дореволюционной историографии

Французская история в трудах Т.Н. Грановского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, В.Н. Перцева. Реформационное движение и аграрные отношения в трудах И.В. Лучицкого. Изучение Великой французской революции конца XVIII вв. С.М. Соловьев о предыстории Французской революции. В.И. Герье, П.А. Кропоткин о Французской революции. Е.В. Тарле и его труд «Континентальная блокада». Политическая система страны в интерпретации А. Блока, В. Щеглова, Х.Г. Инсарова, Т.А. Богдановича, А.Ф. Быкова. Социальная структура и проблема личных прав и свобод в освещении В.Ф. Дерюжинского, Н.С. Русанова (Н.Е. Кудрина), А.А. Борового. Проблемы местного самоуправления в работах З.Д. Авалова, Н. Второва, В.В. Ивановского. Исследование политических движений П. Ардашевым и Н.И. Кулябко-Корецким. Либеральная партия в работе В.А. Бутенко. Труды о развитии периодической печати (Е.Смирнов, А.А. Раевский). П.Г. Мижучев об эволюции французских образовательных учреждений. Синдикальное движение как объект исследования. Публикация документов по трудовому и социальному законодательству.

Тема 13. Изучение истории США и британских переселенческих колоний в российской дореволюционной историографии

Преподавание американской истории в российских университетах. Изучение британской колониальной политики в работах российских ученых. Колониальный период в истории США в трудах российских историков. Первые обобщающие истории Соединенных Штатов Америки А.В. Бабина и П. Г. Мижучева. М.М. Ковалевский как американист. М. Я. Острогорский как американист. И. А. Гурвич как американист.

Первые сводные курсы истории Новой Зеландии, Австралии и Канады
П. Г. Мижужева. Изучение государственного устройства британских
переселенческих колоний С. А. Корфом. Изучение сельского хозяйства
Канады и Австралии в трудах Н. А. Крюкова.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

«Историография истории стран Европы и Америки в
Новое время» (дневная форма получения образования)

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов							
		Лекции	Практические занятия	Семинарские занятия	Управляемая самостоятельная работа	Самостоятельная (внеаудиторная) работа	Методические пособия, средства обучения	Литература	Форма контроля знаний
	7 семестр	12		30	6	52			зачет
1	Введение. Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время	2		2		4			
	1.Содержание дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время». 2.Соотношение историографии, источниковедения и методологии истории. 3.Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями. 4.Развитие представлений в	2		2		4	мультимедийная презентация	[1–3]	опрос

	историографии о Новой истории, ее периодах и этапах. Основные труды и учебные пособия по историографии истории стран Европы и Америки в Новое время.								
2	Исторические взгляды гуманистов			2		4		[1–3]	
	1.Предпосылки возникновения гуманистической историографии 2.Гуманистическая историография в Италии 3. Гуманистическая историография в Германии, Франции, Англии			2		4			опрос
3	Историческая мысль Англии середины XVII – начала XVIII в.			2		4			
	1.Влияние Английской буржуазной революции XVII в. на историографию. 2.Концепция исторического развития в трудах Дж. Уинстенли 3.Генезис и развитие государственности в сочинении Т. Гоббса «Левиафан». 4.Дж. Локк и его влияние на историографию.			2		4	мультимедийная презентация	[1–3]	опрос
4	Исторические взгляды Просветителей XVIII в.			4		4			
	1.Исторические взгляды французских просветителей. 2.Исторические взгляды американских			2		2	мультимедийная презентация	[2–3]	опрос

	Просветителей.								
	3.Общественно-исторические идеи немецких Просветителей. 4. Исторические взгляды английских Просветителей			2		2	мультимедийная презентация	[2–3]	опрос
5	Консервативно-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.			2		4			
	1.Сущность и направления консервативной идеологии. 2.Критика Э. Бёрком просветительских теорий XVIII в. 3.Оценка Ж.де Местром эпохи Реформации, философии Просвещения и Французской революции 4.Теория органического развития общества в творчестве К. Савиньи. «Государственная школа» Л. фон Ранке.			2		4	мультимедийная презентация	[1–3]	опрос
6	Либерально-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.			2		4			
	1.Французская либерально-романтическая историография. 2. Гейдельбергская школа в Германии.			2		4	мультимедийная презентация	[1–3]	опрос
7	Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.	2		2		4			
	1.Позитивизм как общенаучная методология научного познания.	2		2		4	мультимедийная презентация	[1–3]	опрос

	2. Позитивистская методология в исторических исследованиях. Историки-позитивисты в Великобритании, Франции, Германии. 3.Баденская школа.								
8	Возникновение и развитие марксистской историографии			2		4			
	1.Материалистическое понимание истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. 2.Социал-демократическая историография.			2		4	мультимедийная презентация	[1–3]	опрос
9	«Русская историческая школа» Новой истории	2		2		4			
	1.Становление преподавания Новой истории в российских университетах. 2.Издание курсов лекций и обобщающих работ по Новой истории. 3. Первые российские историки-новисты.	2		2		4	мультимедийная презентация	[1–5]	опрос
10	Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии	2		2	2 (с.)	4			
	1.Изучение социально-политической истории и политических учреждений Великобритании. 2.Изучение социально-экономической истории Великобритании. 3. Изучение внешней политики Великобритании.	2		2	2 (с.)	4	мультимедийная презентация	[4–5]	рефераты

	4.Изучение социальных движений в Великобритании.								
11	Изучение истории Германии в российской дореволюционной историографии	2		2	2 (с.)	4			
	1. Проблемы германской и французской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева. 2.Изучение политической и социальной истории Германии. 3. Изучение аграрного вопроса Германии. 4.Изучение внешней политики германских государств	2		2	2 (с.)	4		[6–7]	рефераты
12	Изучение истории Франции в российской дореволюционной историографии	2		2		4			
	1. Французская история в трудах Т.Н. Грановского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева. 2. Реформационное движение и аграрные отношения в трудах И.В. Лучицкого. 3. Изучение Великой французской революции конца XVIII вв. 4. Е.В. Тарле и его труд «Континентальная блокада». 5. Исследование политических движений Франции	2		2		4	мультимедийная презентация	[8]	опрос
13	Изучение истории США и британских переселенческих колоний в российской дореволюционной историографии			4	2 (л.)	4			
	1.Изучение британской колониальной политики			2	(2 л.)	2	мультимедийная презентация	[9–12]	опрос

	2. Колониальный период в истории США в трудах российских историков. 3. Первые обобщающие истории Соединенных Штатов Америки А. В. Бабина и П. Г. Мижучева. 4. М. М. Ковалевский как американист. М. Я. Острогорский как американист. И. А. Гурвич как американист.								
	5. Первые сводные курсы истории Новой Зеландии, Австралии и Канады. 6. Изучение государственного устройства британских доминионов С. А. Корфом.			2		2	мультимедийная презентация	[4–5]	опрос
	Всего часов по учебной дисциплине	12		30	6	52			зачет

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ»
(заочная форма получения образования)

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов			Методические пособия, средства обучения	Литература	Форма контроля знаний
		Лекции	Практические занятия	Семинарские занятия			
		4		8			Зачет
	Введение. Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время	2					
1	1.Содержание дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время». 2.Соотношение историографии, источниковедения и методологии истории. 3.Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями. 4.Развитие представлений в историографии о Новой истории, ее периодах и этапах. Основные труды и учебные пособия по историографии истории	2			мультимедийная презентация	[1–3]	

	стран Европы и Америки в Новое время.						
2	Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.	2					
	1.Позитивизм как общенаучная методология научного познания. 2.Позитивистская методология в исторических исследованиях. Историки-позитивисты в Великобритании и Франции. 3.Баденская школа. 4.Возникновение и развитие марксистской историографии	2			мультимедийная презентация	[1–3]	
3	«Русская историческая школа» Новой истории			2			
	1.Становление преподавания Новой истории в российских университетах. 2.Издание курсов лекций и обобщающих работ по Новой истории. 3. Первые российские историки-новисты.			2	мультимедийная презентация	[1–5]	рефераты, опрос
4	Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии			2			
	1.Изучение социально-политической истории и политических учреждений Великобритании. 2.Изучение социально-экономической истории Великобритании. 3. Изучение внешней политики Великобритании. 4.Изучение социальных движений в Великобритании.			2	мультимедийная презентация	[4–5]	рефераты, опрос

5	Изучение истории Германии в русской историографии			2			
	1. Проблемы германской и французской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева. 2. Изучение политической и социальной истории Германии. 3. Изучение аграрного вопроса Германии. 4. Изучение внешней политики германских государств			2	мультимедийная презентация	[6–7]	рефераты, опрос
6	Изучение истории Франции в русской историографии			2			
	1. Французская история в трудах Т.Н. Грановского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева. 2. Реформационное движение и аграрные отношения в трудах И.В. Лучицкого. 3. Изучение Великой французской революции конца XVIII вв. 4. Е.В. Тарле и его труд «Континентальная блокада». 5. Исследование политических движений Франции			2	мультимедийная презентация	[8]	рефераты, опрос
	Итого:	4		8			зачет

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ
«ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ»

№ п/п	Название темы, раздела	Кол-во часов на СР	Задание	Форма выполнения
1	Введение. Предмет историографии истории стран Европы и Америки в Новое время	4	Соотношение историографии, источниковедения и методологии истории. Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями. Содержание дисциплины «Историография истории стран Европы и Америки в Новое время». Развитие представлений в историографии о Новой истории, ее периодах и этапах. Основные труды и учебные пособия по историографии истории стран Европы и Америки в Новое время.	Выполнение разноуровневых тестов. Презентация и обсуждение эссе.
2	Исторические взгляды гуманистов	4	Предпосылки возникновения гуманистической историографии. Влияние развития капиталистического уклада в XV—XVII вв., великих географических открытий и успехов науки на представления о ходе всемирной истории. Отношение гуманистов к античной культуре. Критика гуманистами средневекового провиденциализма. Складывание антропоцентрической картины мира. Гуманистическая историография как первый этап развития буржуазной исторической мысли. Риторическое флорентийское направление в историографии. Л. Бруни. Характеристика движущих сил развития и политической системы в труде «О Флорентийском государстве». Риторическая школа о проблеме периодизации всемирной истории. Эрудитская, или критическая, школа. Разработка принципов источниковедения. Значение трактата Л. Валла «Рассуждение о подложности	Презентация, обсуждение эссе. Коллоквиум

			так называемой дарственной грамоты Константина» для выработки методов критики источников. Политическая школа. Исторические, политические и социологические взгляды. Н. Макиавелли в трактатах «Государь» и «История Флоренции». Гуманистическая историография в странах Западной Европы. Ж. Боден и его трактат «Метод легкого познания истории». Идея борьбы между трудящимися и угнетателями в творчестве С. Франка. Исследование социально-экономического развития и политического строя Англии в «Утопии» Т. Мора.	
3	Историческая мысль Англии середины XVII – начала XVIII в.	4	Влияние Английской буржуазной революции XVII в. на историографию. Оживление общественной мысли в эпоху революции. Концепция исторического развития в трудах Дж. Уинстенли «Зная, поднятое истинными левеллерами» и «Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления». Генезис и развитие государственности в сочинении Т. Гоббса «Левиафан». Политическая программа английского Просвещения в трудах Дж. Локка. Влияние Дж. Локка на историографию.	Презентация и обсуждение эссе
4	Исторические взгляды Просветителей XVIII в.	4	Французские Просветители. Кризис феодализма и теория естественного права. Исторические и социологические взгляды Ш. Монтескье. Обличение абсолютизма в «Персидских письмах». Идея разделения законодательной, исполнительной и судебной властей как предпосылки построения правового государства в книге «Размышления о причинах величия и падения римлян». Развитие концепции всемирной истории и определение роли географической среды в труде «О духе законов». Вольтер как историк. Его труды: «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «Обзор века Людовика XV», «История России в царствование Петра Великого», «Опыт о нравах и духе народов и о	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.

			главнейших исторических событиях». Предмет исторической науки, отказ от европоцентризма и попытка создать всемирную историю, проблема достоверности исторической науки, создание начал социальной истории, трактовка европейского средневековья, идея общественного прогресса, просвещенный абсолютизм как путь переустройства общества. Ж.Ж. Руссо и уравнилельное направление в просветительском лагере. Его взгляды на генезис государства и переустройство общества в работах «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре». Американские Просветители. Просвещение как идеология Американской революции. Б. Франклин о праве североамериканских колоний на независимость, характере войн, сущности первобытно-общинного строя и правах индейцев, аморальности рабства. Т. Джефферсон и создание «Декларации независимости». Определение в этом документе социально-политических основ человеческого общества на основе естественно-правовой теории. Труды Т. Пейна «Здравый смысл», «Американские кризисы». Концепция возникновения общества, закономерности стремления североамериканских колоний к независимости, политического устройства Америки. Немецкие просветители. Общественно-исторические идеи немецких просветителей. Г. Лессинг. И. Гердер.	
5	Консервативно-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.	4	Сущность и направления консервативной идеологии. Консервативно-романтическая историография. Критика Э. Бёрком просветительских теорий XVIII в. Апология «предрасудков» и ориентация на сохранение ценностей прошлого. Оценка Ж. де Местром эпохи Реформации, философии Просвещения и Французской революции как «духа бунта» против Бога, религии и тронов. Идея историзма в концепции Местра. «Историческая школа права». Теория органического развития общества в творчестве К. Савиньи. «Государственная школа» Л. фон Ранке. Провиденциализм как философская основа его трудов. Освящение борьбы «национальных существований», европоцентризм и превознесение западной цивилизации	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.

			как единственной культурно-исторической ценности.	
6	Либерально-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.	4	Французская либерально-романтическая историография. Социальные последствия норманского завоевания; возникновение классов и классовой борьбы, развитие и роль третьего сословия в трудах О. Тьерри, Ф. Минье, А.Тьера, Ф. Гизо. Гейдельбергская школа в Германии. Ф. Шлоссер и его «Всемирная история для немецкого народа». Оценка В. Циммерманом Крестьянской войны в Германии как буржуазной революции.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.
7	Историческая наука второй половины XIX – начала XX в.	4	Позитивизм. Предпосылки возникновения философии позитивизма. Разработка О. Контом позитивистской парадигмы как общенаучной методологии научного познания. Принцип детерминированности исторического процесса. Законы целостности (гармонии) и смены состояний человечества. Концепция цивилизационного развития как смены теологической, метафизической и позитивной форм коллективного сознания и организации общества. Позитивистская методология в исторических исследованиях. Позитивизм в Великобритании. Синтетическая философия Спенсера. «История цивилизации в Англии» Г. Бокля. Разработка экономической истории Т. Роджерсом и А. Тойнби. Позитивизм во Франции. А. Олар. А. Дебидур. И. Тэн. Позитивизм в Германии. Г. Шмоллер. Л. Брентано. К. Бюхер. К. Лампрехт. Баденская школа. В. Виндельбанд, Г. Риккерт и дифференциация научного познания в «науках о культуре» и «науках о природе». Идиографический и номотетический методы как инструменты исторических исследований. Категория «ценность» в философии Баденской школы.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.
8	Возникновение и развитие марксистской историографии	4	Материалистическое понимание истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Проблема закономерности исторического процесса. Концепция развития общества как процесса смены общественно-экономических формаций. Разработка Энгельсом понятия цивилизации и генезиса общественных форм (дикость – варварство – цивилизация). Проблематика марксистских исторических исследований. Изучение опыта Французской	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.

			буржуазной революции конца XVIII в. К. Маркс и Ф. Энгельс о положении и роли пролетариата. Исследование революций 1848–1849 гг. и Парижской Коммуны. История капитализма в «Капитале» Маркса. Труды Энгельса по военной истории. Работы Энгельса по истории рабочего класса и крестьянства: «Положение рабочего класса в Англии», «Крестьянская война в Германии». Социал-демократическая историография. П. Лафарг, Ж. Жорес, А. Бебель, Э. Бернштейн, Г.В. Плеханов, Ф. Меринг, К. Каутский.	
9	«Русская историческая школа» Новой истории	4	Становление преподавания Новой истории в российских университетах. Издание курсов лекций и обобщающих работ по Новой истории. В.В. Бауер «Лекции по новой истории», М.Н. Петров «Лекции по всемирной истории», Н.И. Кареев «История Западной Европы в Новое время», «Общий курс истории XIX века». И.М. Кулишер «Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII до XVIII ст.», «Лекции по истории экономического быта Западной Европы». Учебники по истории Нового времени Р.И. Виппера, И.П. Реверсова и А.С. Трачевского.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.
10	Изучение истории Великобритании в российской дореволюционной историографии	4	Изучение политической мысли и политических институтов Англии. М.М. Ковалевский и А.Д. Градовский. М.Я. Острогорский и его труд «Демократия и политические партии». Исследование социально-экономической истории Англии И.И. Янжулом, И.И. Кауфманом, М.И. Туган-Барановским. Роль А.Н. Савина, И.Н. Граната, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского в изучении аграрной истории Англии. Проблемы британской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева. Труды по внешней политике Англии и российско-английским отношениям. Изучение британской колониальной империи, британских доминионов. П.Г. Мижуев. С.А. Корф. Публикация международных договоров и соглашений. В.Н. Александренко. Ф.Ф. Мартенс. Начало творческой деятельности Е.В. Тарле, его англоведческие труды. Народное образование Англии в работах П.Г. Мижуева.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.

11	Изучение истории в Германии в российской дореволюционной историографии	4	Проблемы германской истории в обобщающих трудах Н.И. Кареева. Политическая и социальная история Германии в работах В.В. Бауера, В.П. Щеглова, В.В. Ивановского, А.К. Дживилегова, В.Н. Перцева, Е.А. Ефимовой, В.А. Базарова, С.Ф. Фортунатова, Н.С. Гольдина, П.А. Берлина. А. Трачевского, Л.В. Новгородцева, В.П. Бузескула. Изучение государственного строя Германии. Исследование В.К. Соколовым политики культуркампфа. Труды Н.Я. Новомбергского, Г. Гроссмана о периодической печати. Народное образование в трудах Н.Х. Бунге, Н. Сперанского, А.А. Мусина-Пушкина, П.Г. Мижучева. Биографии политических деятелей (В. Ренненкампф, Е.И. Утин, Р.И. Сементковский, Л. Слонимский, Э.К. Пименова, М.А. Рейснер (Реус), Л. Берг. Государственное социальное страхование рабочих в освещении Е.М. Дементьева, Н.И. Сувилова. Аграрный вопрос в трудах Н.А. Каблукова, М.И. Водовозова, Н.М. Величкина.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.
12	Изучение истории в Франции в российской дореволюционной историографии	4	Французская история в трудах Т.Н. Грановского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, В.Н. Перцева. Реформационное движение и аграрные отношения в трудах И.В. Лучицкого. Изучение Великой французской революции конца XVIII вв. С.М. Соловьев о предыстории Французской революции. В.И. Герье, П.А. Кропоткин о Французской революции. Е.В. Тарле и его труд «Континентальная блокада». Политическая система страны в интерпретации А. Блока, В. Щеглова, Х.Г. Инсарова, Т.А. Богдановича, А.Ф. Быкова. Социальная структура и проблема личных прав и свобод в освещении В.Ф. Дерюжинского, Н.С. Русанова (Н.Е. Кудрина), А.А. Борового. Проблемы местного самоуправления в работах З.Д. Авалова, Н. Второва, В.В. Ивановского. Исследование политических движений П. Ардашевым и Н.И. Кулябко-Корецким. Либеральная партия в работе В.А. Бутенко. Труды о развитии периодической печати (Е.Смирнов, А.А. Раевский). П.Г. Мижучев об эволюции французских образовательных учреждений. Синдикальное движение как объект исследования. Публикация документов по трудовому и социальному законодательству.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые тесты, презентация.
13	Изучение истории США и британских	4	Преподавание американской истории в российских университетах. Изучение британской колониальной политики в работах российских ученых.	Опрос по вопросам темы. Разноуровневые

	переселенческих колоний в русской дореволюционной историографии		Колониальный период в истории США в трудах российских историков. Первые обобщающие истории Соединенных Штатов Америки А.В. Бабина и П. Г. Мижуева. М.М. Ковалевский как американист. М.Я. Острогорский как американист. И. А. Гурвич как американист. Первые сводные курсы истории Новой Зеландии, Австралии и Канады П.Г. Мижуева. Изучение государственного устройства британских переселенческих колоний С.А. Корфом. Изучение сельского хозяйства Канады и Австралии в трудах Н.А. Крюкова.	тесты, презентация.
	Всего:	52		

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

1. Историография истории [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для специальностей 1-02 01 01 «История и обществоведческие дисциплины», 1-02 01 02 «История и мировая художественная культура», 1-02 01 03 «История и экскурсионно-краеведческая работа» / сост.: А. Э. Лютая, Н. Н. Пристupa, И. Р. Чикалова // Репозиторий БГПУ. – Режим доступа: <http://elib.bsru.by/handle/doc/46432>. – Дата доступа: 04.04.2024.
2. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. – М. : Простор : ЧеРо, 2000. – 432 с.

Дополнительная литература

3. Соколов, А. Б. История исторической науки. Историография новой и новейшей истории : учебник / А. Б. Соколов. – М. : Юрайт, 2017. – 240 с.
4. Чикалова, И. Р. «Старый порядок» и Революция конца XVIII века во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. / И. Р. Чикалова // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты / Белорус. гос. ун-т ; гл. ред. А. Д. Король. – Минск, 2018. – С. 371–380.
5. Чикалова, И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.) : монография / И. Р. Чикалова. – СПб. : Алетейя, 2017. – 576 с.
6. Чикалова, И. Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.) : монография / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 413 с.
7. Чикалова, И. Р. Минчанин Исаак Аронович Гурвич (1860–1924): штрихи к научной, политической и личной биографии / И. Р. Чикалова // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі: людзі, падзеі, час : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. А. Мяцельскі ; рэдкал.: В. Л. Лакіза [і інш.]. – Минск, 2023. – С. 211–221.
8. Чикалова, И. Р. Национальный вопрос в Габсбургской монархии в освещении российской историографии начала XX в. / И. Р. Чикалова // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. / Респ. ин-т высш. шк. ; редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 3. – С. 32–44.
9. Чикалова, И. Р. Основоположник российской американистики Павел Григорьевич Мижухев (1861–1931) / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / Курс.

гос. ун-т ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск, 2020. – Вып. 12. – С. 405–437.

10. Чикалова, И. Р. П. А. Тверской: очерки американской жизни в российских общественно-политических журналах / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / Курс. гос. ун-т ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск, 2016. – Вып. 8. – С. 350–371.

11. Чикалова, И. Р. Становление германистики как области исторических исследований в Российской империи / И. Р. Чикалова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2019 г. / Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2020. – Вып. 18. – С. 136–152.

12. Чикалова, И. Р. У истоков российской американистики: Николай Андреевич Бородин (1861–1937) / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / Курс. гос. ун-т ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск, 2021. – Вып. 13. – С. 383–405.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЫПОЛНЕНИЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ»

Целью методических рекомендаций является повышение эффективности учебного процесса, в том числе благодаря самостоятельной работе, в которой студент становится активным субъектом обучения, что означает:

- способность занимать в обучении активную позицию;
- готовность мобилизовать интеллектуальные и волевые усилия для достижения учебных целей;
- умение проектировать, планировать и прогнозировать учебную деятельность;
- привычку инициировать свою познавательную деятельность на основе внутренней положительной мотивации;
- осознание своих потенциальных учебных возможностей и психологическую готовность составить программу действий по саморазвитию.

Виды самостоятельной работы студентов

<i>Репродуктивная самостоятельная работа</i>	Самостоятельное прочтение, просмотр, конспектирование учебной литературы, прослушивание лекций, заучивание, пересказ, запоминание, изучение интернет-ресурсов, повторение учебного материала и др.
<i>Познавательного-поисковая самостоятельная работа</i>	Подготовка сообщений, докладов, выступлений на семинарских и практических занятиях, подбор литературы по дисциплинарным проблемам, написание рефератов, курсовых работ и др.
<i>Творческая самостоятельная работа</i>	Написание научных статей, участие в научно-исследовательской работе, подготовка дипломной работы (проекта), участие в студенческой научной конференции и др.

Организация и контроль самостоятельной работы

Для успешного выполнения самостоятельной работы студентов необходимо планирование и контроль со стороны преподавателей. Аудиторная самостоятельная работа выполняется студентами на лекциях, семинарских занятиях, и, следовательно, преподаватель должен заранее выстроить систему самостоятельной работы, учитывая все ее формы, цели, отбирая учебную и научную информацию и средства (методических) коммуникаций, продумывая роль студента в этом процессе и свое участие в нем.

Вопросы для самостоятельной работы студентов, указанные в типовой программе дисциплины, предлагаются преподавателями в начале изучения дисциплины. Студенты имеют право выбирать дополнительно интересующие их темы для самостоятельной работы.

Содержание деятельности преподавателя и студента при выполнении самостоятельной работы

Основные характеристики	Деятельность преподавателя	Деятельность студентов
Цель выполнения СР	-объясняет цель и смысл выполнения СР; -дает развернутый или краткий инструктаж о требованиях, предъявляемых к СР и способах ее выполнения; -демонстрирует образец СР	-понимает и принимает цель СР как лично значимую; -знакомится с требованиями к СР
Мотивация	-раскрывает теоретическую и практическую значимость выполнения СР, тем самым формирует у студента познавательную потребность и готовность к выполнению СР; -мотивирует студента на достижение успеха	-формирует собственную познавательную потребность в выполнении СР; -формирует установку и принимает решение о выполнении СР
Управление	-осуществляет управление путем целенаправленного воздействия на процесс выполнения СР; -дает общие ориентиры выполнения СР	-на основе владения обобщенным приемом сам осуществляет управление СР (проектирует, планирует, рационально распределяет время)

Контроль и коррекция выполнения СР	-осуществляет предварительный контроль, предполагающий выявление исходного уровня готовности студента к выполнению СР; -осуществляет итоговый контроль конечного результата выполнения СР	-осуществляет текущий операционный самоконтроль за ходом выполнения СР; -выявляет, анализирует и исправляет допущенные ошибки и вносит коррективы в работу, отслеживает ход выполнения СР; -ведет поиск оптимальных способов выполнения СР; -осуществляет рефлексивное отношение к собственной деятельности; -осуществляет итоговый самоконтроль результата СР
Оценка	-на основе сличения результата с образцом, заранее заданными критериями дает оценку СР; -выявляет типичные ошибки, подчеркивает положительные и отрицательные стороны, дает методические советы по выполнению СР, намечает дальнейшие пути выполнения СР; -устанавливает уровень и определяет качество продвижения студента и тем самым формирует у него мотивацию достижения успеха в учебной деятельности	-на основе соотнесения результата с целью дает самооценку СР, своим познавательным возможностям, способностям и качествам

Внеаудиторная самостоятельная работа студентов (далее самостоятельная работа) – планируемая учебная, учебно-исследовательская, научно-исследовательская деятельность студентов, осуществляемая во внеаудиторное время по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Она включает в себя:

- подготовку к аудиторным занятиям (лекциям, практическим, семинарским и др.) и выполнение соответствующих заданий;
- самостоятельную работу над отдельными темами учебных дисциплин в соответствии с учебно-тематическими планами;
- написание рефератов, докладов, эссе;
- выполнение курсовых работ;
- подготовку ко всем видам контрольных испытаний, в том числе к комплексным экзаменам и зачетам;
- участие в научных и научно-практических конференциях, семинарах, конгрессах и т.п.;

Выполнение любого вида самостоятельной работы предполагает прохождение студентами следующих этапов:

- определение цели самостоятельной работы;
- конкретизация познавательной (проблемной или практической) задачи;
- самооценка готовности к самостоятельной работе по решению поставленной или выбранной задачи;
- выбор адекватного способа действий, ведущего к решению задачи (выбор путей и средств для ее решения);
- планирование (самостоятельно или с помощью преподавателя) самостоятельной работы по решению задачи;
- реализация программы выполнения самостоятельной работы.

Методические советы и рекомендации к заданиям

Все типы заданий, выполняемых студентами, в том числе в процессе самостоятельной работы содержат установку на приобретение и закрепление определенного Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования объема знаний, а также на формирование в рамках этих знаний некоторых навыков мыслительных операций – умения оценивать, анализировать, сравнивать, комментировать и т.д. Некоторые задания требуют пояснения:

1. Прокомментировать высказывание – объяснить, какая идея заключена в отрывке, о какой позиции ее автора она свидетельствует.
2. Сравнить – выявить сходство и различие позиций по определенным признакам.
3. Обосновать один из нескольких предложенных вариантов ответа – привести аргументы в пользу правильности выбранного варианта ответа и указать, в чем ошибочность других вариантов.

4. Аргументировать (обосновать, доказать, объяснить) ответ.

5. Провести анализ – разложить изучаемые явления на составные части, сопоставить их с целью выявления в них существенного, необходимого и определяющего.

6. Тезисно изложить идею, концепцию, теорию – используя материал учебных пособий и другой литературы, кратко, но не в ущерб содержанию сформулировать основные положения учения.

7. Изобразить схематически – значит раскрыть содержание ответа в виде таблицы, рисунка, диаграммы и других графических форм.

Важной составляющей самостоятельной внеаудиторной подготовки является работа с литературой ко всем видам занятий: семинарским, практическим, при подготовке к зачетам, экзаменам, тестированию, участию в научных конференциях.

Умение работать с литературой означает научиться осмысленно пользоваться источниками. Прежде чем приступить к освоению научной литературы, рекомендуется чтение учебников и учебных пособий.

Изучение научной, учебной и иной литературы требует ведения рабочих записей.

Форма записей может быть весьма разнообразной: простой или развернутый план, тезисы, цитаты, конспект.

Студентам рекомендуется самостоятельно выполнять доклады, индивидуальные письменные задания и упражнения, предлагаемые при подготовке к семинарским занятиям. Работа, связанная с решением этих задач и упражнений, представляет собой вид интеллектуальной практической деятельности. Она способствует выработке умения и привычки делать что-либо правильно, а также закреплению навыков и знаний по проблеме.

Методические рекомендации по написанию письменных, научно-исследовательских работ студентов

Написание письменных научно-исследовательских работ студентов решает ряд задач:

- обучение студентов самостоятельному поиску и отбору учебной и специальной научной литературы по предмету;

- привитие навыков реферирования научных статей по проблематике изучаемых дисциплин;

- выработка умения подготовки рефератов, докладов, выступлений и сообщений;

- приобретение опыта выступления с докладами на семинарских занятиях;

- систематизация, закрепление и расширение теоретических и практических знаний и навыков по изучаемым дисциплинам;

- приобщение студентов к решению проблемных вопросов по избранной теме работы;

- обучение студентов излагать материал в виде стройной системы теоретических положений, связанных логической последовательностью и подкрепленных примерами из практики.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Предмет историографии новой истории. Связь историографии с философскими, религиозными, экономическими, социальными и политическими идеями и воззрениями. Основные труды и пособия по дисциплине.
2. Хронология и периодизация в истории. Развитие представлений о новой истории, ее периодах и этапах.
3. Гуманистическая историография. Предпосылки возникновения. Отношение гуманистов к античной культуре. Критика средневекового провиденциализма. Складывание антропоцентрической картины мира.
4. Гуманистическая историография в Италии.
5. Гуманистическая историография в странах Западной Европы.
6. Историческая мысль Англии XVII в. Концепция исторического развития в трудах Дж.Уинстенли. Генезис и развитие государственности в сочинении Т.Гоббса «Левиафан».
7. Социально-политические условия возникновения и развития исторических взглядов в эпоху Просвещения. Общая характеристика историографии эпохи Просвещения.
8. Историография Англии эпохи Просвещения.
9. Исторические взгляды французских Просветителей.
10. Исторические взгляды американских Просветителей.
11. Исторические взгляды немецких Просветителей.
12. Консервативно-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.
13. Французская либерально-романтическая историография конца XVIII – начала XIX в.
14. Немецкая либеральная историография XIX в. Гейдельбергская школа.
15. Разработка О.Контом позитивистской парадигмы как общенаучной методологии научного познания. Возникновение и развитие позитивистской историографии.
16. Английская историография второй половины XIX в. Историки-позитивисты.
17. Французская историография второй половины XIX в. Историки-позитивисты.
18. Баденская школа в Германии: В. Виндельбанд, Г. Риккерт.
19. Возникновение и развитие марксистской историографии. Немецкая социал-демократическая историография.
20. Развитие американской историографии в XIX – начале XX в.
21. Становление изучения всеобщей истории в Российской империи.
22. «Русская историческая школа» Новой истории и ее основные представители.
23. Изучение Франции эпохи «старого порядка» в дореволюционной российской историографии.

- 24.Изучение Французской революции конца XVIII века в дореволюционной российской историографии.
- 25.Изучение социально-политической истории Франции первой половины XIX века в дореволюционной российской историографии.
- 26.Исследования по истории Германии Нового времени в дореволюционной российской историографии.
- 27.Изучение социально-экономической истории Великобритании в дореволюционной российской историографии.
- 28.Изучение политической истории и государственных институтов Великобритании в дореволюционной российской историографии.
- 29.Изучение внешней политики Великобритании в дореволюционной российской историографии.
- 30.Изучение социально-экономической и политической истории США в дореволюционной российской историографии.
- 31.Изучение истории британских доминионов в дореволюционной российской историографии.

ПРИМЕРЫ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАДАНИЙ

1. Постройте сравнительную таблицу, отражающую характерные черты школ гуманистической историографии.
2. Постройте сравнительную таблицу, отражающую различия позитивистской методологии и аксиологического подхода в исторических исследованиях.
3. Установите межпредметные связи между темой «Концепция исторического развития в трудах Дж. Уинстенли» в курсе историографии истории и темой «Английская революция середины XVII в.» в курсе «Новой истории Европы и Америки».
4. Постройте сравнительную таблицу, отражающую различия в трактовке исторического процесса представителями либерально-романтической и консервативно-романтической историографией.
5. Постройте сравнительную таблицу, отражающую характерные черты и различия в методологии исторического исследования представителями позитивистской и марксистской историографий.
6. Установите межпредметные связи между темой «Изучение Франции эпохи “старого порядка”» в курсе историографии истории и темой «Французский абсолютизм. Его внутренняя и внешняя политика» в курсе «Новой истории Европы и Америки».
7. Составить перечень литературы по теме «Изучение советской исторической наукой истории американской революции и гражданской войны».
8. Установите межпредметные связи между темой «Изучение Франции эпохи Французской революции конца XVIII века» в курсе историографии истории и темой «Французский абсолютизм. Его внутренняя и внешняя политика» в курсе «Новой истории Европы и Америки».
9. Постройте сравнительную таблицу, отражающую характерные черты и различия в позитивистском и аксеологическом подходах к историческому исследованию.
10. Составить перечень научной литературы из пяти наименований по теме «Война за независимость и образование США».
11. Составить перечень научной литературы из пяти наименований по теме «Рабство и Гражданская война в США».
12. Составить перечень научной литературы из пяти наименований по теме «Социально-политическая история Великобритании».
13. Составить перечень научной литературы из пяти наименований по теме «Английская революция середины XVII в.».

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАДАНИЙ УПРАВЛЯЕМОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ (6 ч.)

Тема 10. Изучение истории Великобритании в русской дореволюционной историографии (2 ч., семинар)

1. Изучение внешней и колониальной политики Великобритании в русской дореволюционной историографии.
2. Изучение социальных движений в Великобритании в русской дореволюционной историографии.

Контрольные вопросы и задания:

А) Уровень воспроизведения учебного материала:

Подготовка докладов, презентаций по теме занятия (см. Содержание учебного материала).

Б) Достаточный уровень владения учебным материалом:

- а) знать основные труды по истории внешней и колониальной политики Великобритании;
- б) знать основные труды по истории социальных движений в Великобритании.

В) Уровень применения знаний на практике:

- а) Составить опорный конспект (форма контроля – защита творческих заданий).

Форма контроля:

- коллоквиум

Тема 11. Изучение истории Германии в русской дореволюционной историографии (2 ч., семинар)

1. Изучение политической и социальной истории Германии.
2. Изучение аграрного вопроса Германии.
3. Изучение внешней политики германских государств.

Контрольные вопросы и задания:

А) Уровень воспроизведения учебного материала:

Подготовка докладов, презентаций по теме занятия (см. Содержание учебного материала).

Б) Достаточный уровень владения учебным материалом:

- а) знать основные труды по политической и социальной истории Германии;
- б) знать основные труды по истории аграрного вопроса Германии;
- в) знать основные труды по истории внешней политики германских государств.

В) Уровень применения знаний на практике:

а) Составить опорный конспект (форма контроля – защита творческих заданий).

Форма контроля:

- коллоквиум

**Тема 13 Изучение истории США и британских переселенческих колоний
в российской дореволюционной историографии
(2ч., лекция)**

1. Колониальный период в истории США в трудах российских историков.
2. Первые обобщающие истории Соединенных Штатов Америки.
3. М. М. Ковалевский как американист. М. Я. Острогорский как американист. И. А. Гурвич как американист.

Контрольные вопросы и задания:

А) Уровень воспроизведения учебного материала:

Подготовка докладов, презентаций по теме занятия (см. Содержание учебного материала).

Б) Достаточный уровень владения учебным материалом:

а) знать основные российские труды по колониальному периоду в истории США;

б) знать основные российские труды по истории США конца XVIII – начала XIX вв.

В) Уровень применения знаний на практике:

а) Составить опорный конспект (форма контроля – защита творческих заданий).

Форма контроля:

- коллоквиум

Перечень используемых средств диагностики результатов учебной деятельности студентов

Для контроля компетенций используются следующие формы

1. Устная форма:

- сообщения
- опрос
- доклады на семинарах
- обсуждения
- работа с источниками
- зачет

2. Письменная форма:

- рефераты
- разноуровневые тесты
- эссе

1. Устно-письменная работа:

- отчеты по аудиторным семинарским занятиям с последующей устной защитой
- отчеты по самостоятельной работе студентов с последующей устной защитой

**КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ СТУДЕНТОВ ПО
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ «ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ»**

	Критерий оценки
зачтено	достаточный объем знаний в рамках учебной программы УВО по учебной дисциплине; усвоение основной литературы, рекомендованной учебной программой УВО по учебной дисциплине; использование научной терминологии, логичное изложение ответов на вопросы, умение делать выводы без существенных ошибок; освоение инструментария учебной дисциплины, умение использовать его при решении стандартных (типовых) задач; умение ориентироваться в основных теориях, концепциях и направлениях изучаемой учебной дисциплины и давать им оценку; работа под руководством преподавателя на семинарских занятиях, приемлемый уровень культуры выполнения заданий
не зачтено	фрагментарные знания в рамках учебной программы по учебной дисциплине; знание отдельных литературных источников, рекомендованных учебной программой УВО по учебной дисциплине; неумение использовать научную терминологию учебной дисциплины, наличие грубых, логических ошибок в ответе; пассивность на семинарских занятиях, низкий уровень культуры выполнения заданий; отсутствие знаний и компетенций в объеме учебной программы УВО по учебной дисциплине, отказ от ответа, неявка на аттестацию без уважительной причины

ПРОТОКОЛ СОГЛАСОВАНИЯ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ УВО

Название учебной дисциплины, с которой требуется согласование	Название кафедры	Предложения об изменениях в содержании учебной программы учреждения высшего образования по учебной дисциплине	Решение, принятое кафедрой, разработавшей учебную программу (с указанием даты и номера протокола)
Новая и Новейшая история стран Азии и Африки	Кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории	Нет	Изменения не требуются. Утвердить эту рекомендацию (протокол № 8 от 26.03.2024 г.)

Список литературы

Основная литература

1. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. – М. : Простор : ЧеРо, 2000. – 432 с.

Дополнительная литература

2. Соколов, А. Б. История исторической науки. Историография новой и новейшей истории : учебник / А. Б. Соколов. – М. : Юрайт, 2017. – 240 с.
3. Чикалова, И. Р. «Старый порядок» и Революция конца XVIII века во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. / И. Р. Чикалова // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты / Белорус. гос. ун-т ; гл. ред. А. Д. Король. – Минск, 2018. – С. 371–380.
4. Чикалова, И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.) : монография / И. Р. Чикалова. – СПб. : Алетейя, 2017. – 576 с.
5. Чикалова, И. Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.) : монография / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 413 с.
6. Чикалова, И. Р. Минчанин Исаак Аронович Гурвич (1860–1924): штрихи к научной, политической и личной биографии / И. Р. Чикалова // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі: людзі, падзеі, час : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. А. Мяцельскі ; рэдкал.: В. Л. Лакіза [і інш.]. – Минск, 2023. – С. 211–221.
7. Чикалова, И. Р. Национальный вопрос в Габсбургской монархии в освещении российской историографии начала XX в. / И. Р. Чикалова // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. / Респ. ин-т высш. шк. ; редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 3. – С. 32–44.
8. Чикалова, И. Р. Основоположник российской американистики Павел Григорьевич Мижуев (1861–1931) / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / Курс. гос. ун-т ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск, 2020. – Вып. 12. – С. 405–437.
9. Чикалова, И. Р. П. А. Тверской: очерки американской жизни в российских общественно-политических журналах / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования :

- межвуз. сб. науч. тр. / Курс. гос. ун-т ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск, 2016. – Вып. 8. – С. 350–371.
10. Чикалова, И. Р. Становление германистики как области исторических исследований в Российской империи / И. Р. Чикалова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2019 г. / Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2020. – Вып. 18. – С. 136–152.
11. Чикалова, И. Р. У истоков российской американистики: Николай Андреевич Бородин (1861–1937) / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. / Курс. гос. ун-т ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск, 2021. – Вып. 13. – С. 383–405.